

Инга Полякова

Платановая аллея

Издательские решения
По лицензии Ridero
2020

УДК 82-3
ББК 84-4
П54

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Полякова Инга
П54 Платановая аллея / Инга Полякова. — [б. м.] : Издательские
решения, 2020. — 170 с.
ISBN 978-5-0051-8625-6

Сборник рассказов «Платановая аллея» получился неоднозначным и разноплановым. Это панель рассказов, новелл, этюдов о жизни, заметок о самом существенном, будь то выбор косметики в супермаркете, отчаянное похудение за два дня, приключения женщины за рулем или установка гаража во дворе. Сборник захватывающих рассказов погружает читателя в яркий и удивительный мир, где жизнь предстает во всем своем многообразии и сложности.

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0051-8625-6

© Инга Полякова, 2020

*Посвящается моей маме Ирине Михайловне:
«Каждая моя ошибка — это только моя ошиб-
ка. Каждая моя победа — это только твоя по-
беда»*

Рассказы

Автомобилистка

Я только четыре года за рулем.

Когда паркуюсь вдоль бордюра на заставленной машинами дороге, ухохатывается весь квартал. Надеюсь, видео со мной не висит где-нибудь на «Ютубе». А может, уже висит. Главное, я об этом не знаю...

Путаю ли я право и лево? Конечно же, путаю... Четыре года за рулем. Езжу практически каждый день... и все еще путаю... Особенно на дороге, когда навигатор громко диктует: «Через сто метров поворот направо». Я метров восемьдесят соображаю, куда поворачивать... Потом остается двадцать метров, чтобы в нужную полосу перестроиться и сигнал поворота включить. Нужно подумать, какой именно. И как все успеть? Поэтому на левой руке ношу часики. Поворот налево — это к часикам, направо — от часиков. Лево — часики, право — не часики... И еще говорят, женщины нелогичны... Иногда можно и без часиков, на навигаторе есть стрелочки, которые показывают направление. И не нужно думать: лево-право, ехать по стрелочке и все! Красота!

Что такое «помеха справа» не знаю до сих пор. Туфта какая-то. Но ничего, и так можно терпимо ездить...

Если еду по кольцу, на всякий случай читаю молитву. Кто эти кольца разберет?!

Что такое «слепое пятно» — смутно догадываюсь.

Став водителем, я аккуратно перехожу, вернее, перебегаю дорогу и только на зеленый, верчу головой влево-вправо без остановки. Мало ли...

Музыку послушать люблю. Правда, отвлекает от дороги, но я слушаю тихо, а на сложных участках выключаю совсем.

Признаюсь, в начале вождение казалось мне нереальным. Когда по встречке несся поток автомобилей, то каждого воспринимала, как смерть. Но огромное количество водителей вокруг уверили меня в обратном. Чем я хуже?

Когда я сказала дяде, что собираюсь получать права, он наивно спросил: «Ты же не будешь водить машину?». «Не буду», — врать я умею.

В автошколе объяснила, что инструктор мне нужен терпеливый, сдержанный и опытный. Мне дали старичка лет под восемьдесят. Маленький, лысый, шуплый и мумифицированный. Делился со мной: «Никогда не курил, вел здоровый образ жизни, спортсмен! Пил, правда, малость». Ну, конечно, совсем чуть-чуть. Всегда был навеселе. Подшофе садился за руль: «Вы же не против, я сегодня с бодуна». Конечно, не против. Всего лишь новичок за рулем с пьяным инструктором. Что ж тут страшного? Рассказывал, что пил всю жизнь, поэтому хорошо сохранился. Заспиртовался.

Училась я на механике. Однажды проспиртованный старичок преподавал езду на горке: «Одна педаль на тормозе, другая на сцеплении, и нажимаешь газ». «А чем газ нажимать? Ног не хватает... Ноги закончились». Он, смеясь, объяснил, что ногу нужно медленно перенести с тормоза на газ, не отпуская сцепление... «А если я скачусь вниз с горки и умру?». «Не умрешь...».

Мы с ним не сработались. Я гробила его новый «заз». Постоянно не вовремя нажимала и отпускала медленно стирающееся сцепление... Каждый раз, когда машина глохла, он так сильно нервничал, аж подсказывал. Сказал, если что-то испорчу, буду за свой счет ремонтировать...

Дядя готовил меня к экзаменам в ГИБДД. Он ставлял ездить «змейку» задом, а вместо стоек ставил бутылки для шампанского. Если наехать, то сразу рези-

ну порезать. Кричал на меня постоянно и не стеснялся в выражениях:

— Продумай весь маршрут от начала и до конца. Ушами не хлопай, на дорогу смотри. Если погода плохая, в боковых зеркалах ничего не видно, ориентируйся по заднему, только оно у тебя приближает. Аккуратнее. И голову нужно поворачивать, когда назад едешь. Куда едешь, туда и смотришь... Куда ты лезешь? Брось это гиблое дело, помяни мое слово, не будешь ты водить!

— Буду! — упрямо повторяла я...

Он всегда со мной такой грубый, я привыкла. После часа занятий с ним мне две недели снились кошмары...

Права я получала сама. Ну или почти сама. С третьей попытки и за деньги. Все билеты честно выучила. Теорию сдала очень круто, без ошибок. Правда, как только сдала — все тут же забыла и до сих пор ничего не помню!

На автодроме экзамены начинались с горки. Когда провалились двое парней из группы, которые с десяти лет с родителями за рулем, я поняла: шансов нет... Никто и не сомневался, что сев в ГИБДДшный автомобиль и увидев себя в камеру, я сразу забыла не только, где лево и право, но и куда нажимать и что крутить. Ручник не вовремя отпустила и съехала с горки вниз под дружный смех однокашников...

Попытка номер два закончилась почти также. Смех немного поредевшей толпы ожидающих стал громче. Я позвонила проспиртованному старичку: «Везу бабосики, договаривайтесь. Сама не сдам никогда в жизни».

Заплатила неподкупному ГИБДД пятнадцать тысяч и через два часа получила новенькие, ламинированные права. Город разрешили не сдавать, подозреваю, что служебный автомобиль пожалели.

Проспиртованный инструктор в меня не верил, считал меня тупой. Я поменяла инструктора. Дядя нашел Дениса Альбертовича по пятьсот рублей в час... Сказал:

«Он специализируется на идиотках». «Мне подходит». Большинству хватает пары месяцев занятий с персональным тренером инструктором. Мои длились полгода...

Денис — невысокий, смуглый, сорокалетний — спиртоваться начал недавно. Возможно, тоже хотел забальзамироваться к восьмидесяти. Жить долго и празднично... Наверное, все инструкторы спиртуются.

Когда на скорости шестьдесят я летела в столб, давя газ и забыв, где лево и право... Когда он выкрутил руль, спасая нам жизни... Я потом полдня пила валерьянку, а он, ничего, спокойный... Даже не орал на меня. Ну а ему что? Я же свою машину убиваю. Подозреваю, что перед нашими занятиями он горстями глотал успокоительное...

Инструктор повесил огромное зеркало на лобовое стекло. До сих пор слышу его тихий ровный голос, когда еду по льду или глубокому снегу.

— Ты автомат водишь, а не механику! Одной ногой нажимаешь газ и тормоз.

— Я думала одной ногой газ давить, а другой — тормоз.

— Ездить, как трещотку отбивать? — он посмотрел на меня, как на дуру... Почему как?... Ну и ладно, это я тоже переживу.

— Когда-нибудь в экстренной ситуации затормозишь двумя ногами.... Машину спалишь точно... И убирай значки с заднего стекла, туфельки, буквы «У» и малышкой с колясками. Никакого обзора, тебе дорогу не видно... Восклицательный знак можешь оставить, только повесь справа... А с лобового стекла восклицательный знак снимми... Думаешь, облипилась знаками — лучше водить будешь?

Почему-то все на меня постоянно орут...

— Ты быстро крутишь руль и медленно нажимаешь газ... Если тебя занесло, главное, не крути руль и не за-

крывай глаза. В пол тормоз и ABS сработает, остановишься.

Его советы иногда противоречили друг другу... Крути — не крути... И как тут разобраться?..

— И не нужно оглядываться на дохлых кошек и собак и зажмуриваться, следи за дорогой. Это жизнь, все бывает... И не сбрасывай скорость. Ну, прокатилась по трупу, услышала хруст костей под колесами. И что? Проехали... Хладнокровнее надо быть. И не жми тормоз в пол на трассе, чтобы не задавить собачку! Ты людей в машине сзади пожалей! Вы всмятку разобьетесь! Ты водитель или кто?

— Или кто...

— Нужно трезво оценивать ситуацию. Задавила собачку, выбросила из головы и поехала дальше. Главное, на дороге не виляй. Другие водители должны предсказывать твое поведение.

Инструкторы все-таки жестокие. С истеричками, как я, поездишь, еще не таким станешь.

Ни одна зверюшка под колесами моей машины не пострадала. В городе в тихом переулке однажды резко затормозила, чтобы пропустить спешащую по делам дворняжку. Услышала визг тормозов авто сзади и трехэтажный мат в мой адрес. Ничего. Все можно пережить, зато собачка жива и здорова!

На последнем занятии Денис предложил: «Если надумаешь водить механику, звони...». Заверила его, что не надумаю... Он явно вздохнул с облегчением. Мне хватает и автомата. За дорогой следить, где лево-право вспоминать. Куда еще передачи переключать и сцепление нажимать...

Мне иногда снилось, как я веду машину. Я еду, вокруг машины стоят, а мне кажется, что едут. Или они на самом деле едут, а мне кажется, что стоят...

Я только получила права и позорилась на улицах без инструктора. Думала прокатиться по одной из централь-

ных улиц Октябрьской. Вижу, водители вокруг удивленно смотрят на мой мигающий поворот налево. И предупреждающе сигналият со всех сторон... Я игриво прокричала им: «Придурки». И кокетливо махнула ручкой в окно... Повернула... Через квартала два поняла: что-то не то... Да, соображаю я туго... Медленное зажигание... На полосе была нарисована большая буква «А». Нигде ни одного авто... Встречная полоса мне тоже странно сигналила... Прохожие показывали пальцем и смеялись...

Я точно помнила, что машины поворачивали здесь налево, когда училась в музыкальной школе. Лет двадцать назад! Оказывается, поворот уже года два как запретили, оставили выделенную полосу для маршруток и автобусов. Быстро юркнула в ближайшую подворотню! Повезло, что на ДПС не нарвалась!

Через пару дней ехала на фитнес. Всего несколько кварталов по знакомым улицам. На первом меня поймали дпсники, якобы заехала на встречу. Начали угрожать лишением прав. Я их только неделю, как получила. Откупилась парой тысяч. Дпсник спросил: «Кто тебя вообще на улицы выпустил?». «Сама поехала»...

На следующем квартале опять поворот налево... Я повернула вместе с прямым потоком... Чуть не врезалась в проезжающий мимо черный «рио». Водитель, объезжая меня, почему-то крутил у виска с криками: «Совсем дура, да?». Дура, да, дура. Я ж не отказываюсь. Что сделала неправильно, не поняла до сих пор. Наверное, нужно было пропустить... Или быстренько проехать первой, но точно не вклиниваться слева в прямой поток... Надо еще раз правила почитать... Ну, ладно, кому сейчас легко...

Машину выбирала полгода, пока училась в автошколе и получала права. Остановилась на популярной новой модели. Но не сложилось. Семейное мнение: «Бог услышал молитвы твоего дяди — ты не купила себе «солярис». Я купила себе «ниссан».

Первые полгода вождения каждый месяц — новая коцка. Я вела учет. Обтесала все бордюры, въехала во все столбы и заборы. Машина пошкарябана со всех сторон. Смотреть страшно. Я и не смотрела... Зато ни одной серьезной аварии.

Когда мама увидела белый «ниссан» после очередного ДТП, она долго молчала. Пока я ждала приговор, сердце громко угукало где-то в пятках, отдаваясь в висках. Мама вздохнула: «Что уж тут. Сама машину купила — сама разбила»... Мама у меня супер! Либеральная...

Однажды с мамой забирала кошку из аэропорта. Решила припарковаться неподалеку. Только пристроилась в последнее свободное местечко, как рядом синий «мерс» начал усиленно сигналить, махать руками и кричать обидные слова при маме. Я поторопилась быстрее уехать. А он как ни в чем не бывало занял мое бесплатное место! Пришлось ставить машину на парковку по сто рублей в час. Обидно, досадно, ну ладно...

Вообще-то у меня стаж четыре года...

Любимые сто десять лошадиных сил я отремонтировала...

ОСАГО плачу как водитель со стажем. Когда выписываю страховку, классно смотрюсь со стороны!

Мне нравится за рулем. Как три тонны железа беспрекословно слушаются... Чувствуешь себя всемогущей...

Сев за руль, я теперь ко многому отношусь проще. Ругательства в спину меня не трогают, фак в окне не смущает. Кто-то относится терпимо к моим ошибкам и косякам: выездам на встречку на малознакомой дороге и повороту не из той полосы. Я тоже стала добрее и терпимее к людям... Когда тебе кричат вслед: «Дура!», обидно первые пятьдесят раз, потом привыкаешь.

И не так уже и много у меня было ДТП. Но восклицательный знак «Начинающий водитель» решила благора-

зумно не снимать! Законом не запрещается, зато при виде меня другие автомобилисты кидаются врассыпную.

Езжу по одному и тому же маршруту каждый день и чувствую себя профи. Когда начинаю самоуверенно представлять себя крутым водилой, сразу вспоминаю жуткие картинки со смертельными авариями в ГИБДД. Здорово отрезвляет!

Я — идеальный водитель. Всех бесконечно пропускаю. Даже если по правилам не должна. Вокруг радуются, улыбаются, авариейкой говорят «спасибо»! Пусть едут, мне спокойнее! Тише едешь, дольше будешь...

Бывалые автомобилисты ездят по закоулкам и везде успевают даже в часы пик, я по центральным улицам по пробкам... Нужно поставить памятник изобретателю навигатора. Какая вещь! Просто спасение для автомобилистки! С этим умным устройством объездила весь город по самым заковыристым переулкам.

Главное правило: в сложной ситуации ехать медленно. Водители вокруг сами разберутся. Покричат, поругаются, иногда, обгонят, перед носом демонстративно затормозят. Подрежут... Но никому не хочется попадать в аварию... Хотя, слышала, опытные таксисты, специально подставляются новичкам под ДТП, чтобы за чужой счет отремонтировать свое покоцанное авто...

Езжу я аккуратно, сорок по городу, всегда занимаю только крайнюю правую полосу с маршрутками, грузовиками и «КАМАЗами». Крайняя левая не для меня, не спорю. Многие водители избегают грузовиков. А я наоборот. За грузовиком пристроишься, можно ехать сколько угодно. Ну и ладно, что от угарных газов дышать нельзя. Очень даже нормально. Человек ко всему привыкает... Главное, закрыть все окна, перевести задвижку забора воздуха «из салона». А если сильно жарко, ничего, можно, обливаясь потом, и потерпеть. Главное, безопасно за грузовиком! Почему-то знакомые

водители-мужчины ездят за «КАМАЗом» или грузовиком безопасной не считают. Но разве они могут понять, какково девушке на многомашиных улицах трехполосного города?

Расстояние от Краснодара до Тимашевска семьдесят один километр я путешествовала два с половиной часа. Обычный водитель проезжает за час. Ехала за грузовиком-«вонючкой» со скоростью тридцать. Никак не решалась обогнать по встречке и всю дорогу задыхалась от выхлопов...

Поворот направо по дополнительной стрелке светофора... Кошмар! Кто придумал эту допстрелку? Едешь себе спокойно на зеленый, никого не трогаешь, бац! — и тебя тормозит дпсник со словами, что ты проехала на запрещающий знак и это лишение прав! ДПС с допстрелкой озолотились уже! Я раз пять попадала... Когда же запомню... Тормоз, медленный газ... Знакомый дпсник, как родной. Уже издали узнает мою машину. Сразу штрафы выписывает. Даже фамилию выучил... Ждет не дождется, когда проеду правильно...

Вообще, когда останавливает гаишник, я кошу под дуру. Полную. Пускаю слезу и давлю на жалость. Сразу начинаю рассказывать, что у меня маленький ребенок и злой муж, что преподаю математику и мало зарабатываю. Денег нет. А на вопрос: «Откуда новая машина?». «Муж подарил». Вру я отменно. Писатель. Обычно дпсник видят детское кресло и мой честный взгляд. Слезно молю взять деньги: «Берите, берите, не отказывайтесь... Я знаю, сотрудники ДПС мало получают». Чаще всего срabатывает, отделяюсь мелкой взяткой.

Штрафы оплачиваю в тот же день. Однажды в банке в очереди, сначала заполнила одну квитанцию. Сделала ошибку, попросила еще одну. Рядом мужчина: «Когда вы так быстро штрафы зарабатываете?». «Уметь нужно». Кассирша спрашивает: «Вашего штрафа нет в базе дан-

ных. Он, наверное, свеженький?». «Да, свеженький... сегодняшний».

Я дома не крашусь, беру косметику с собой в машину. Самое удобное время красить губы и глаза — утром в пробке. Зеркало большое, увеличивающее, времени много. Можно вечерний макияж нарисовать. Обидно, если один глаз намалевала, а другой нет... Едешь два квартала в половинной боевой раскраске...

Когда делаю макияж по утрам в пробке, водители-мужчины рядом просто звереют. Их глаза наливаются кровью. И стоит мне опоздать проехать три метра, сзади нетерпеливо сигналият, мол, оторвись от зеркала, задерживаешь движение. Я проезжаю еще три метра и докрашиваю глаз под яростные взгляды соседей по пробке. И надо же еще так подгадывают, библикают, чтобы я вздрогнула, рука соскочила и вместо черной летящей вверх стрелки появилась угольная полоса до уха. Потом стирай ее три квартала...

Библикать я тоже умею. Когда торопящиеся прохожие перебегают дорогу в неположенном месте, гневно сигналию и смотрю на них зло. Они забавно подпрыгивают...

Я уже четыре года за рулем...

Наконец-то заняла среднюю полосу, больше не езжу с грузовиками и «КАМАЗами». Заруливаю в гараж с первой попытки на узкой дороге. На удивление всем лихо езжу задом. За последний год у меня не было ДТП. Прогресс!

Ругань в свой адрес слышу все реже. Мастерство растёт!

А еще через четыре года я надеюсь научиться парковаться параллельно бордюру и разобраться, наконец, с помехой справа. Наверное, это не так сложно, как кажется...

Платановая аллея

Женя приходит в гости раз в пару месяцев. Мы знакомы уже тысячу лет.

Я обычно спрашиваю ее:

— Как дела?

— Ой, моя семья меня не отпускает. Пока всех накопмишь, уберешь, успокоишь... — как всегда, отвечает она.

При этом смотрит исподлобья, ее взгляд как бы говорит: «Ну, ты же понимаешь!». Я отвечаю сочувствующим взглядом... И мы продолжаем непринужденно болтать о погоде...

Жене чуть больше тридцати. Она высокая, крупная брюнетка в очках, по-своему красивая. У нее длинные волосы, она почти всегда их распускает. Сейчас у Жени появилась прядь седых волос, которую она не крашивает. В ней есть какая-то женская сила, грация и девственная первобытность. Она скромно одевается, но почти всегда в фольклорном стиле: длинные до полу юбки, широкие платья, босоножки на плоской подошве с закрытым носом или сапоги, часто носит платки. Кому-то может показаться, что она одевается по-старушечьи, но мне кажется, что Женя — девушка в стиле этно... У нее много талантов: она занимается йогой, увлекается эзотерикой, хорошо знает английский, играет на пианино и поет в народном хоре. Она еще молода и красива, но уже появились первые морщинки вокруг глаз. Женя всегда старается держать спину, но когда думает, что ее никто не видит, сутулится...

Через пару часов Жене уже пора уезжать домой. Она опять бросает фразу о семье:

— С ними не так уж и сложно.

— Да? — удивляюсь я.

Она улыбается только губами:

— Ну, все, я поехала.

— Домашним привет! — вежливо говорю я. — Выбери-райся почаще. Заезжай после того, как отвезешь маму на работу, ее же в час нужно забирать? Больница здесь недалеко, как раз можно посидеть у меня.

— Я бы с удовольствием. Но Федя... Ты же знаешь... Его же нужно накормить, помыть, побрить, за ним нужно убраться... Но как-нибудь обязательно.

Федя — это старший брат Жени. Ему уже почти со-рок. Он — даун.

С Женей мы дружим давно. Мы познакомились на первом курсе университета на кружке по английскому языку. Потом вместе ходили в «American Club», тусили в одной компании, два года подряд ездили в студенче-ский летний лагерь.

И только через несколько лет Женя призналась мне, что ее брат — даун. Тогда я поняла, почему она никогда до этого не приглашала меня к себе домой и избегала разговоров о семье.

Женя живет с братом и мамой в двухкомнатной хру-щевке: в одной комнате тетя Таня с Федей, а в другой — Женя. Дома у них очень бедно: продавленные кресла, проваливающийся диван, старый совдеповский короб-телевизор, древняя мебель с потрескавшимся лаком еще со времен родителей тети Тани.

Тетя Таня и Женя недавно сделали ремонт в ванной, поменяли раковину и ванну, положили новую плитку. Но среди всей этой запущенности новенькая ванна вы-глядит как-то особенно печально. Как мираж. В Жени-ной комнате стоит старое пианино и на крючке висит, на веревочке, привязанной к грифу, настоящая балалай-ка. И Женя играет на ней вечерами простенькие мело-дии: «Во саду ли» или «Во поле береза»...

Женя приспособилась к жизни как могла. Она не мо-жет выйти на полноценную работу с девяти до шести,

потому что нужно отвозить и забирать маму с работы, постоянно следить, чтобы Федя чего-нибудь не натворил. Она зарабатывает тем, что преподает музыку детям-инвалидам и дает уроки английского.

Раз в год на день рождения она ездит за границу. Одна.

Женя ни с кем не встречается. У нее мало подруг. Наверное, не так-то просто вводить в дом нового человека, каждый раз все объяснять и извиняться. Ее одногруппники, проучившись с ней пять лет бок о бок, так и не узнали ее тайну.

Жениной маме Татьяне Федоровне под семьдесят. Она неплохо выглядит для своих лет и пока еще может помогать Жене с Федей. Она, как и Женя, высокая, смуглая, носит очки. В последнее время она сильно располнела. В сорок ей сделали неудачную операцию на тазобедренном суставе, и она стала калекой. Тетя Таня уже тридцать лет на костылях, но все еще работает педиатром в одной из больниц, и Женя каждый день возит ее на работу на машине к девяти утра и забирает в час домой.

У тети Тани всегда был тяжелый характер, а сложная жизнь его совсем испортила. В тридцать она родила первого ребенка, который оказался больным. Сама врач-педиатр по образованию, до беременности она знала о большой вероятности рождения ребенка-дауна, ведь у ее тогдашнего мужа была сестра — даун. Еще не делали УЗИ и сложных генетических анализов, нельзя было сделать аборт в три месяца, узнав плохой прогноз. Она, наверное, понадеялась на удачу, думала, что именно с ней это не случится. Может, она была сильно влюблена, а может, очень хотела ребенка от этого мужчины.

Родив Федю, тетя Таня от него не отказалась. Не знаю, рассчитывала ли она на помощь родителей или поддержку мужа, побоялась ли Бога, но не взяла грех на душу и оставила ребенка. Муж бросил ее с сыном через полгода, он еще раз женился, но детей уже не заво-

дил... Воспитывать Федю тете Тане помогали стареющие родители.

Через десять лет она родила Женю. За ее отца она замуж не вышла, Женя мало об этом рассказывала. Как я поняла, в ее жизни это был случайный мужчина, курортный роман, чуть ли ни ночь в поезде или что-то вроде этого. Женя отца никогда не знала. Мне казалось, что тетья Таня родила Женю, чтобы было кому подать стакан воды в старости и досматривать Федю. Так для пересадки костного мозга больному старшему ребенку родители рожают младшего.

Я не часто бываю у Жени в гостях. Как-то неудобно заходить, толпиться — и так в их квартире всегда людно. Обычно Федя сидит с нами в Жениной комнате, а тетя Таня ерзает за дверью. Федя всегда меня смущает.

Однажды я приехала к Жене отдать учебники английского, а потом мы сидели на кухне, пили чай и смотрели телевизор. В коридоре в это время стоял Федя и делал свои дела «по-большому» прямо на пол. Я была в шоке. Женя потом объяснила: «Он обычно ходит в туалет правильно, это был просто протест». После этого случая я стала бывать у них еще реже.

Однажды мы с Женей гуляли по Красной. Было начало мая. Мы медленно шли по платановой аллее. За высокими деревьями не было видно неба. Уже вечерело, дул прохладный ветерок, воздух был свежий. Недавно прошел теплый весенний дождик. Людей вокруг было мало. Вся атмосфера располагала к откровениям. Мы разговорились.

Женя редко говорила о семье, но тут ее прорвало. Кто знает, говорила ли она мне или просто рассуждала вслух?

— Я часто думаю о том, как сложно сделать выбор — оставить ребенка-дауна или нет, — делилась она. — И как сейчас хвалят тех, кто не делает аборт, кто не отдает ребенка-дауна в детский дом. Ухаживать за дауном хо-

рошо звездам шоу-бизнеса с их миллионами, трехэтажными коттеджами и штатом прислуги. Для многих звезд ребенок-инвалид — это еще и пиар. А для меня в двухкомнатной хрущевке с мамой-инвалидом, брат-даун — это обуза...

Мне было горько слышать ее слова, но я понимала, что она права.

— Я не вижу принцев на белых конях, которые хотят разделить мои проблемы. Да что там принцев? Даже трубадуров! — она истерически хихикнула. — Мужчина, который решится быть со мной, большую часть своей жизни будет ухаживать за моим братом-инвалидом. В наше время мужчину пугает рождение собственного ребенка, а тут содержание и забота о чужом сорокалетнем дауне. Я бы хотела когда-нибудь выйти замуж, завести детей. Но, может, это не для меня? Может, каждому свое?

Лучики солнца изредка пробивались через густую листву. Солнце было где-то там, за слоями листьев платанов. Женя шла рядом со мной, смотрела куда-то в сторону и продолжала:

— Федя — неплохой, добрый, ТИХИЙ... Такие люди за границей даже работают. Он многое делает сам...

Потом уже совсем другим, надрывным голосом:

— Почему мама тогда не сделала аборт? Она же знала, что риск родить больного ребенка очень большой. Почему она оставила Федю? Почему она не сдала его в детский дом?..

Я запахла кофту: похолодало, или же меня пробирала дрожь от ее слов?

Мы вышли из платановой аллеи, сразу стало светлее. Мы перешли дорогу и направились дальше к аллее кленов.

Женя продолжала. Она говорила легко, и, казалось, ее слова звучали издалека:

— Когда же начнется моя жизнь? Когда что-то изменится?.. Говорят, дауны не доживают до пятидесяти...

Высший свет

Однажды на фитнесе Глеб показал Ире Артема:

— Смотри, он очень богатый... Спрашиваю его, что он на фитнесе делает? Сегодня же среда, он должен быть у одной из своих... эээ... женщин. «Месячные», — отвечает и улыбается, — слово «улыбается» Глеб произнес с довольной одобряющей ухмылкой.

Глеба всегда тянуло к богатой легкой жизни. На фитнесе он познакомился с Артемом. Они стали, если не друзьями, то хорошими приятелями.

Ира видела Артема несколько раз. Невысокий, с волнистыми темными волосами и выпуклыми глазами, он ходил в очках с небольшим минусом. Благополучный, всегда стильно одетый... Повезло удачно родиться, как сам Глеб говорил об Артеме, заглушая чувство зависти... С очень ровной, больной спиной. Глеб рассказывал, что один день Артем ходил на фитнес, а другой весь день лежал на иголках, чтобы нормально ходить. У него был брат с ДЦП.

Фамилия Артема была известна всем крупным и средним предпринимателям города. Говорили, что его отец владеет сетью продуктовых магазинов, обувных и развлекательным центром. Глеб рассказывал:

— Когда отец Артема женился на его матери, то получил в приданое несколько магазинов и за время брака успел утроить свое состояние. Очень умный, говорят. Много работает, даже по выходным и праздникам. Артем, в основном, с матерью и братом ДЦПшником.

Глеб часто рассказывал Ире об Артеме. Она внимательно слушала. Глеб приоткрывал ей завесу в мир богатей, которые живут по совсем другим законам. И то, что казалось Ире диким и противоестественным, для кого-то

было нормальным, само собой разумеющимся. Ей нравились эти разговоры, она узнавала много нового, очень отличающегося от ее привычной реальности.

— Артем с четырнадцати лет начал по порносайтам ходить, порнуху смотреть, — делился Глеб. — Родители, когда получили счет за Интернет, просто офигели. Отец вызвал его к себе, показал распечатку сайтов, которые Артем смотрел... Говорит, знаю, чем ты вместо учебы занимаешься... Решили снимать ему шлюх. В шестнадцатый день рождения ему сняли проститутку с большой вагиной, чтобы она все хорошо сделала и мальчику было не больно. Когда она закончила, вышла из его комнаты, отец ждал Артема у входа и ехидно спросил: «Ну как? Понравилось?...». Сволочь... Вот о нем родители заботятся... Вот повезло! Мне бы так... — в голосе Глеба сквозила зависть. — А проститутке каково? Практически под статьей ходит. Совратила мамолетку. Статья.

— Родители еще с пеленок, когда рождаются дети, подбирают им пару, чтобы породниться с друзьями, богатым или влиятельными. Подбирают девочек и мальчиков, чтобы примерно подходили по возрасту. Знакомят в шесть-семь лет. Они не видятся часто, чтобы не стать друзьями. Мальчикам родители с шестнадцати лет снимают проституток, чтобы нагулялись до свадьбы, — продолжал Глеб. — Будущая жена Артема на семь лет младше, ему двадцать один, ей четырнадцать. Алиса. Рыженькая такая. Ровесница его брата. Сначала она предназначалась для младшего брата, но когда он родился больным, его невеста перешла Артему. Она резус-отрицательная, а он резус-положительный. Резус-конфликт. Со второй беременностью могут быть проблемы. До ее совершеннолетия Артем нагуливается: снял трем элитным проституткам квартиры и навещает их один-два раза в неделю. Все модельной внешности, выше метра семидесяти пяти, чтобы если уж снимать, так мо-

делей... Платит по сто долларов за раз. Отец покупает ему и других, каких ему хочется. Проститутки стараются, книги специальные читают, обезболивающие пьют, горло обкалывают, ноги качают, по двести раз приседают, чтобы прыгать подольше. Артем им рассказывает, что, если они будут стараться, он на них женится.

— Сразу на всех? — спросила Ира.

— Врет, чтобы они больше старались... Никогда на шлюхе не женится, но всегда рассказывает... Родители Артему полдома отдали. У него отдельный вход. Когда хочет — приезжает, когда хочет — уезжает... Он там вечеринки с друзьями устраивает, приглашает девушек... Четыре-пять для компании нормально... Говорят, что проституткам нравится заниматься сексом. Еще и деньги за это получают. И удовольствие, и доход... Он с проститутками не целуется, для поцелуев у него будет только жена. Должно остаться что-то только для нее, целоваться он будет только с ней...

— Понятно...

— Ну и что? Удовольствие от поцелуев намного меньше, чем от секса... — Глебу не нравилось целоваться. — Есть такое мнение, что когда мужчина спит с женщиной, он спит со всеми ее мужчинами, с которыми она была до него, и со всеми женщинами, с которыми спали эти мужчины, и так далее. Представляешь, со сколькими тогда переспит эта девушка, его будущая жена, которая будет девственницей до свадьбы... Мне бы так... Мне бы столько женщин...

Ира уже сомневалась в своем молодом человеке:

— Интересно, каково это, когда твоего мужа без трусов видела половина проституток города? Он просто общественное достояние... — Глеб не слушал, правила, по которым жили богатые, он не подвергал сомнению. — Говорят, что ту девушку, свою будущую жену, он уже полюбил.

— Так он ее любит и при этом спит со всеми?

— Ну да, нагуливается до свадьбы...

— А, ну да, точно... Понятно...

— Такие женщины для развлечений. Подушки. Он с ними просто спит. Они для него ничего не значат... Это неважно... Для жизни у него будет другая. Ты же понимаешь?

— Конечно, понимаю. Любит одну, спит со всеми. Все понятно... Что ж тут непонятного?

— Он нагуливается, чтобы потом ей не изменять, понимаешь? Он мужчина, — Глеб особенно выделил слово «мужчина». — Он должен удовлетворять свои естественные физиологические потребности, а секс — это естественная потребность... Как в психологии.

— Да, я все понимаю. Все просто, — завершила Ира.

— Говорят, Артему в универе одна девушка нравилась. Он за ней долго ухаживал, полгода или год. Не знаю уже. Они долго встречались, она не хотела с ним спать, у нее до него были неудачные отношения. Когда она с ним, наконец, переспала, он после первой же ночи бросил ее, так достала. А она взяла и повесилась... А еще рассказывают, что однажды Артема к дереву привязали три девушки и изнасиловали. Он сопротивлялся как мог.

— Что-то я сомневаюсь. Если он с детства ждал невесту и спал с проститутками, устраивал оргии, удовлетворял свои физиологические потребности, как ты говоришь, то стал бы себя компрометировать какими-либо отношениями. Ты его больше слушай, он тебе еще не то расскажет.

Ира подумала, что, наверное, когда есть деньги, то навещать проституток легче, чем с кем-то встречаться. Отношения — серьезнее, чем секс. Не надо связывать себя обязательствами... Глеб продолжал:

— Артем такой романтик. На гитаре играет, стихи пишет и своей невесте посвящает. Есть специальные Ин-

тернет-ресурсы, чтобы рифмы смотреть. Прозу решил не писать — слишком много букв на одной странице... Иногда, когда она уже спит, приезжает посмотреть на нее, на ее сон... Ее мама пускает его в квартиру. Ей сейчас четырнадцать. Ему еще два года гулять. А потом до свадьбы будет хранить верность два года и жить монахом без секса. Распустит свой штат проституток...

А как же естественная физиологическая потребность?

— Не перебивай!

— Я молчу... Ты рассказывай, так интересно...

— Каких только женщин у него не было: брюнетки, блондинки, с маленькой грудью, как у мальчика, с большой. Толстые, худые... двойняшки, групповой секс. С узкими бедрами, с широкими... Даже мулатка с темными сосками... Кстати, Артем говорит, что силиконовая и обычная грудь не очень-то отличаются. На ошупь одинаковые. Один раз спал с двумя женщинами, говорит, было сложно... Решил двух сразу больше не снимать... Сначала пытался запомнить имена всех женщин, с которыми спал, потом где-то на двадцатой сбился. Теперь уже не запоминает... Знаешь, сколько у него было женщин? Двести семьдесят восемь!

ОГО! Нехило он свои потребности удовлетворяет!.. Ну, хоть со счета не сбился, если имена запомнить не получилось!

— Может и сбился, он уже не знает. Ну, двумя больше, двумя меньше!

— Точно! Сам переспал с половиной проституток города, а жена у него будет девственницей. Классно...

— С одной из своих шлюх устраивали садо-мазо. Она на него надела черный кожаный лифчик, на четвереньки поставила. Он смотрит такой на себя в лифчике, думает: «Что это?». Она била его плеткой и заставляла называть «госпожой». Ему не понравилось. Сказал ей больше так не делать... Он поделился с другом после ночи с толстуш-

кой: «Занимаюсь с ней сексом, как с ведром. Жахаю ее, жир растекается под рукой, думаю: „Что я здесь делаю?..“». Отец находил ему красивых женщин и договаривался. Артем захотел балерину, ему сняли балерину. Отец нашел подходящую, договорился... Растяжка понравилась, только вся такая мускулистая, спина вся мышечная, как у мужика... Недавно, рассказывал, что какую-то девчонку удовлетворить не смог. Так переживал...

— Артем, наверное, когда женщину видит на улице, даже не помнит, спал он с ней или нет. Если высокая, то, наверное, спал. Если невысокая, то, наверное, нет...

— У его отца было не так много женщин, вот Артем и соревнуется... Отец ходит, сыну проституток снимает... завидует, наверное. Хотя, говорят, что его отец — гомик. Я у Артема однажды спросил: «Гомик?». «Не знаю...».

Ира тем временем подумала: «Какие они в этом высшем обществе все-таки развратные... Вагина — интересное место купли-продажи...».

— Я вот недавно слышала передачу по радио: если у женщины было больше семи мужчин, то она уже сто процентов бесплодна. Это, по-моему, какой-то министр Чувашии, сказал. Значит, если у женщины было семь мужчин, то она бесплодна, а если у мужчины было двести семьдесят восемь проституток, то у него все нормально. Он потом женится на девственнице, сделает себе детей и будет жить долго и счастливо.

— Мда... — Глеб на секунду замолчал, а затем продолжил: — Для Артема секс вообще неважен, неинтересен. Это мы тут ради секса... — Глеб замолчал. Он восхищался Артемом. — С одной из своих проституток Артем спал долго. Распустил один гарем, набрал другой. Ее в своем гареме оставил. Понравилась. Она зашила вагину, сделала ее уже, чтобы секс с ней больше нравился. А то после тридцати, как грудь отвиснет, проституток быстро списывают... Так она еще на несколько лет продлила стаж

работы. Вот они стараются, кремами мажутся, а то тридцатник и досвидос. У них знаешь, какая конкуренция... А родители младшему брату Саше тоже проституток снимают даже не с шестнадцати, а с четырнадцати. А то он инвалид, чтоб ему не так обидно было... Еще есть проститутки, которые специализируются на инвалидах, к ним уже не такие требования: внешность не обязательно модельная и держат до сорока. Любимая проститутка Артема работала косметологом в известной фирме. Он спал с ней с семнадцати лет, за четыре года успел привязаться, с ней можно было поговорить по душам, и она выполняла все его желания. Потом отец как-то сказал: «Пусть и Сашка к ней тоже ездит. Она хорошо все делает, и квартиру ей уже сняли. Пусть он тоже с ней развлекается. Ты два раза в неделю, он два раза». Говорит, когда к ней стал брат-инвалид ездить, Артем был в шоке. Вот эти шлюхи мозги промывают...

— Интересно, а что с проститутками происходит, когда с возрастом уходит красота, идет естественный процесс старения, как они живут потом? Что делают?

— Говорят, что они денег заработают, а потом уезжают, замуж выходят, детей заводят. Артем говорит, что сложнее всего от такой женщины уйти. Когда все уже произошло, о чем с ней разговаривать? Ему всегда неловко. Они постоянно хотят поболтать, в карты поиграть, пасьянс разложить, он им свои стихи иногда читает. А что, они не люди, что ли? Говорят, как раз такие и понимают мужчин... Он думал, что подарить на день рождения другу — тренеру по настольному теннису, решил подарить один раз с одной из своих наложниц. У отца спросил, нормальный ли подарок другу за три тысячи? Отец сказал, что нормальный, ведь сам Артем не очень разбирается. Заранее оплатил, другу понравилось. Потом с другом ее же и обсудили. Ему другой друг хотел двух девушек замутить. Артем так ждал, готовил-

ся... А они его кинули... Он и с тобой переспать хочет, ты ему понравилась. Попросил меня тебе передать, он платит три тысячи за раз. Тебе, если что, пять. Чувствую себя просто сутенером.

— Нет, спасибо... Я как-нибудь обойдусь...

— Ну, я так, просто узнать, на всякий случай.

— Да, я поняла...

«Вот debil, — подумала Ира. — Своей девушке предлагать переспать с другим. Два придурка».

— Романтик такой, вечерами гуляет со своими проститутками по кафе, хорошо одевает их, по клубам водит.

— Да, я видела его, вчера он был с высокой брюнеткой, а сегодня с еще выше блондинкой. Обе красивые, худые, он им по плечо или ниже...

— Ну, фотомодели. Так он их на всякие вечеринки возит, друзьям показывает, хвастается...

Глебу нравилось говорить об Артеме: он как будто приближался к недоступному для него миру богачей с его законами, возможностями и развлечениями.

Через несколько недель Глеб сам продолжил разговор:

— Недавно родители Артема что-то переиграли и выбрали ему другую невесту — покруче. Она, говорят, очень умная, старше Артема. Он теперь ходит, молчит, чтобы умнее казаться.

— Быстро он свою невесту кинул, когда кого-то получше нашел, — Ира не удержалась от сарказма. — Или он теперь двум девчонкам голову морочит?.. Я бы на месте его невесты ему в лицо плюнула. Так он теперь должен одну разлюбить, а другую полюбить? Как у него все легко... Он у родителей спрашивает, кого ему любить. Кого надо, того и полюбит. У алтаря и познакомится, если что...

Глеб не обратил на эти слова никакого внимания:

— Его новая невеста не девственница, у нее были какие-то увлечения юности. Он хотел девственницу. По-

смотреть, как это у женщины в первый раз. Ему родители купили девственницу за три тысячи долларов. Отец нашел какую-то студентку, которой нужны были деньги... Артем рассказывал, как запер дверь на ключ. Как она плакала под его тяжестью, корчилась от боли. Как он ее по-дружески обнимал, отпаивал успокаивающим, обезболивающим, потом они в обнимку смотрели на диване телевизор, разговаривали, и через несколько часов все повторил. Оплачено. Уходя, оставил деньги на тумбочке и больше ей не звонил. Оставил ее телефон сразу нескольким друзьям. Ее нужно объездить, успех закрепить. Второй и третий дешевле, но подзаработает. На следующий день позвонил один друг, сказал, что он все хорошо сделал, ему понравилось. С остальными обсудили за пивом. Обкатали. Со студенткой больше не делились...

— Что с ней стало?

— Не знаю...

— У меня была преподавательница информатики в университете, — рассказывала Ира. — Ее муж тоже из очень богатой семьи. У них две взрослые дочери. Он до двадцати четырех спал только с проститутками, родители переживали, что совсем не женится... Его жена тоже не была девственницей. Он тоже снимал себе девственницу посмотреть, как это у женщины в первый раз, для опыта, из интереса... Родители думали, что ему потом будет легко с женой. Она будет сильно отличаться от этих, каждому доступных, до тридцати красивых женщин. Сейчас живет с женой и всю жизнь вспоминает загулы юности...

На фитнесе Ира часто видела друга Артема, сына депутата. Она пыталась вспомнить, как его зовут, но так и не вспомнила. Скоро жениться должен. Ира видела его невесту — он привез ее на фитнес один раз поиграть в настольный теннис. Юная... Неиспорченная... Наив-

ная... Очень милая, совсем ребенок... Полная противоположность тем опытным циничным женщинам, с которыми он обычно спал. Ее берегут для мужа, она живет затворницей, мало куда выходит из дома...

— Вкусив все виды разврата, такие, как Артем, потом женятся на наивных девственницах...

— Артем привык «потреблять» много женщин. А что потом? Всю жизнь вспоминать приключения юности? Отвечать на подколки друзей. Говорят, такие потом изменяют, не могут иначе...

— Ты не понимаешь...

— Ну, конечно, куда мне... — сказала Ира тихо.

Глеб, кажется, не услышал...

Апрельский четверг

Пасмурный апрельский четверг коротал день на кладбище на окраине города. Солнце светлым пятном на облачном небе еще не согревало. Небо то и дело проливалось мелкие слезы... Холодный сильный ветер трепал невысокие деревья... Весна наступала медленно и не топила согреть замерзший город...

Яркие разноцветные венки на свежих могилах не радовали глаз. Красочные ленточки развивались на ветру с молчаливой скорбью. Портреты на надгробиях грустно смотрели на приезжающих... У подъезда к кладбищу стояли спекулянты с живыми и искусственными цветами втридорога. У кого-то кресты, у кого-то памятники, у кого-то склепы... Кладбище — город могил, словно жилой квартал многоэтажек с высоты птичьего полета.

За несколько недель до родительского дня на кладбище только одна машина.

Я с мамой, дядей и двоюродным братом приехала навестить могилы дедушки и бабушки. Я не была здесь несколько лет...

Нас молчаливо встретили два одинаковых ровных креста без надгробий. Бабушка не хотела, чтобы на ней лежал камень. За это время на дедушкиной могиле поставили крест... Год не делали, ждали, когда земля на могиле осядет. Обложили участок плиткой. Сделали оградку... На бабушкином кресте ровная прямоугольная табличка с позолоченными выпуклыми буквами. На дедушкином — овальная, белая с выведенными черной краской буквами...

Подмели место. Поставили надломанные цветы: гвоздики и тюльпаны. Я подергала сорняки, пробивающиеся через швы между плитками...

— Приехали, пока мало народа... Чтобы в суете не толпиться...

— Ну и правильно.

— Деду надо такую же, как у бабушки табличку заказать. Но не могу того мастера найти. Чтобы одинаковые были. Если не найду, закажем у другого, но будет дороже...

— Для кладбища все такое дорогое...

— Да, умирать дорого, нужно жить...

— А захоронение прадеда так и не нашли. Прислали извещение, что пропал без вести. Я разыскивал по имени-отчеству, дате рождения... В какой-то могиле неизвестного солдата лежит. Семьдесят лет прошло, а у нас люди не захоронены... А хотим, чтобы в Европе к нашим могилам трепетно относились, когда сами этого не делаем...

— Ты посмотри, соседняя могилка совсем неухоженная, никто не ездит. От нее к нам ветром заносит сорняки....

— И можжевельник нужно посадить. Бабушка так хотела. За границей все так делают.

— А могилы сквозные? Да? Можжевельник все и вытянет...

— И плитку хорошо, ровно положили.

— А что вы меня на кладбище не пускали? Я думала, вы что-то тут натворили...

— Ты же беременна была, родила, кормила... Куда тут по кладбищу ходить?

— Ну что? Помянем? Пирожки...

Поели...

Пробежала местная дворняжка, жалобно посмотрела на пирожки. Бросили ей один. Она быстро схватила и убежала...

— Ладно, давайте свечку поставим? У кого свечки? Забыли?

Дядя замешкался, порылся в карманах, нашел две церковные свечки...

Он с двоюродным братом засуетились со свечками. Их задувал ветер. Они нашли две пластиковые бутылки, отрезали горлышки, поставили в них свечки. Воткнули поглубже в землю. Зажгли.

Про себя прочитали молитву «Отче наш»...

— Как-то холодно сегодня, ветрено...

Свечки гасли. Их снова зажигали.

Помолчали. Постояли в тишине... Ждали, когда догорят свечки... Дедушкина догорела быстрее... Бабушкина мерцала до конца, даже кусочек, воткнутый в землю на пару сантиметров... Похоже, бабушка не хотела нас отпускать...

— Какая хорошая кованая ограда полукругами, с узорным пиками... И чужие лазить не будут...

Говорили медленно и тихо, заполняя неловкие паузы бытовыми заботами... Говорили пустое и не сказали главного... Хотелось сказать, как их не хватает, что я скучаю и вспоминаю их каждый день. Люди, которые нас воспитывали... Их уже нет... А говорили о железной оградке, о ворах-армянах, намухлевавших с накладной, о сорняках, пробивающихся через плитку, и что их можно засыпать солью, о дороговизне кладбищенских работ, что место угловое и нужно поставить дополнительную оградку.

Так хотелось сказать, что у бабушки недавно был день рождения, и мы отметили его тортиком. Что их могилы как раньше кровати в их комнате: дедушкина слева, а бабушкина справа. Что я до сих пор варю картошку по бабушкиному рецепту. Что мой сынок чем-то похож на дедушку: такие же карие глаза и настырный характер. Бабушка всегда хотела, чтобы у детей или внуков были дедушкины карие глаза... Что работа нравится... Что их никто никогда не заменит...

— Завтра дождь передавали. Опять полезут сорняки. Приедем на родительский день — уберем.

— Кладбище так разрослось. Скоро справа новый ряд появится. Мы оказываемся в центре, не подъехать. И стройку начали. Новый элитный комплекс. Отсюда видно. Пробки. Добраться будет сложнее.

— И старую дорогу закрыли, теперь ехать только в объезд почти через все кладбище.

— А березка у соседей, ты посмотри, могилу поднимает. Все земля в ухабах. И к нам на место лезла. Хорошо, что мы ее извели.

— Ты дорогу запомнила? В навигатор координаты вбей...

— Свечки догорели. Поехали, холодно уже... Ветер сильный, насквозь продувает...

Домушник

Мал форточник, да ловок.

Народная поговорка.

Обычный мартовский вторник только разменял полдень.... Тихий, спокойный дворик. Ярко светило солнышко... Негромко пели птички... Легкий ветерок покачивал ветки кустов сирени у дома... Зеленая травка в кирпичной прямоугольной клумбе около окон только одной квартиры... Неприметный двор, каких тысячи... Узкая дорога между пятиэтажными хрущевками, за двойным рядом гаражей детская площадка... Крики учеников на стадионе у школы за углом...

По дороге шел субтильный молодой человек. На вид абсолютно неприметный, щуплый и хилый. Одет просто, но аккуратно: в толстовке, джинсах и кепке. Он шел, немного ссутулившись и глядя под ноги... Можно было подумать, что он дойдет до конца дома и повернет к школе или политехническому университету и как раз успеет на следующую пару по химии или матанализу...

Вдруг парень прыгнул к кустам, по-обезьяньи взобрался по оконной решетке, как по лестнице. Опираясь на кондиционер первого этажа, он ловко ухватился руками за подоконник, профессионально карабкаясь, подтянулся и... Уже через несколько секунд легко отогнул створку пластикового окна, гуттаперчево проскользнул в форточку второго этажа...

В квартире, покой которой нарушил вор-домушник, жила всеми уважаемая семейная пара под восемьдесят лет: Ирина Александровна и Владимир Иванович. Оба преподавали в техническом университете. Ирина Алек-

сандровна — тучная невысокая старушка, этакий бочонок на ножках, гений физики, профессор, уже лет пятьдесят преподавала механику первым двум курсам. В молодости красивая блондинка, сейчас полностью седая, но покрашенная в золотистый блонд. Свои длинные волосы ниже колен она заплетала в косу, наматывала ее вокруг головы несколько раз, закрепляя шпильками и ходила, как настоящая русская красавица. Владимир Иванович — высокий, лысый и зачесывающий свою лысину на макушке оставшимися волосами с боков, всегда аккуратно одетый, ходил в хорошо наглаженных рубашках, брюках со стрелками, жилетках, кепочках и плащах. Доцент, изучал гидравлические установки, читал выездные лекции в станицах. Поженились они около пяти лет назад, а до этого встречались лет сорок. Ирина Александровна с шестидесятих годов жила здесь с престарелой матерью, которая была против Владимира Ивановича. И только после ее смерти Ирина Александровна и Владимир Иванович, наконец, съехались, а через десять лет расписались. Они бы и дальше не регистрировали отношения, но на эту квартиру стала претендовать неведомая родственница из Подмосквья, которая пыталась оформить опеку над Ириной Александровной. Им пришлось через суд доказывать дееспособность и расписываться...

Владимира Ивановича считали интеллигентнейшим человеком, ведь он в жизни не произнес ни одного ругательного слова. Говорил тихо и все сорок пять лет отношений дарил Ирине Александровне цветы. Когда переехал к будущей жене, стал еще вежливее и цветы стал дарить еще чаще...

К этой краже преступник готовился несколько дней: узнал, что в квартире нет собаки; решил, какое окно самое удобное для вторжения, где могут находиться деньги и украшения. Грабитель планировал по-тихому стащить

все самое ценное и бесшумно уйти с помощью отмычки уже через дверь.

Форточник быстро узнал расписание занятий «бабульки», как он про себя именовал Ирину Александровну, и «дедульки» Владимира Ивановича. Выбрал вторник, когда «дедулька» уезжал на пары в Динскую, а «бабулька» «отвисала» в универе допоздна. Он навел справки, что старички хорошо зарабатывали: ни детей, ни внуков, жили для себя. Здесь нашлось бы, чем пожить.

Немного мучила совесть — обворовывать пенсионеров. Уменьшив звук совести до нуля, профи пошел на дело...

Попав в жилище, вор отшатнулся и на мгновение замер. Первая комната напоминала скорее неорганизованный склад. Здесь не жили. В комнате только узкий проход от окна до двери. По обе стороны в четыре-пять рядов стояли коробки, баночки, скляночки, ящички, стопки книг... Паутина по всему периметру...

Поражал запах пыли и пожелтевших от времени книг... Пыль вытирали дважды в год: на январские праздники и в день рождения Ирины Александровны. Но зато комнату часто проветривали. В квартире не разувались — куски грязи на полу. Вор через подошву чувствовал песок хлебных крошек и мусора...

Чтобы добраться до шкафов у стен, нужно разобрать по пять слоев до потолка. О существовании шкафов можно было догадаться, разве что, по лакированным антресолям, примотанным паутиной к потолку. На шкафах штук девять фарфоровых ваз. Грабитель посетовал, что их не вынесешь, привлекли бы лишнее внимание.

В ровненьких стопках, перевязанных джутовыми шпагатами, с семидесятых годов хранилась подписка газет. Рекламные буклеты не выбрасывались, лежали аккуратной стопочкой — вдруг понадобится куда-то подложить.

В некоторых коробах были залежи подаренного преподавателю алкоголя, о котором втайне уже пару десятилетий мечтал сосед сверху. С шестидесятых годов вино и коньяк стали только лучше. У Ирины Александровны, как в элитных погребках, вино и коньяк настаивались десятилетиями. Если хорошенько поискать, то можно было найти бутылку полувекковой выдержки.

Ирина Александровна покупала точно такую же технику, как соседка напротив. У нее прямо в упаковке стояли газовая плита и вторая стиральная машина. Нераспечатанный пылесос с девяносто седьмого года. В коробках обувь, ношенная и новая, давно вышедшая из моды, некоторая уже мала или узка. Ящики с посудой, полотенцами, свернутые вещи матери Ирины Александровны, умершей пятнадцать лет назад.

Ирина Александровна ни с чем не расставалась: упаковочная бумага, целлофановые кулечки, пакетики, одноразовая посуда, мытая и немытая... Все складывалось, хранилось и забывалось.

Хозяева уже не помнили, что держали в третьем ряду справа в белом ящике... Они часто переворачивали все вверх дном в поисках, например, узорного чайничка, подарка от кафедры Ирине Александровне на пятидесятипятилетний юбилей. Иногда проводили ревизии, но ничего не выбрасывали, а только дальнозорко пересортировывали... Соседи предлагали завести список: что, где лежит...

Вор нечаянно задел какую-то коробку, и к пожелтевшему потолку поднялась стая моли... С молью хозяева жили дружно. Они ее не трогали, а она жировала, питалась, разве что, шерстяными кофточками, выгрызая равнономерные проплешенки, тремя дубленками, из них двумя ношенными, не трогая упакованную в вакуум норковую шубу. Моль царствовала в коробках с вязаными пуловерами, в шкафу с пальто, отъелась и разленилась...

Только недавно с изобретением сотовой связи вымерли рыжие тараканы. Раньше домашние насекомые бесстрашными табунами неспешно скитались по комнате, пировали хлебными крошками, плодились и размножались... За годы жизни вместе с хозяевами сроднились... Жилось тараканам хорошо. Владельцев квартиры они не боялись, настолько обнаглели, что не удосуживались прятаться даже при них. Ирина Александровна пыталась известить прусаков, ставила липучки с ядом... Ловушки месяцами не убирались, превращаясь в маленькие кладбища... Но размножались сытые тараканы быстрее, чем умирали...

Когда вымерли тараканы, вместе с Владимиром Ивановичем появился беспородный пушистый белый кот Мурзик, который заменил бездетной паре маленького ребенка. Они его кормили детским питанием, покупали игрушки, разве что, не пеленали...

Ошарашенный вор заметался между ящиками в тщетной надежде найти деньги в обычных местах: коробках с сапогами, микроволновке. В этом бедламе ничего найти нельзя...

Его действия разоблачали профессионала. Грабитель совершал кражу почти каждую неделю. Обычно сначала он забирал все ценное, что подворачивалось под руку в тонкой кожаной перчатке. Тщательно проверял вазы, шкапулки, ящики шкафов, сервантов и столов, затем обследовал книги и диски. Забирал ноутбуки, сотовые. Люди обожали хранить деньги под матрацами или зашивать конверты с деньгами в подушки. Некоторые даже прятали деньги и драгоценности в смывные бачки. Опытный домушник находил наличные и драгоценности за пять минут.

Но даже этот преступник не был готов к такому беспорядку. Хлам можно было, разве что, выгребать экскаватором. Кто бы мог подумать, что у этих физиков такой

срач? Его уже должна была насторожить замызганная незатейливая дверь и окна с грязными мятыми шторами.

В комнате-чулане взломщик не задержался. Попасть во вторую комнату позволял только тонкий проход между коробками... По всей квартире проложены узкие тропы между слоями вещей до потолка...

Посреди второй комнаты большой стол с длинной до пола бархатной красной скатертью. Расчищен только тесный коридор вокруг стола к антикварному серванту, кровати и телевизору. Под столом сваленные грудой всевозможные учебники по физике и гидравлическим установкам, покрытые сантиметровым слоем пыли книги, рыбные консервы, покупная закрутка... На столе горы бумаг, листы формата А-4, исписанные крупным почерком; тетрадки в линию и клеточку, пожелтевшие от времени, с решенными задачами повышенной сложности. Стопки бумаг, чья-то припыленная диссертация... Тетради студентов и пара дипломов, листочки с контрольными и самостоятельными, исчерканные красной пастой. Только небольшой кусок стола был свободен от кипы бумаг, здесь проступала красная бархатная скатерть, пыльная, кое-где потертая, вся засыпанная крошками. Место очищено как раз для двух тарелок: преподаватели питались у телевизора.

В серванте пыльные дымковские игрушки — коллекция матери Ирины Александровны, черно-белые фотографии без рамок за стеклом, серый хрустальный сервиз, раритетные учебники по физике еще с семидесятых годов...

Ирина Александровна не лучше и не хуже других педагогов. Все пятьдесят лет она преподавала по тем же методикам и тем же учебникам. Студенты ее не любили, объясняла она сумбурно. Обычно после ее пар запуганные студенты переставали понимать курс вообще и потом всю жизнь вспоминали механику, как что-то недо-

ступное и заумное.... Она усложняла самые простые формулы и внушала чувство неполноценности любому отличнику. Спрашивала по всей строгости, взятки принципиально не брала, не раз была бита студентами-двоечниками за отчисление перед весенним призывом и иногда гордо плыла по коридорам университета, сверкая замаскированными тональным кремом фингалами...

На кухне тоже печальная картина... На грязной плите замасленная чугунная сковородка со вчерашними макаронами. В раковине немые тарелки. На столе коробка шоколадных конфет, побелевших от времени. После ремонта новенькая плитка на зависть соседке напротив... Сваленные в углу запечатанные наборы посуды из нержавеющей стали, упакованные чайные сервизы. На балконе второй холодильник с просроченными уже пару лет, замороженными пельменями... Человек науки, неприспособленный к быту, Ирина Александровна витала в квантовых облаках. До шестидесяти о ней заботилась престарелая мама. Учиться готовить Ирина Александровна начала после ее смерти и не особо в этом преуспела...

Рожденные в тридцать пятые и выросшие в годы войны, Ирина Александровна и Владимир Иванович не умели расставаться с вещами, помнили, как все сложно достать. Они знали нищету не понаслышке, жили впроголодь, питались по талонам, ходили в обносках по двадцать лет... Семенили годы, сменялись режимы, квартира Ирины Александровны оставалась прежней, как всегда готовой, как маленькое убежище, к войне, перестройке, кризису девяносто восьмого, голоду, дефициту, блокаде...

Умелец рассчитывал обокрасть квартиру за пять-семь минут, максимум, десять. Прошло двадцать. Вор шаркался из комнаты в комнату и заметно нервничал. Проверил сервант, пару раз чихнув, вывалил все на стол,

схватил пару тысяч и драгоценности в сахарнице. Виртуозно пошманил холодильник. Ничего.

Разочарованный и грустный он выпотрошил книги — только пыльные учебники. До шкафов не добраться — груды хаоса...

Тут в дверной скважине заскрежетал ключ, Мурзик побежал, мяукая, к двери... Профессор-физик вернулась домой — несколько пар отменили — и недавно прооперированными, глаукомными глазами искала замочную скважину... Форточник расстроено пробубнил под нос: «Чтоб я еще раз полез к физикам...», и второпях улизнул в окно...

Отомсти другому

Я встречалась с Димой уже полгода. Мы считались стабильной парой.

Федор — лучший друг Димы. Они учились в одной группе на экономфаке. Федор — двадцатисестилетний высокий, стройный, загорелый красавчик. Закончил с красным дипломом университет. Сейчас работал инспектором в налоговой. Как он сам говорил: «Трудился на благо государства». Его орлиный профиль не давал покоя многим девушкам инспекции. Федор ходил в спортивный клуб, любил играть в большой теннис. Следил за собой и одевался с иголочки. Долго копил на машину, но, в конце концов, попросил маму продать дачу и купил себе новенькую «тайоту». А еще Федор хотел жениться на Лене...

Мне было по душе, что Дима дружит с таким серьезным молодым человеком. Скажи мне, кто твой друг...

Я слышала, что у Федора большая любовь еще со школы. Лена мне нравилась. Они с Федором учились вместе и жили в одной девятиэтажке около стадиона «Кубань». Лена была не то чтобы красивая, но очень милая. Такая рыженькая лисичка со смеющимися черными глазами.

Они подходили друг другу, курили одни сигареты, вместе болели за футбольную команду «Краснодар», постоянно писали друг другу забавные эсэмэски. Оба по утрам и вечерам гуляли с собаками. Когда Лена куда-то уезжала, она оставляла Федору ключи от квартиры, и он кормил ее черепашку. Мне казалось, что они уже женаты.

Они хорошо смотрелись вместе... Помню, как мы четвером гуляли по парку после дождя. Федор обнимал

Лену и целовал ее волосы. У него светились глаза. Они босиком ходили по лужам и кормили уток. Когда Лена становилась под деревьями, он тряс ветки, обливая ее потоком свежих капель. Она смеялась и прыгала ему на шею, обхватывала его ногами, и он долго кружил ее... Как они были счастливы!

Потом они расстались.

Я не знала подробностей. Дима скрытничал, разглагольствовал о тотальном непонимании, о ветренности женщин... Мы думали, что они помиряются... Но потом появилась Аня...

Аня мне тоже понравилась... Она была чем-то похожа на Лену, только брюнетка, но с такими же черными смеющимися глазами. Ей было двадцать два, и она недавно окончила педагогический институт. Я видела ее всего несколько раз... Знаю, что они часто смотрели фильмы у Федора дома...

Через три месяца Федор почему-то расстался и с Аней... Я не интересовалась деталями.

На моем дне рождения Федор познакомился с Полиной.

Полина — моя подруга. Мы часто виделись на работе, и годы сотрудничества сдружили нас. Полина по национальности татарка, в Краснодар ее занесло из Астрахани в поисках приличной работы и лучшей жизни. Она устроилась педиатром в частной клинике. Высокая и худенькая, веселая, сказочно красивая, мимо таких мужчины не проходят спокойно.

Федору Полина понравилась сразу. Он начал наступление по всем фронтам. Завалил ее комплиментами:

— Вы прекрасны, обольстительны! — когда он ухаживал, то обращался к девушкам на «вы». — Может быть, вы снизойдете и подарите свидание такому невзрачному парню, как я? — Федор поцеловал Полине руку. «Невзрачный парень» явно скромничал...

Ухаживания Федора меня насторожили, уж слишком часто в последнее время он менял девушек... Да и Дима разоткровенничался:

— Ты скажи Поле, чтобы не начинала встречаться с Федей... Не говори, что это я предупредил... Просто отговори... понимаешь? Я не могу объяснить, просто отговори ее... Она неплохая, не нужен он ей...

— Ты объяснишь потом?

— Да, обещаю...

Полина не стала меня слушать. Она уже вращалась на орбите Федора:

— Знаешь, какая я счастливая... Я точно влюбилась... Он потрясающий!

Федор встречал Полину с работы с цветами, подвозил домой. Приглашал в рестораны и ночные клубы...

Полине родители купили квартиру, ее мама приехала из Астрахани посмотреть бумаги. Федор сам предложил познакомиться с мамой и был просто очарователен!

Нам вчетвером было очень хорошо вместе... Мы часто ездили в бильярдный клуб. Мальчики предпочитали русский, он сложнее.

Сначала мы играли командами по парам. Но мы с Полиной были лишними на этом празднике шаров, и обычно игра сводилась к дуэли мальчиков.

Дима и Федор не отставали друг от друга.

Вокруг стола постоянно мелили кий, то присаживаясь, то подпрыгивая, оттопыривая ноги, иногда в немислимых позах, парни по очереди целились, промахивались или загоняли шары в лунки. Иногда доставали подставку для кия, растопыренную палку с семейным названием «теща». «Теща» помогала загонять сложные шары. Каждому забитому радовались, как дети. Будто от победы зависела чья-то жизнь или счастье.

Мы с Полей смотрели этот «балет», как зрители,

за столиком рядом, пили сок или коктейль, сопровождая каждый забитый шар победными криками.

Обычно выигрывал Федор. А Дима утешал себя сам:

— Вообще не так просто классно играть. Федя прочитал несколько книг. Он знает все про углы падения и отражения. Силу отталкивания, трения и все дела. Это целая наука.

На выходные мы устраивали посиделки у Полины, играли в мафию. К каждой встрече Поля готовила ужин, иногда придумывала смешные конкурсы...

Собиралась толпа из восьми- девяти человек, в основном, соседи. Пытаясь обмануть друг друга, прикрываясь масками, «мафиози» убивали «мирных жителей». Полина совсем не умела хитрить, я с первых же минут могла определить: «мафия» она или нет. Если Полина выходила раньше, то она шепотом подсказывала мне и Федору: кто есть кто. Такая непосредственность!

Полина к Федору привязывалась все больше.

А слова Димы не выходили у меня из головы. Неужели все было не по-настоящему? Может ли Федор так натурально играть? Зачем было знакомиться с родителями? Может, Дима просто разыграл меня?

Незаметно пролетел август, в суете растворился сентябрь, украдкой подкрался октябрь. Мы отметили день рождения Полины, съездили на море. Проводили вместе выходные, часто гуляли на набережной, в свободные вечера встречались у Полины, ездили в боулинг или бильярд... Полина практически переехала к Федору, часто сидела у него на коленях у подъезда и уже шутила о свадьбе и детях:

— Димке и Федору каждому бы в руки по коляске. Вот посмотришь, женится один, сразу женится и второй...

А потом Федор сказал, что все кончено. Без объяснений...

Тогда Дима, наконец, рассказал мне:

— Понимаешь, та девочка, Лена, соседка Феди... Он никак не может забыть ее... У них не получается... Ну, не могут они быть вместе, понимаешь?.. Она начала встречаться с другим... Федор страдает... Он любил ее, наверное, с первого класса...

Я никак не могу понять: при чем здесь Лена?.. Они давно расстались, он после встречался с Аней, потом с Полей...

Дима говорил сбивчиво, от волнения ему не хватало дыхания:

— В общем, Федору плохо, он не может забыть Ленку... Один чувачок посоветовал найти десять девочек и переспать с ними. Ну, не просто переспать... Найти посимпатичнее, почище, ну, такую, чтобы инфекцию никакую не подцепить, а Поля врач, безопасно, понимаешь... В общем, найти девчонку, влюбить ее в себя. Устроить ей сказку... Ну, покувыркаться с ней три месяца, не больше, а то потом привыкаешь... тяжело... И кинуть... Найти следующую и так десять... Как пикаперы, слышала о таких? Тот парень сказал, что к десятой он о Ленке своей забудет... Вот Федя и пробует... Полина вторая...

У меня шок, я произнесла первое, что приходит в голову:

— А я тоже...

— Ну, мы с тобой давно вместе... Расслабься... И родителям ты нравишься...

— А почему нельзя найти десять проституток и переспать с ними?

— Нет, это для чего делается? Чтобы потом не страдать... Как настоящий мужик... Не испытывать боли никогда... Не привязываться, понимаешь?.. Девочка должна быть хорошей, зачетной... Чтобы семья в голове и все дела... Именно с такой сложно расстаться, но именно это

и помогает... Чувак говорит, что первые разы тяжело, а потом привыкаешь...

Его откровенность пугала. Как же он доверял мне, чтобы это рассказывать? Дима продолжал: «Как у зверей, понимаешь?». Он учился на втором курсе вуза на психолога...

Лучше ли мы зверей? Звери убивают только ради пропитания, для выживания и никогда не убивают себе подобных. Звери не будут совокупляться с десятью самками, чтобы забыть одну, которая отказала. Животными правят инстинкты. Самцам не нужно доказывать, что они настоящие. Им не нужно кого-то забывать...

Я подумала, что Федор неплохо развлекся...

Полина поняла все сама, через пару месяцев она сказала мне:

— Ты же меня предупреждала!.. Неприятно думать, что я стала просто галочкой в его списке.

Не знаю, что у Федора было с Аней, но с Полей он переступил черту... После он уже не был прежним... Просто смотреть в глаза Полины, такие добрые, доверчивые и непонимающие, и говорить эти ужасные слова: «Ты мне надоела. Я устал от тебя... Забудь меня, не звони больше. Имей гордость!.. Полено!».

Интересно, каково это соблазнять, зная, что через три месяца кинешь? Давать обещания, которые никогда не исполнишь? Чтобы добиться своего? Каково это, разрушать человека, который не сделал тебе ничего плохого? Который тебе полностью доверился и отдался... Который очень старался. Которого ты считал хорошим и достойным, который тебе даже нравился. Разрушать сознательно, жестоко и безапелляционно... Просто ради галочки...

Я так хотела сказать ему: «Что же ты делаешь с собой? Я знаю, ты не был таким! Что же сделала с тобой любовь к Лене? Как ты из доброго чистого мальчика, который мечтал о семье и детях, превратился в бессердечное чудо-

вище? Ну, трахни ты десять шлюх и успокойся! Побойся Бога, ну что же ты делаешь?».

Что стало с Полиной? Расставание с Федором сломило ее. Он перебил ей хребет и прошелся по ней, как бульдозер.

Сначала Поля ждала, что он вернется... Потом звонила и писала ему... Не получив ответа, она два дня рыдала без остановки. Хотела устроиться на работу доктором в его спортивный клуб, чтобы видеть его хотя бы там... Она не могла ни есть, ни пить, очень похудела... Несколько месяцев была, как во сне, не помнила, как ходила на работу, как вставала по утрам... Встречалась с какими-то людьми, что-то делала, что-то говорила... Все, как в тумане... Она занималась обычными делами, а внутри задыхалась... Я как могла успокаивала ее.

До этого Полина встречалась с блестящими молодыми людьми. Спустя полгода она стала подругой серенького мальчика: не особо красивого, не особо умного, но который на ней честно через полтора года женился... Обычно на лице у него написано: «Надо же, отхватил такую красавицу!». Вышла ли она замуж за первого встречного? Или смогла теперь оценить любовь обычного среднего парня?

Через пару лет у них родилась дочь... Я часто захожу в гости... Мы сидим на кухне, на моих руках ее кучерявая, похожая на мужа, девочка, а вокруг стола бегают мой двухлетний сыночек... Мы говорим о яслях, смесях, скидках в магазинах детской одежды и развивающих игрушках — обычные заботы мамочек-наседок... Мы никогда не вспоминаем те три месяца. Зачем? Забыла ли она? Думаю, что нет... Ее это до сих пор ранит... И больше всего Полине не хочется, чтобы дочь повторила ее ошибки...

Что стало с Федором? Знаю, что дальше была какая-то Вика... Я ее не видела... Наотрез отказалась с ней знакомиться... После наши пути разошлись... С Димой мы

расстались через четыре месяца. Скажи мне, кто твой друг... Стала ли я галочкой на полтора года? На некоторые вопросы лучше не знать ответы...

Несколько лет спустя я случайно увидела Федора на набережной. Он был все такой же красавчик с неестественным загаром, наверное, ходил в солярий. Отрастил длинные волосы, также модно и дорого одевался.

Федор что-то увлеченно рассказывал шикарной блондинке с длинными ногами и невинными глазами.

Он сделал вид, что мы не знакомы... Узнал ли он меня? Конечно! Когда он увидел меня, вспомнил ли Полину? Галочку в списке побед? Номер два? Стало ли ему неловко? Стыдно? Может, он еще испытывать стыд? Окаменело ли его сердце? Как ему живется теперь? Застраховал ли он себя навсегда от страданий? А может, он быть счастливым?

Я подумала, а не подойти ли к ним? Испортить ему интрижку. Зачем? Федор бы отмазался, как обычно...

Что я могла сказать ему: «Ты забил свои десять шаров?».

Что я могла сказать ей: «Девочка, беги от него пока не поздно!».

Мы поравнялись, прошли мимо друг друга, не здороваясь... Я ускорила шаг, чтобы побыстрее удалиться, покинуть его бескислородную атмосферу. И больше никогда с ним не пересекаться...

Бабушка

Бабушка Нина родилась до войны. Она иногда рассказывала: «Я часто недоедала, бывало, мы питались на поле оставшимися после пашни колосками». Голодное детство оставило след на ее здоровье на всю жизнь...

Бабушка говорила: «Отца совсем не помню, его увезли, когда мне было три... За что его, никто не знал... А мы росли, как дети врагов народа... Что с ним стало, не знаю... Нельзя было говорить, что его репрессировали, уже взрослой я всем говорила, что он погиб на войне... Это сейчас все можно... Меня поднимали две старшие сестры. Когда я родилась, Рае было десять, Гале двадцать... Ох и намучились они со мной...»

Тогда многие рожали следующего ребенка, когда старший уже был самостоятельный и мог помогать...

У бабушки не было высшего образования, она даже не закончила десять классов школы... Рассказывала, что училась читать и писать уже будучи взрослой...

В двадцать два бабушка уехала на заработки в Краснодар и познакомилась с дедушкой. Они поженились. Родились мама и дядя.

Когда дедушку отправили строить дорогу в Афганистане, бабушка поехала за ним с семимесячной мамой на руках. Они жили в этой скатывающейся в средневековой стране пять лет...

Они жили, как не живем сейчас мы. Получили государственную квартиру. Все жизнь работали на одном месте и дружили с одними и теми же людьми... Не гнались за большими деньгами. Они построили дачу и вырастили сад, воспитали детей, потом помогали воспитывать внуков. Они жили просто и счастливо. Сейчас так живут редко...

Бабушка всю жизнь проработала вышивальщицей на фабрике, потом вышла на пенсию и стала воспитывать меня.

Она постоянно что-то вязала, бесшумно ходила, любила разгадывать кроссворды и смотрела все сериалы подряд. Я так любила вязанные ею мне вещи. Вязаную розовую шапочку я храню до сих пор.

Бабушка придумала мне подпись. Я подражала ее почерку, она заплетала мне косички...

У меня так мало от нее осталось, только несколько обвязанных платочков. А еще у нас был один размер ноги, и я иногда надевала ее туфли.

В десять лет я подарила ей икону... Эта икона до сих пор со мной. На меня строго смотрит Иисус Христос, а сбоку маленькая святая Нина...

Бабушка каждый день провожала меня в школу, отвозила на дополнительные, проверяла уроки...

Она была человеком дела. Семь лет она водила меня четыре раза в неделю в музыкальную школу и раз в неделю к репетитору по английскому. И никогда не хвасталась этим, она просто каждый день жизни отдавала мне, ничего не требуя взамен... Наверное, только сейчас понимаю, чем я ей обязана...

По три часа каждый день бабушка ждала меня в коридоре музыкальной школы с вязанием... А потом мы медленно возвращались по Красной домой. Это были мои любимые полчаса каждый день. Я закрываю глаза и снова вижу ее: гулька на голове, синее пальтишко. Я слышу ее тихий голос:

— Как ты занималась сегодня? Что сказала учительница?

— Сказала, что нужно больше стараться...

Я пускалась в длинные рассуждения о вреде учебы и отсутствии свободного времени. Она укоризненно качала головой...

— Ох, и ленивая девка ты у нас растешь...

Она держала меня за руку, молча выслушивала и кивала, скорее всего, ничего не понимая, про доминант-септаккорд, тремоло или *Passive voice*.

Бабушка была молчалива, но чего стоила ее похвала! Она только смотрела дневник и говорила: «Молодец! Так держать!». Ее одобрение я слышу через годы, оно мне нужно до сих пор...

Летом мы ездили на дачу. Четыре сотки, дом, который они построили сами. «Коза приехала», — улыбался дедушка... Идеальные грядки, невысокая елочка у дома, кусты крыжовника, красной, черной и белой смородины, бабушкины цветы у забора. Я постоянно паслась в огороде... Из моих постоянных обязанностей ежедневная прополка. Дедушка с бабушкой готовили завтрак в беседке. Дедушка приносил овощи из огорода, и мы вместе нарезали салат. Я подкидывала дрова в самодельную печь...

Дедушка постоянно что-то болтал: про теплицу, рассады, грядки, новые семена и приколотую к яблоне грушу... Бабушка, как обычно, молчаливо улыбалась... Она заранее знала, что он скажет: «Михаил, не сбивай меня с панталыку... Пойди нарви роз...».

На печи кипел чайник, мы пили черный чай с душистыми листьями мяты, растущей у беседки. На столе стояли фрукты и свежесрезанные розы...

По субботам я с дедушкой ходила на рыбалку на берег Кубани. Только рассветало... Тишина... Мы шли по узким нехоженым тропам по колено в росе. У дедушки было свое заветное место, где всегда хорошо клевало. Берег уже окрашивался светло-синей дымкой... Дедушка ловил рыбу, а я рядом мешала ему... Он нанизывал мне на крючок червяка и закидывал удочку. Мне нужно было только следить за поплавком. Моего терпения не хватало надолго, а дедушка мог рыбачить часами... Вскоре он сидел

с двумя удочками, я читала на солнышке заданное на лето по школьной программе... Вокруг пели птицы, и стрекотали кузнечики... Здесь на берегу росла шелковица, я ела с дерева черные ягоды, потом их сок невозможно отмыть, так и ходила весь день с темно-синими пальцами и ртом. Часов в одиннадцать мы собирались домой. Мелкую рыбу отдавали старой трехцветной кошке Анфиске, а крупную бабушка жарила на обед...

Я вспоминаю их каждый день своей жизни, и каждый день мне их не хватает... Бабушка не дожила до моего окончания университета, замужества. Она не увидела своего правнука...

Она несколько лет медленно и мучительно умирала от рака. А я не понимала ее, не понимала ее страданий, почему она постоянно плохо себя чувствовала, меньше времени проводила со мной... Я была занята своими пустыми детскими проблемами: сессии, мальчики, первая работа...

Дедушка умер через пять лет после нее. На самом деле эти пять лет он продолжал жить так, как будто она всегда была рядом...

Мне так стыдно, что я не попросила у нее прощения: «Бабушка, прости меня... Прости, что я не понимала тебя. Бабушка... бабушка... будь всегда со мной...».

У меня есть одно сокровенное воспоминание. Когда мы с бабушкой сидим в обнимку, смотрим какой-то бразильский сериал. Я прижимаюсь к ней, обнимаю ее, и так мы лежим часами, смотрим телевизор. Мне хорошо и спокойно...

Я кутаюсь в это воспоминание, как в теплую шаль... Я закрываю глаза и чувствую ее запах: такой родной, запах теплого тела и валерьянки. Как будто чувствую прикосновение ее самовязаной кофточки.

Когда болеет ребенок, когда проблемы на работе, я кутаюсь в это воспоминание, и мне кажется, что все бу-

дет хорошо. Бабушка где-то там... Она мне обязательно поможет... На небе есть мой ангел... Она смотрит на меня строго с небес, и я стараюсь жить каждый день так, чтобы ей там за меня здесь не было стыдно...

Мученик

В гипермаркете чего только не было. В любое время здесь суетились покупатели. После шести и на выходные вообще не протолкнуться. Рассудительные хозяйки толкались около сыров, замороженного мяса или овощей, выбирали товары со скидками... Бережливые мамочки покупали по карте подгузники в детском отделе.

В основном, холостяки стояли в очередях за салатами, которые, чтобы не залежались, после девяти продавали с пятидесятипроцентной скидкой. Любители выпить с бутылками минералки изучали этикетки в отделе алкоголя. Дети таскали конфеты на развес.

В отделе автомобилистов исключительно мужчины смотрели шины, гидравлические домкраты, жидкости для омывания стекол и насосы. Зашедшая сюда женщина сразу тонула в непонимании терминов и стремилась поскорее покинуть это место технического хаоса.

Родители с детьми благоразумно пролетали мимо отдела игрушек, чтобы не дай Бог любимое чадо не увидело яркие стеллажи. Стоило опрометчиво зайти в этот отдел, как ребенок прилипал к кукле, машинке, мячику. Малыш хватал ее маленькими ручками, обнимал, прижимал к сердцу, смотрел жалобно в глаза: «Мама! Купи! Ну, пожалуйста!». И бесполезно приводить аргументы, что денег нет, обязательно в следующий раз... Тогда крошечные слезы текли рекой, становилось понятно, что без этой куклы, машинки, мячика ребенок жить больше не сможет. Хотя дома таких кукол и машинок уже десятков. В худшем случае малыш падал на грязный холодный пол, начинал судорожно дрыгать руками и ногами, биться головой с криками: «Купи! А-а-а! Я отсюда никуда не уйду!». И хорошо, если «падшего ангела» можно успо-

коить безделушкой: шариком, набором мелков или мыльными пузырями. Но иногда приходилось раскошелиться на что-то подороже: розового пони или маленький конструктор. Поэтому отдел игрушек умные родители обходили за километр...

Между отделами посуды и бытовой химии находилась женская косметика, занимавшая два прохода. Висели плакаты с известными молодыми красавицами, рекламирующими чудодейственные средства. Стоял приятный сладкий аромат. Тянулись ряды с гелями, кремами, муссам и лаками для волос, бесчисленными духами. На полках баночки, флакончики, тюбики всевозможных форм и расцветок. Как в магазине игрушек, только для взрослых девочек. Все розово-красно-оранжево-голубое. Приятно пахло ванильно-цветочным миксом. Стоило только какой-то красотке заглянуть сюда, она застревала надолго.

По обе стороны юные клиентки выбирали парфюмерию, нюхали красивые тюбики, читали мелкий шрифт на баночках, смотрели кремы для определенного возраста... И ни в коем случае в двадцать девять не покупали крем для тридцати, кожа ведь еще не готова, ее можно испортить.

Состоятельные дамы среднего возраста выбирали дорогие антицеллюлитные гели, скрабы для ног, кремы от морщин вокруг глаз... Студентки смотрели бижутерию в начале отдела.

Около полок с духами всегда былолюдно: молодые модницы пшикали воздух и свои запястья, вдыхали волнующие ароматы, махали руками, нюхали запястья, сначала одно, потом другое, потом душили и нюхали сгибы локтя. Потом запястья и локти заканчивались, и они начинали душить полоски бумаги, тонуть в смешивающихся запахах и выходили из отдела в благоухающем облаке...

Женщины в погоне за красотой выбирали туши и помады, шампуни и бальзамы, карандаши для бровей и краску для ресниц — все то, чем они рисуют лица, и что приводит в ужас мужчин...

У прилавка с кремом для рук молодая пара. Невысокий, сутулый, худосочный, темноволосый парень стоял, скрестив руки на груди и уставившись в одну точку. В это время его возлюбленная выбирала крем для рук. Это коротковолосая дылда-блондинка в спортивном костюме, кроссовках и надвинутой на глаза кепочке. На первый взгляд она и косметикой-то не пользовалась. Но девушка к выбору крема подходила основательно: долго вертела в руках тюбики, нюхала и, если были пробники, мазала руки. Она тщательно читала мелкий шрифт, потом переходила к следующему, не пропуская ни одного.

Ее парень терпеливо наблюдал за ней. Сначала он сам пытался читать надписи типа: «смягчающий» или «интенсивное увлажнение», потом рекомендовал выбрать известное по рекламе «Бархатные ручки», «Двести рецептов красоты» или «Очень чистая линия». Но его подруга решительным кивком головы пресекала всякую попытку помощи любителя. Она подходила к отбору профессионально.

Перебрав все кремы на уровне глаз, она опустилась на корточки и принялась дотошно изучать, нюхать и мазать содержимое нижних полок. На лице парня выразилось страдание, морщина между бровей озабоченно застыла. Он окинул невидящим взглядом длинный стеллаж супермаркета. Его лицо выразило чуть ли не испуг... Парень, наверное, проклинал себя, что зашел сюда...

— Может, я пойду в отдел для автомобилистов? — с надеждой тихо и робко спросил он.

— Я скоро! — последовал твердый ответ.

Он опять окинул безразличным взглядом полки с кремами, кротко уставился в одну точку поверх склонившейся у стеллажа подруги. Казалось, он вот-вот заплачет.

В это время девушка уверенно продолжала чтение. Ее мини-помешательство на кремах для рук не заканчивалось. На принятие решения влияли и цена, и наличие скидки. Она добралась уже до малоизвестных марок и была недовольна отсутствием этикетки с переводом на иностранном креме.

Лицо молодого человека выражало полное равнодушие. Морщинка на переносице свернулась гармошкой. Он смирился со своей участью и покорно принял судьбу. Парень уже не реагировал ни на ее восторженные реплики, ни на ухмылки. Казалось, он полностью отстранился. Как будто душа покинула тело, и мысли явно витали в отделе автомобилистов...

Прошло минут двадцать — для него целая вечность.

Наконец-то выбор был сделан! Спортсменка предсказуемо облюбовала крем «Интенсивное питание» со скидкой по карте... Ее лицо торжественно сияло. Победа над огромным ассортиментом гипермаркета одержана! Каждый крем был изучен и оценен. Она довольно улыбалась, вертела в руках и то и дело прижимала к груди бело-синий тюбик. «Пойдем, посмотрим домкрат для машины?», — улыбнулась она, обнажив белые зубы, и взяла его под руку...

Парень наконец-то вздохнул с облегчением! Его испытания были позади, морщинка на лбу безмятежно расправилась.

Молодые люди уже направились к следующему отделу, но тут взгляд девушки задержался на яркой полке с лаками для ногтей... Она замедлила шаг... Выпустила его руку... Нагнулась... Взяла ярко-красную бутылочку... Приблизила ее к лицу...

— Милый, давай я выберу еще лак для ногтей?

Он мужественно переносил удары судьбы. Ни один мускул на его лице не дрогнул. Только немного нахмурился лоб, и морщинка по форме стала похожей на английскую букву «N»...

— Конечно, дорогая... — фальшиво улыбаясь, обреченно вздохнул он.

Староверы предпочитают блондинок

Вадик — успешный бизнесмен. Ему тридцать шесть лет. Высокий, белобрысый, крепкий, с маленькой аккуратной бородкой. Мне он напоминает богатыря из русских сказок. В начале двухтысячных годов он раскрутился на продаже карточек для мобильных телефонов и на эти деньги построил отель. Разведен. Бывшей жене Вадик оставил отель и двух сыновей. Он продвигает в Интернете новую доску объявлений с бесплатными звонками через сайт. Мой бывший муж, программировавший этот портал, как-то сказал: «Сайт не так крут, как Вадик думает...».

Сейчас Вадик снимает квартиры помесечно, а съедает посуточно. У него нет проблем убирать интимный мусор за постояльцами. Он не пьет, не курит. Язвенник-трезвенник, блин... И поклоняется богу огня.

Я с Вадиком пересекалась по работе. После развода он вытаскивал меня из депрессии. Я знала, что когда-нибудь он заговорит о религии:

— Слушай, а что ты знаешь о староверах¹? — ни с того ни с сего ошарашил меня Вадик. — Хочешь поехать со мной на встречу староверов в эту субботу? Маша не сможет, занята по работе.

Маша — новая возлюбленная Вадика. Из староверов. Пару лет после развода он зализывал раны, говорил, что

¹ **Староверы** — приверженцы дохристианской славянской веры, называемой Православием, т. е. Правь славят, они именуют себя Православные Славяне.

от женщин одни проблемы... Теперь собирается еще раз жениться... Маша — худенькая, стройная натуральная блондинка с длинными волосами, всегда заплетенными в фигурную косу, густыми ресницами и серо-зелеными глазами. Маша и Вадик смотрятся, как брат и сестра.

— Потусим! Обещаю, такого ты еще не видела...

И правда, такого я точно не видела...

В десять часов на Затон за городом приехали пару десятков староверов и несколько зевак, как я. Мужчины-староверы почти все бородатые, некоторые в светлых вручную вышитых рубахах, подпоясанные красными кушаками, некоторые в обычных майках и шортах. Женщины, будто павы, с распущенными волосами в длинных белых платьях с венками из полевых цветов. Их движения были мягки и неторопливы, они говорили тихим голосом, опускали глаза и робко улыбались. Никто не курил, на празднике не было спиртного...

Мужчины группами за разговорами собирали дрова, а женщины незаметно накрывали на стол. В обряде славления приносили богам требы¹: венки из цветов, орехи, мед, блины, пироги и фигурное печенье. Потом разожгли высокий общинный костер и стали водить хоровод. С детсадовским восторгом, сцепившись за руки, танцующие кружились у костра. Под славянские напевы среди искр пламени мелькали смеющиеся лица, бороды, венки... Вдруг все остановились и запели гимн огню:

¹ **Треба** — бескровное жертвоприношение. У славян требой называлось подношение богам-предкам, духам, природе. Эти требы обычно включали в себя молоко, хлеб и мед (это традиционный состав, который считался универсальным).

I

Синь небес так звездна, лунна,
Нам сияет Меч Перуна.
Очищает Души наши,
Царь-Огонь утеха наша.
Разгорайся Царь-Огонь,
Коловрат и Посолонь.

Припев:

Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло.
Поднимайся до Небес,
Озаряй, ты, все окрест.
Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло.

II

Очищай, Ты, Дух и Душу,
Освещай моря и сушу,
Согревай Хоромы наши,
Царь-Огонь утеха наша.
Гори ясно Царь-Огонь,
Коловрат и Посолонь.

III

Со времен Инглингов — Предков
Тебя кормим сухой веткой,
Чтоб сияла, Слава наша,
Царь-Огонь утеха наша.
Гори ясно, Царь-Огонь,
Коловрат и Посолонь.

IV

Синь небес так звездна, лунна,
Нам сияет Меч Перуна.

Очищает Души наши,
Царь-Огонь утеха наша.
Гори ясно, Царь-Огонь,
Коловрат и Посолонь.

От раскатов громкого многоголосия у слушающих выступали слезы, замирало дыхание... Я застыла от благоговения... Некоторые мужчины плакали... Я подумала, насколько сильна их вера! Что же особенного в этой забытой всеми, запрещенной религии, что староверы согласны подвергаться гонениям и насмешкам? Что же в этих древних песнях, самобытных костюмах, полевых венках и хороводах, что можно так стоять, петь и плакать!?. Выглянуло солнце, будто громовержец Перун услышал хор, принял требы и благословил празднующих...

Потом быстроногие мальчишки в белых рубашках разносили написанные старорусским шрифтом листовки о вреде межнациональных браков: «Женщины-полукровки обречены на страдание. Они красивы, но в них нет силы. Это странники Вселенной, стремительно летящие в пустоту.

Им не получается осознать причины своих страданий. Слишком мало силы они получили от предков, слишком много красоты взяли от них, но заплатили дорогой ценой.

Они получают плотское наслаждение. Нас лож дение. Нас ложь делает.

Они лгут себе, и не в силах этого понять и осознать. Так они рассчитываются за грех своих родителей, они и есть остатки душ своих родителей, измельченные на миксере жизни. Так родители обрекают своих детей, продавая свою душу дьяволу.

Русы, не мешайте кровь. И ваши дети будут счастливы и благодарны вам за силу и терпение. Прославят вас и ваш род!»

— Женщины-полукровки, говоришь? Вадик, ты куда меня привел? Что за бред вообще? — от возмущения я даже закашлялась. — Все, ладно, пошла я отсюда... И это они собираются передавать из уст в уста?

— Подожди, все уже заканчивается...

По дороге обратно мы долго молчали. Я смягчилась:

— Мы, вполне цивилизованные, так и остались язычниками. Я сама люблю праздник Масленицы, поесть блинчики. В детстве я прыгала через костер.

Если девушка обрезает волосы, то она теряет женскую силу. Знакомая мамы везде фотографируется с деревьями, чтобы дерево передало ей часть здоровья. Еще одна закапывает в землю ногти для той же цели. А одна бабушка растит на кровати цветы... Я заметила, что среди староверов много белокурых...

— Староверы стремятся жениться на девушках только славянской внешности со светлыми волосами и глазами. Чтобы иметь светловолосых и светлоглазых детей.

— Ты шутишь?

— Нет. Ты не видела мою Настю? Я перед тем как жениться, познакомился с ее мамой и папой. Они все блондины... Она везде блондинка, понимаешь?

Я ухмыльнулась... Настя — бывшая жена Вадика. Они прожили вместе восемь лет.

Я вспомнила, как мне нравились его белокурые и голубоглазые сыночки. Маленькие лапочки-солнышки... Оказывается, это был умный генетический ход...

— Я тащусь просто...

Вадик тем временем продолжал:

— Русы должны держаться вместе. Вот чурки держаться... — он все национальные меньшинства с добродушным цинизмом именовал «чурками». — Армяне, адыги угрожают нации, они портят наших женщин... Женятся на натуральных блондинках, делают им смоляных детей, так вымирает светло-русый цвет волос.

— Язычник, блин... Знаешь, как это называется?

— Как?

— Паранойя!

— Язычник — это другое, это инородец, иноверец. Дело не в этом. Я говорил, что Настя теперь живет с армянином? Моя Настя с ним! Она от него родила дочку! А он на ней даже не женился! Я должен воспитывать сыновей в уважении к этой девочке, их сестре... Ох, Настя, Настя...

Вадик печально вздохнул: развод и бывшая жена все еще для него большая тема...

Я задумалась. Куда катится мир! За блондинок ведется генетическая война. Они — вымирающий вид. Староверы предпочитают блондинок. Адыгейцы, армяне предпочитают блондинок... Брюнетки не котируются... Но вслух заметила:

— Мне так нравится генная чистота в моих кошках русских голубых. Котята все одинаковые: серенькие, зеленоглазые, большеухие... И так много поколений. Кошки не выбирают с кем вязаться, лишь бы крови были хорошие и поменьше родственных скрещиваний. Но генная чистота в людях меня настораживает. Как же чувства? Все равно кого любить, лишь бы правильный цвет глаз?..

— Вообще-то раньше мне больше нравились брюнетки, но я за чистоту нации...

— Странное сейчас время: телефон без кнопок, двери без ручек, отношения без чувств... Не расстраивайся. Говорят, через триста лет все будут узкоглазыми неграми. Как сейчас бразильцы... Черный цвет доминантен. Монголоидная и негроидная расы атакуют. Я прямо боюсь за своих потомков...

За разговором мы незаметно доехали до города... Приглушенно светило солнце, озаряя мягким теплым светом суетливый город... Около дома Вадика ждали бе-

локурая Маша и два беленьких мальчика одиннадцати и пяти лет. Они собирались продолжить праздник семейным ужином в пиццерии. Мне пора домой:

— Ты придешь на нашу следующую встречу? Новолетие 22 сентября, это как Новый год! А потом день богини Рожаны! — Вадик белозубо улыбался...

Такой молодой, здоровый, сильный, смелый! Точно недавно сошедший со страницы древнерусской былины полубог, оседлавший современный «ниссан». Машины полубог предпочитал иностранные...

Его два мальчика на заднем сидении. Рядом новая пассия Маша. Я еще раз отмечаю, какие они хорошенькие. Все такие светленькие... Как с картинки...

— Я брюнетка, мне ничего не светит... Хотя... Ничего и не грозит...

Вот как бывает, вот как выходит...

Она училась в параллельном классе. Он заметил ее в школе в актовом зале, когда в пятом классе на ежегодном концерте самодеятельности она увлеченно играла на фортепиано.

Все только удивлялись, что он нашел в этой очкастой зануде-отличнице, старосте и капитане команды по баскетболу.

Он специально начал дружить с мальчиками из ее класса, чтобы больше узнать о ней.

На выпускном он хотел пригласить ее на танец, погулять по набережной со всеми, а потом проводить домой... Но она быстро ушла. А потом поступила в ВУЗ. Она надевала линзы, стала краситься и оказалась даже красивой.

Он уехал учиться в другой город.

Когда он приехал, узнал, где она работает... Она начала делать карьеру и была успешна...

Они, «случайно» встретившись, здоровались... Он записался в ее фитнес-клуб. Для нее он был просто знакомое лицо из параллели. Она здоровалась быстро, едва встретившись глазами и не улыбаясь. Она постоянно куда-то бежала в своей летящей, яркой жизни... Он не знал, как подойти к ней. Они даже никогда не заговаривали друг с другом.

Иногда вечер встречи выпускников проходил «абсолютно случайно» для двух классов. И он видел ее там. Она обычно тихо сидела, мало разговаривала и уходила одна из первых.

Все знали, что она ему нравится, и старались помочь ему, часто «ненароком» рассказывали о ней.

Он никогда не был смешон и никогда не был жалок... Друзья его считали уверенным в себе. Он нравился многим добропорядочным девушкам: блестящая партия, из хорошей семьи, единственный сын. Многие отцы с удовольствием отдали бы за него дочь... На работе его уважали коллеги и уже неплохо получал...

Он держался достаточно уверенно с девушками. Вот только с ней почему-то не получалось. Все как-то не складывалось. Он все ждал подходящего случая, который никак не наступал.

Когда он думал о ней, его уверенность улетучивалась, он так хотел ей понравиться...

Он боялся заговорить с ней. Он столько раз прокручивал в голове их воображаемую беседу, готовил заранее шутки... Он боялся, что вдруг скажет не то. Боялся показаться грубым. Боялся, что не сможет найти общие темы, хотел поразить ее наповал... Боялся, что через время надоеет ей. Он часами думал, как признается ей в любви, представлял их семейную жизнь... Он распланировал все: сколько у них будет детей, где и как они будут жить. Переживал, чтобы она не мучила детей учебой. Через друзей он узнал все ее привычки... Он иногда проходил мимо ее дома и всегда искал ее в окне... Но он не мог подойти к ней... Просто не мог... Он так любил ее... Именно потому что он слишком любил ее, он не мог с ней заговорить первым... Он все ждал от нее первого шага...

Самым близким друзьям он говорил, что или женится на ней, или не женится вообще.

Он боялся, что она кого-то встретит и влюбится. Она встретила и влюбилась. А потом вышла замуж и родила сына. Он видел свадьбу, ее в летящем, невесомом платье, с жемчужинками в распущенных волосах... Он приезжал смотреть, как ее выписывали с ребенком из роддома. Ее муж забирал их, делали памятные снимки, с маленьким

спящим конвертом сели в машину... Она стала чужой женой... Он не должен был о ней думать.

Но он все равно думал... Через общих знакомых он издали наблюдал за ее жизнью. С мужем они жили плохо, он знал это и надеялся... Надеялся, что она разведется...

Через три года она развелась... Но он опять не мог подойти и заговорить с ней. Он просто не мог...

Он любил ее всю жизнь... Она его едва знала...

Потом она опять вышла замуж. Он видел свадьбу издали, ее вновь в подвенечном платье, уже строгом, с высокой прической... Как семь лет назад...

Говорят, она счастлива во втором браке, родила дочь, также много работает, уже большой начальник... И он тоже наконец-то женился, у него родился сын... И, говорят, он тоже счастлив...

«Брюкс» 36

Случайно заглянув в любимый магазин, я наткнулась на распродаже на джинсы известного европейского бренда «Брюкс» за невероятную цену — пятьсот рублей! Зауженные, голубенькие, с вышивкой и стразами. Все блестит... Красота! О такой удаче можно только мечтать!

Пройти мимо спокойно не могла, ведь на джинсы стали заглядываться другая покупательница, их сначала не заметившая. Конечно, она обратила внимание только, когда я в них вцепилась! Она даже мерить их собралась. Я их вовремя схватила, прижала к сердцу! И решила, что больше никогда их не отпущу. Хорошо, за эти джинсы мы не подрались. Единственная проблема, что на распродаже остался только размер — тридцать шесть. Мой тридцать семь. Но пятьсот рублей! За такую цену я как-нибудь похудею — чего не сделаешь, только бы не отдать покупку конкурентке. И размер меньше не помеха.

В общем, джинсы я купила! Интересно, о чем думают люди, покупая вещи на размер меньше? Я думала, что похудею... Как-нибудь влезу... Ключевое слово «как-нибудь»... осталось только похудеть... Померить их, конечно, не смогла... В раздевалке позориться не стала... Принесла обновку домой...

День первый: нелегко смотреть на такие красивые брюки и не иметь возможность влезть в них... Сначала попрыгала, втиснула голени и колени... Потом начались проблемы...

Человек может не дышать пять минут. Время пошло. Втянула в себя кишечник и желудок. Живот притиснула к позвоночнику. Под легкое головокружение от недостатка кислорода я втискивалась в брюки. Перед глазами все поплыло и пошли круги... Потом потемнело... Но я

так и не влезала... Выдохнула... Сходила в туалет... Взвесилась: на триста граммов меньше. Попытка номер два.... Живот к ребрам... Не дышать пять минут...

Говорят, красота требует жертв... Интересно, мужчины тоже так влезают в брюки, футболки... и куда там еще...

Моя двоюродная сестра Лена всю жизнь носит туфли на размер меньше, ей вся обувь жмет. Зато ножка кажется миниатюрнее. Я однажды предложила ей купить обувь своего размера, так она обиделась! Успокаивает себя примером китайнок и их лотосовых ножек... Колодки на ногах, пытка длиной в жизнь. А тут всего лишь обувь на размер меньше... У меня всего лишь джинсы на размер меньше. Легко...

Пришла мама с работы, оценила мою покупку... Не впечатлилась. Мама постоянно худеет, сидит на всевозможных диетах, раздельном питании. Я уже оголодала с ее диетами. Все постоянно пресное. Я вот на диетах не сижу. Просто ничего не ем, чтобы влезть в штаны.

Что еще делают, чтобы быстро спустить жир? Баня, физические нагрузки: если попариться, выйдет вся вода, можно похудеть на три килограмма. Есть минимум соли и сахара. Бегаю по стадиону в шерстяных штанах, выходит вода...

День второй: не ем весь день... Приняла слабительное. Взвесилась. Лучше. Рвотное принимать уже не буду. Перебор.

В «Брюкс» я втиснулась, но застегнуть не смогла... Теперь хожу по дому на три сантиметра незастегнутая, разнашиваю...

Попытка номер четыре: живот к ребрам, зажмурилась с криками: «А-а-а-э-э-э-ой-ой-ой», глубоко вдохнула, натянула... дернула... нет... выдохнула... еще разок... Победоносный крик не помог.

«Брюкс», главное, надеть, а потом разношу... как-нибудь... Джинс при носке растягивается.

День третий: не ем с утра, в эти штаны можно влезть только на голодный желудок. Не пью воду, мерю талию. «Модная и голодная» передвигаюсь, странно оттопырив задницу. Сесть не могу: джинсы могут разойтись по швам.

Хожу разношиваю... Не застегнула... С криками «э-э-э» мама застегивает мне штаны. У меня живот к ребрам, и все плывет перед глазами. Я «как-нибудь» влезаю в «Брюкс»: не ем, не пью, не дышу. Совместными усилиями мы их застегнули...

Джинсы с заниженной талией, поэтому по бокам свисает все, что не поместилось в маленькие штаны. Вид, как у гусеницы. Все нормально, просто кофту нужно по-свободней надеть.

Однажды мы с двоюродной сестрой Леной бродили по магазинам... Неожиданно начался сильный дождь, а мы без зонта. Нет, чтобы торопиться домой... Нет... Мы бегали по всем магазинам под проливным дождем и искали большой целлофановый пакет, чтобы засунуть Ленину сумку «Фирла», которая стоит, как моя месячная зарплата... В обычные сумка не влезает... В этот момент я поняла смысл жизни: ливень, все прячутся на остановках, куда-то быстро бегут. А мы носимся по магазинам — ищем большой кулек для «Фирлы». Себя не жалко, главное, сумку сберечь.

На нас странно печально смотрит бабушка с сумкой из дерматина, идущая под зонтом. Ей точно не нужно сумку куда-то прятать...

Пакет мы нашли в «Мореале». Какой еще магазин может помочь девушке, как не магазин косметики?

После мы побежали домой, мокнув, но упаковав «Фирлу» в целлофановый пакет, который Лена несла над головой, укрывшись... Я свою сумку тоже из солидарно-

сти запихала в кулек и несла над головой. Надо было в «Мореале» купить еще и зонтик...

Мы тогда промокли до нитки, но, главное, что сумка известного бренда из натуральной кожи не намочла... У нее на этикетке написано, что нельзя мочить и ходить под дождем. Звучит странно: «Сумку нельзя носить под дождем». Так зачем же она нужна? Носить только в сухую погоду... А если погода испортилась? Искать целлофановый пакет и беречь от дождя...

Я продолжаю цепочку рассуждений... Тогда и кожаную обувь нельзя носить под дождем, а только в сухую погоду. В дождь разуваться и ходить босиком... или в резиновых сапогах... А сапоги всегда носить с собой в таких сумках, как «Фирла»...

Кстати, я иногда влезаю в «Брюкс» — в периоды межсезонного похуждения. И свою сумку «Киксинелль» я тоже в дождь засовываю в целлофановый пакет, чтобы не намочла...

И обувь на размер меньше тоже не проблема, главное, ногти обрезать...

РасСвет

Берег Черного моря. Ночь. Видно только бесконечное море и бескрайнее небо, граница между которыми совсем растаяла. Если лечь на спину, можно видеть только звезды, нависающие созвездиями, и слышать шепот моря. В ясную погоду широкой лентой тянется Млечный путь, блестит Полярная звезда, обнаруживая обеих Медведиц... Смотришь на это море неба, слышишь шепот волн и веришь в мудрость Вселенной...

Но тьма не длится вечно: приближается расСвет. Свет, этот быстрый марафонец, нарушает спокойствие ночи. Он надвигается с огромной скоростью, неся за собой белый шлейф приближающегося утра. Сначала на востоке слегка светлеет линия горизонта, потом появляется бледная точка. Как случайно попавшее белое пятно на черный фон картины какого-нибудь пейзажиста, она растекается, смешиваясь с темнотой. Белый цвет медленно расплывается по небу. Звезды тают. Растворяются в небе и грозди созвездий, и Млечный путь... До вечера скрываются от глаз обе Медведицы.

Утро наступает на пятки ночи. Линия света неуклонно ползет на запад, погружая все большее пространство в действительность. Пляж преобразается. Из тьмы начинают проявляться очертания предметов, Свет обнаруживает шезлонги на пляже, забытое кем-то полотенце. Появляются небольшие пляжные палатки, прибрежные гостиницы, закрытые киоски с сувенирами, а в отдалении многочисленные домики со сдающимися посуточно комнатами для туристов.

Постепенно Свет разливается по пляжу, проникая в каждую щель. Он освещает каждый камешек, каждую песчинку. Он настигает и молчаливых спортсменов, со-

вершающих ежедневную бодрящую пробежку, и сидящих на берегу, любующихся рассветом романтиков. Свет не задерживается, чтобы рассмотреть их лица или угадать их мысли. Он пролетает мимо, неутомимый атлет...

Свет покорял самые высокие горные вершины, спускался в холодные пещеры и бороздил просторы океанов. Он видел снежные пустыни Антарктиды и путешествовал по жаркой Сахаре. Он блуждал в густых джунглях Мексики, где затерялись храмы майя. Он знает разгадку постройки пирамид и астрономической обсерватории Стоунхендж.

Свет рассуждал о тайнах бытия с Аристотелем и искал истину с Платоном. Он завоевывал земли с Александром Македонским и восставал против рабства со Спартаксом.

Он помогал рисовать «Мону Лизу» Леонардо да Винчи и сочинять «Лунную сонату» Бетховену.

Свет изобретал лампу накаливания с Томасом Эдисоном и легендарную химическую таблицу с Дмитрием Менделеевым.

Он был свидетелем создания «Войны и мира» Львом Толстым и «Гамлета» Шекспиром.

Он видел возникновение жизни на Земле и появление человека. Он знает причину исчезновения мамонтов и наблюдал эру динозавров.

Этот космонавт летал к далеким жарким звездам и исчезал в черных дырах. Он высаживался на Марсе и огибал кольца Сатурна.

Он знает тайну жизни и смерти. Он был немым свидетелем создания этого мира и будет возможным очевидцем его конца...

Свет не любит предаваться воспоминаниям. Он уже разлился по пляжу. И везде, куда ни глянешь, Свет победил Тень. Новый день наступил!

Дискриминация по видовому признаку

— Иди сюда, моя девочка! Иди, моя доченька любимая! Иди, моя умница! Иди, моя красавица! — кричит мама.

Нет, не мне, а Нельде, нашей кошке породы русская голубая...

Моя мама всю жизнь любила кошек больше, чем меня... У нас дискриминация по видовому признаку.

И любимая дочь — это тоже не я. Есть кормилица — это Нельда, мы продаем ее котят, а есть гордость — это Дорота, интерчемпион по системе Фифе, сейчас закрывает титулы грандинтерчемпиона. И есть я, эгоистка неблагодарная, главное разочарование в жизни, так, случайно затесавшаяся среди этих красавиц и умниц.

Меня вот называет только по имени. Нельду же Нелли, Неллиша, Нельда-Ли. А Дороту — Дороти, Доротея, Дорощечка, Дороточка. И даже Доротутусик. Придумывает им всевозможные имена и приносит каждый день разные вкусности. И как тут не ревновать?

В прощенное воскресенье мама обычно просит у меня прощения, что любит кошек больше, чем меня. Я не обижаюсь, уже давно привыкла.

Первая кошка появилась, когда мне было десять. Это я ее приперла в дом, котенка захотела. Глупая была, до сих пор себя простить не могу!

Кошку звали Ньюша, чисто черная злючка. Постоянно царапалась и кусалась. Я ее даже погладить не могла. Но мама все равно ее любила больше. Я расстраивалась первые пять лет, ревновала маму, а потом смирилась. Я

просто поняла, что никогда не приближусь к совершенству этих красавиц и умниц.

Через пятнадцать лет Ньюша умерла, и мы завели себе породистых русских голубых. Сейчас в питомнике две кошки — Дорота и Нельда.

Кошки с мамой разговаривают, у них полное взаимопонимание. Обычно мама с довольной интонацией зовет кошек:

— Дорошечка, солнце незаходящее. Дороти, Доротея, кис-кис-кис. Иди обедать.

Прибегает радостная Дорота, хвост трубой.

— Кто пришел? — ласково спрашивает мама.

— Мяу! — громко отвечает Дорота: «Это я, мол, пришла».

— Это любовь всей моей жизни? Доротееша? Единственная радость? — я рядом в комнате все слышу. Мама знает, что я слушаю, смотрит на меня и продолжает уже разочарованно: — Больше радости нет...

И так все мое детство.

Мама достает Дороше лакомство. Услышав знакомый хруст открываемой упаковки, тут же появляется счастливая Нельда.

— Мои рыбоньки. Мои птичечки. Кушайте, мои девочки любимые, мои золотые, мои серебряные! Красавицы!

Дорота начинает чесаться, а мама продолжает ей петь дифирамбы:

— Дочечка моя блохастая...

— Ты бы дочь свою... любимую... хоть бы от блох пролечила, что ли... — говорю я. — Сидит, чешется...

— Это у нее не блохи, это аллергия... У нее блох нет.

— Конечно, нет...

«Дочечка блохастая» совсем обнаглела... И на кухонный стол ей залезать можно. Она же выставочная. Ей нельзя бояться столов. Вот она у нас из туалета сразу

на стол лезет, а на столе потом следы от древесного кошачьего наполнителя остаются. И все нормально. Это мне надо чаще убирать. И для воды у кошек стоят не кошачьи миски, а человеческие кружки, из мисок они пить отказываются, это унижает их кошачье достоинство... Скоро из тарелок есть начнут.

Вот недавно случай был. Стоит моя чашка с недопитой водой. Подходит Дорота и начинает лакать из моей чашки. Вот нахалка! Нет, если бы меня в комнате не было! Нет же, она нагло смотрит мне прямо в глаза и лакает из чашки! Оборзела совсем! Я полна возмущения и негодования. Готова цыкнуть на кошку.

Мама видит эту картину, и что же делает моя мама? Я думаю, что она отгонит Дороту от чашки, прикрикнет на нее. Мама протягивает руку... Я уже жду, что сейчас она отпугнет кошку... но мама начинает гладить Дороту ласково так... нежно:

— Пей, моя девочка, пей, Дороточка, не стесняйся.

Дороточка не стесняется. Смело так, не торопясь, под одобрительную интонацию нашей общей мамы пьет из моей чашки. Иногда на меня посматривает. Я, естественно, закипаю от раздражения. У меня нет слов! Мама видит мое изумленно недовольное лицо и говорит:

— А нечего чашки непонятно где оставлять!

Мусорка

На повороте у дороги около гаражей располагается местная мусорка. Три открытых темно-зеленых кубических контейнера... Каждое утро приезжает ярко-оранжевый мусоровоз, автоматически поднимает контейнеры и опрокидывает содержимое в кузов. Несколько лет назад сделали дополнительный отсек, куда соседи относят строительный мусор или старую мебель. Когда появился новый домоуправ, мусорку отгородили невысокой кирпичной стеной, на которую сбоку вешают ненужные вещи для бомжей.

Мусорка самая обычная, ничего особенного, все как полагается: неприятный запах, мухи вокруг и бомжи, которые периодически в ней ковыряются. Но в нашей мусорке ковыряются не только бомжи, но и соседка с пятого этажа баба Катя. Бомжи ковыряются в мусорке периодически. Баба Катя каждый день.

Баба Катя, сгорбленная старуха с заметным горбом восьмидесяти четырех лет, временем и жизнью сложенная пополам. Обычно она ходит согнувшись, корпус перпендикулярно телу, а тело параллельно земле. Она живет на пятом этаже в моем подъезде.

Баба Катя с большим крючковатым носом картошкой и полубеззубым ртом часто «гыгыкает». Ее дальнорюкие глаза в очках с большим плюсом в светлой оправе выглядят огромными и синими. Все ее лицо испещрено глубокими морщинами, в складочках и бороздах, которые оставила долгая и трудная жизнь. Детство бабы Кати пришлось на годы войны... Она еле ходит, опираясь на палочку, и за собой неизменно везет свою сумку-тележку болотного цвета на колесиках. Сейчас баба Катя абсолютно седая. Двадцать лет назад она ходила еще ров-

но, без палочки и красилась хной в ярко-рыжий цвет. Лет десять назад баба Катя похоронила второго гражданского мужа. Последние годы перед смертью у него был нервный тик, у него дрожали руки, и он постоянно кивал головой, как будто всегда со всем соглашался. До свадьбы с ним баба Катя периодически заводила романы на работе. Она не захотела зарегистрировать с ним брак, а в пятьдесят шесть лет имела в любовниках адыгейца. Он помогал ей с дачей...

Ходит баба Катя, кряхтя и квохкая, часто держится за спину. Ее движения медлительны, скованы артритом и подагрой. Один раз в день, если все нормально, баба Катя выходит на улицу. Один раз в день она спускается с лестницы и один раз — поднимается обратно. Медленно со ступеньки на ступеньку тащит тележку, еле волочет ноги, примерно сорок минут с пятого этажа, еще дольше — на пятый.

Но у бабы Кати есть свой промысел, радость в жизни. Это наша помойка, точнее момент, когда из близлежащего универмага привозят тележку с испорченными и просроченными продуктами. Тогда баба Катя лезет в мусорку, достает оттуда пакеты с продуктами, складывает в свою сумку-тележку и забирает домой.

Каждый день с самого утра баба Катя спускается с пятого этажа с тележкой и усаживается на лавочке перед домом напротив моих окон. Мусорку стережет... Продавцам местного универмага запрещено брать просроченный товар. Корпоративная культура не позволяет. Товар достается нашим пенсионерам.

Когда баба Катя выходит, сначала кормит всех бездомных кошек. Каждое утро она выносит им остатки со стола, и все местные коты, хвостатые и бесхвостые, сбегаются на ее скрипучий зов. А пока баба Катя ждет тележку, крошит хлеб голубям — сначала она кормит котов, потом голубей...

Правда, отходы приносят всегда в разное время: иногда с утра, иногда под вечер. И баба Катя с закадычными конкурентками сидит на скамеечке с утра до вечера — ждет! Как в окно ни посмотришь, баба Катя на скамеечке сидит, на мусорку смотрит, не идет ли заветная тележка с отбросами. Так каждый день с утра до вечера. И в туалет ей не хочется, и есть, и пить. Лишь бы добычу не пропустить!

Когда летом через четыре часа ожидания начинает припекать солнце, она одевает на голову бело-коричневый или разноцветный платочек.

И в дождь, и в снег наша баба Катя сидит на лавочке, просрочку ждет. Я с утра выхожу из дома, а баба Катя уже на посту — бдит!

Даже если начинается дождь, баба Катя все равно сидит. Дождь для нее не помеха. Только когда льет, как из ведра, она в подъезд заходит дождь переждать.

В любую погоду сидит баба Катя: и в жару, и в холод, зимой специальную сидушку носит, чтобы пятую точку не отморозить. Мусорку сторожит.

С утра у нашей лавочки образуется очередь, старушки занимают место, кто первый в мусорке продукты выбирать будет. Они в мусорку по очереди лезут. Баба Катя всегда первая. Она с шести утра сидит. У нее право первого выбора, может самые лучшие продукты из мусорки достать. Ее постоянная, темноволосая с проседью соперница иногда караулит мусорку вместе с внучкой. Баба Катя сидит на лавочке, а соперница стоит. Мол, молодая еще. И семидесяти нет, может и постоять.

Три их обычно сидит, три закадычные подружки. А если вдруг кто-то захочет к ним в очередь, тут такое начинается! Крик! Гам! Баба Катя конкуренток выгоняет, на ее добро посягать!

— Это кто тут еще на нашу мусорку позарился? —

недовольно спрашивает она, руки, согнутые в кулаки, в боки. — Ша разберемся!

Старичков, которые приходили из других дворов к ее мусорке, она уже всех разогнала. С бабой Катей никто не хочет связываться.

Обычно старушки удобно сидят на лавочке или стоят около и еще издалека видят, когда из-за поворота появится, поскрипывая, высокая тележка с продуктами на утилизацию, укрытую черным в круглую дырочку целлофаном. Тогда они бегом, обгоняя друг друга, как только позволяет здоровье и больные суставы, направляются к мусорке. После того, как работники выбрасывают отходы и с опустошенной тележкой уходят, бабушки накидываются на добычу. Они или торопливо подбираются к контейнерам наперегонки, кто первый успеет, если чувствуют конкуренцию; или, если все свои, неспешно подходят. Сначала вместе продукты ждут, потом, не торопясь, по-дружески переговариваясь, подходят к мусорке, вместе перебирают продукты, молчаливо согласованно по-братски делят их, каждая у своего лотка, у своего контейнера с мусором. Старательно перебирают гнилые мандарины, черные бананы, кислый забродивший виноград... Что можно переработать, складывают в сумки-котомки или тележки. Мгновенно на запах кислоты слетаются мухи. Отгоняя назойливых мух, бабушки распихивают отходы по сумкам и расходятся по домам.

— Да там нормальные овощи и фрукты бывают, — говорит баба Катя соседям, объясняя свое копанье в мусорке. — А если подгнившие, то можно обрезать.

Хозяйственная баба Катя испорченное и подгнившее обрезает и на зиму варенье закручивает.

— А че добру пропадать-то? Посмотрите, там и сыр, и хлеб в упаковке выбрасывают. И мясную нарезку иногда привозят. И тортики...

Я один раз видела, как баба Катя просроченный «Наполеон» в сумку закинула и просроченный сок в литровый картонной коробке у подъезда выливала. Так баба Катя иногда тащит домой сок, кефир, молоко в пакетах, замороженные пельмени и пиццу.

И для недовольных у бабы Кати всегда ответ есть:

— А почему ты знаешь, что я с этими продуктами делаю? Я, может быть, хлеб жду. Потом сухари сушу и бомжам на дачу отвожу.

Баба Катя, несмотря на возраст, любит ездить на дачу.

Зачем сухари на дачу отвозить? У нас бомжи в двух метрах на двуспальной матрасе лежат. На солнышке греются! Один бомж сидит за столом, просроченный кефир пьет. Бутылки прямо под наш стол бросает. Не свой двор, не жалко...

Мы с соседями уже ничему не удивляемся. С одной стороны баба Катя с подругами-соперницами роется в мусорке, как первобытные люди, еду себе добывает, с другой — бомжи лежат на двуспальном матрасе день-деньской, иногда к мусорке подходят, что осталось от наших бабушек, доедают. «Жалко их», — думаем мы... и не мешаем!..

Наша мусорка пользуется популярностью, иногда в ней ковыряются дяденьки интеллигентного вида, прилично одетые. Они перебирают гнилую, проросшую картошку и складывают в свои тканевые сумки-чемоданчики.

Иногда у мусорки начинаются драки. Не стоит бабу Катю недооценивать. Она с легкостью отгоняет незваных гостей и бомжей: «Мое! Не трогать!». Замахивается на них палкой, отталкивает и отпихивает в разные стороны, чтобы быстрее добраться до мусорки и первой достать заветные продукты. Иногда даже ноги пускает в ход. Вцепившись в мусорку руками, ногами она активно и методично отталкивает конкурентов и соперниц. На одной ноге сто-

ит, другой ногой конкуренток отпихивает, сама в мусорке копается. Наша баба Катя не промах!

И откуда у этой худенькой, согнутой, дряхлой старушки берутся силы, чтобы разогнать более молодых конкуренток?.. Потом с молодецким задором баба Катя быстро и торопливо перекладывает фрукты и овощи в тележку, забыв и про возраст, и про артрит... И радостная с тележкой домой бежит! Добыла! Как мало надо человеку для счастья, не сильно испорченные фрукты из мусорки достать, и, считай, день удался!

Если погода хорошая, баба Катя сидит еще какое-то время на лавочке, нежится под лучами солнца. На наживу любит... В сумке-тележке на колесиках лежит просочка и греет ей душу.

Если баба Катя не выпьет обезболивающее, то домой она не бежит вприпрыжку, а медленно плетется. Одной трясущейся рукой держит палочку, другой тащит тележку, еле ковыляет. Баба Катя, согнувшись, делает два шага, медленно поворачивается, берет свою увесистую сумку с добычей, забрасывает ее перед собой как можно дальше. Опираясь на палочку, делает несколько тяжелых шагов вперед, прихрамывая, подходит к сумке, делает вперед еще два шага и опять поворачивается за сумкой. Она еле переставляет ноги. Идти с сумкой ей очень тяжело. Так старушка добирается до подъезда, а потом волочит по ступенькам, медленно, еле-еле.

И сидит так каждый день баба Катя на лавочке у подъезда, мусорку караулит. Смотрит, кто приходит, кто уходит, трендит с подружками, знает все местные сплетни. Баба Катя первая в курсе: кто кого бросил, кто куда переехал, кто разводится, кто женится, у кого от кого ребенок. И у кого сын на соседа похож. А если баба Катя чего-то не знает, то обязательно придумает.

Баба Катя еще та выдумщица. Лет тридцать назад она ходила и всем соседям, еще моим бабушке и дедушке,

рассказывала, что единственный сын Славка погиб в Афгане. Чтобы ее больше жалели. Рассказывала, как тяжелый цинковый гроб поднимали на пятый этаж. Плакала. А потом десять лет назад ее сын появился живой и здоровый...

— Что же ты нам брехала? — спрашивали ее тогда соседи. — Заживо сына похоронила!

— А он без вести пропал. А сейчас нашелся.

— А что же ты про цинковый гроб рассказывала?

Баба Катя молчит, усмехается. Надеялась, что правда не всплывет, соседи не доживут или через двадцать лет поразьедутся.

Ее сын Слава иногда приезжает к ней на старом советском двухместном автомобиле белого цвета с кузовом-фургоном...

А что? Баба Катя с утра до вечера на улице, дышит свежим воздухом, весь день с подругами общается, в курсе всех сплетен. И еще каждый день домой только немного подпорченные продукты приносит. Экономит. Красота!

И сказать бы, что голодает. Так нет же. Пенсия большая, больше двадцати тысяч. Не у каждого такая зарплата. То ли дальней родственнице, то ли подруге на однокомнатную квартиру копит. В банк относит, под проценты кладет, продвинутая... И живет одна, муж давно умер, расходов особых нет. Но каждый день на мусорке продукты собирает: «Зачем добру пропадать? Радость-то какая! Практически непорченные продукты выбрасывают! Заелись совсем! Вот в мое время не то, что подпорченные, практически гнилые продукты ели...».

— Вот до чего жадность доводит, — говорят некоторые соседи. — Жадность!

Баба Катя только машет рукой им в ответ:

— Завидуют!

Наблюдая из окна, как баба Катя с подругами сидит на лавочке, моя мама, недавно вышедшая на пенсию, говорит:

— Подруги по несчастью или по удаче, с голодухи караулят мусорку. Баба Катя — одинокий человек. Для нее погоня за продуктами на мусорке стала смыслом жизни. Пугает наша действительность, что наши старики целыми днями сидят около мусорки, ждут, когда из магазина вынесут просроченные или гнилые фрукты и овощи. А потом за них драчку устраивают!.. Готовы глотки за эти продукты драть! Подбирают отходы на мусорке и радуются!

— Молодец баба Катя! Не у всех зарплата большая, это у бабы Кати большая, а у соперниц по десять тысяч, квартиру оплатить, а потом три недели экономить. Ты на десять тысяч в месяц проживи, сама в мусорку полезешь и еще Бога благодарить будешь, что такая чудесная мусорка есть!..

— Они на мусорке питаются лучше, чем мы без мусорки. Я бы тоже, может быть, в мусорку полезла. Но перед соседями неудобно...

— Баба Катя не промах, молодец! Она и на квартиру родственнице копит. И продукты на мусорке подбирает. Люди старой закалки. Это нам стыдно, неудобно, а ей нормально! Это мы тут стесняемся, а они голодали, в войну выросли, такого за свою жизнь насмотрелись, что в мусорке ковыряются и не краснеют!..

Однажды утром я только выхожу из квартиры, а баба Катя уже по лестнице с полной тележкой поднимается. На дворе конец мая, а она в вязаной голубенькой шапочке с отворотом, белых шерстяных штанах и широких калошах, в светлом кремовом пальто и темном выцветшем платье по щиколотку, с двумя фартуками, одним светлым, другим серым.

— Ну как вы, баба Катя? Уже с добычей? Хороший

сегодня день? Удачный? — спрашиваю я ее, медленно волокущую свою тележку по ступенькам.

— Ой, удачный день, удачный! Ты посмотри, какие яблоки выбрасывают! — узловатыми кистями рук с опухшими суставами она достает из тележки полупрозрачный пакет с рисунком, лежащий сверху, и показывает мне. У глаз глубокие морщинки складываются в гармошку от улыбки. Ее лицо светится счастьем! Большие голубые дальнозоркие глаза в очках сияют. Она немного выпрямляется. Как будто разглаживаются мелкие морщинки. Даже голос становится как будто выше и моложе. Баба Катя поднимает в руке нераспакованный пакет с небольшими красно-зелеными яблоками, некоторыми старыми и немного сморщенными, и трясет им у меня перед лицом. — Ты только посмотри, какие яблоки выбрасывают!.. Посмотри!.. Нормальные! Практически неиспорченные!

В библиотеке

*Там чудеса, там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит...
А. С. Пушкин из поэмы «Руслан
и Людмила»*

*Тишина должна быть в библиотеке. Тихо
я сказал, или я тихо сказал?*

КВН «Утомленные солнцем» Сочи 2001 г.

— А вы ходите в библиотеку? — однажды спросила меня соседка с первого этажа четвероклассница Милена, — там сейчас детская площадка работает, можно полепить, порисовать.

Зачем в двадцать первом веке ходить в библиотеку? Все есть в Интернете. Я печатаю на компьютере быстрее, чем пишу ручкой. Уже практически не читаю бумажные книги, а в электронную загружаю пару десятков томов. Иногда читаю с экрана или редко распечатываю трехсотстраничные тома на формате «а-четыре». Но я решаю пойти с сыном просто из любопытства.

На первом этаже пятиэтажки с большим баннером «Новое поколение выбирает чтение» рядом с банком располагается детская библиотека.

На предложение молоденькой незнакомой библиотекарши записать ребенка, удивляюсь: «Зачем?». Столько книг в Интернете, загрузил в планшет и читай. Сынок меня настойчиво тянет в детскую комнату, где несколько ребят разрисовывают маркерами отскерокопированные из раскрасок картинки и лепят из пластилина — так сей-

час в библиотеки увлекают школьников, приучая их к литературе. Соседские дети берут книги и тоже приходят на детскую площадку «Лучик», а по совместительству читальный зал, где играют в шахматы, шашки, воздушный хоккей и какие-то новые, незнакомые мне игры. Несколько старшеклассников, иногда что-то записывая, читают.

«А вы будете с нами лепить и рисовать?» — спрашивает Милена. Два ее младших брата приносят досточки с пластилином, мы начинаем нарезать разноцветные пластичные кусочки, как овощи, раскатывать, разминать их и лепить зверят по распечатанной инструкции.

Сколько же здесь книг? Пахнет старой бумагой. Везде полки снизу доверху заставлены толстыми томами: краеведческая литература на стендах «Под стягом России», «Казачество — российский феномен». Множество словарей, справочников и энциклопедий за спиной у невысокой библиотечарши. Подборка журналов, вместе корешками составляющие картины великих художников. Столы вдоль стен с разными играми. К потолку на веревочках подвешены самодельные полупрозрачные шары с разноцветными ромашками. Огромные обзорные окна, как в магазинах, через которые вся улица видна как на ладони. Широкие деревянные подоконники со сказочными героями: черная пантера рядом с книгой «Маугли». «Город Мастеров», витрина с детскими поделками: узорный дворец сказочной принцессы, на подставках цветы в горшках и мягкие игрушки, оригами.

Я слышу, как называют маленькую библиотечаршу — Ольга Ивановна. Журнальная палитра, некоторые названия я вижу впервые: «Эрудит», «Маруся», «Ромео и Джульетта», стенд «Мы дети твои, Краснодар» весь в фотографиях нашего города. Самодельные бумажные фигуры умной желтой совы в очках и треуголке и зеленого трех-

голового Змея Горыныча, примерно одного роста. Крохотная черная статуэтка Мэри Поппинс с зонтиком. Стенд «Этот манящий космос» с фото улыбающегося беззубого Ю. Гагарина.

Прошло много лет, с тех пор как я была здесь в последний раз. Что-то изменилось, «осовременилось», что-то осталось прежним. Появились два огромных плазменных экрана в углу зала, как потом оказалось, всегда выключенные, стенд с фильмами по классическим произведениям, несколько современных компьютеров: слышно, как дети в другом конце библиотеки щелкают мышками, играя в компьютерные игры...

Я на минутку возвращаюсь в детство. Библиотеку Б* я знаю давно, когда она была еще безымянной, без баннера и банка рядом. Я ходила в этот зал для младших школьников, «библиовуд», лес сказок, с гигантским аквариумом, где полки в виде домиков-теремков и сказочных замков для мишек, зайчиков и кукол, а стеллажи в виде серых слоников с разноцветными шапочками. Такие огромные тогда и такие привычные сейчас... Вспоминаю, как девятилетней школьницей ходила за серией «Волшебника изумрудного города» и настойчиво ждала неделями каждую книгу... Стена между отделами изрисована героями как раз этой книги, и на меня смотрели ожившие растерянные Элли и Железный Дровосек, добрый Страшила, идущие по пергаменту из желтого кирпича. За ними наблюдали Гудвин с мешочком ума и старая волшебница Виллина, с огромной, размером с изумрудный замок вдалеке книгой. Такие реальные тогда, как сегодня эта библиотекарьша...

Только в пятом классе, когда меня перевели в зал для старших школьников, я увидела другую сторону разрисованной стены с героями «У Лукоморья»: большой дуб с портретом А.С.Пушкина в желудях на той же пергаментной бумаге. За дубом прятались леший с носом-ве-

точкой, синеволодая русалка с Бабой Ягой в платочке и удивительно похожий на нее царь Кошей со сползающей с головы короной. Колдун с булавой летел с ухватившимся за его длинную седую бороду богатырем... У подножия дуба, одетый как сказочный принц, сидел кот и играл на гусях. ... *Идёт направо — песнь заводит, Налево — сказку говорит...*

Воспоминания окружают. Я мысленно возвращаюсь в одиннадцатый класс, когда часами сидела в этом самом читальном зале, готовясь к выпускным экзаменам по толстым энциклопедиям. И эта маленькая библиотекарша, Ольга Ивановна, которая сейчас присматривает за младшими школьниками, выдавала книги и подбирала литературу к выпускному сочинению. Здесь просиживала вся наша параллель. Битком набитый тогда читальный зал, столы в ряд, огромные стопки книг около каждого школьника... Тот же запах немного пыльных пожелтевших страниц... Все что-то торопливо записывали, боясь не успеть... и потом от быстрого письма болели пальцы правой руки... и напухал мозоль на среднем... После выпускных экзаменов прошло более пятнадцати лет... Библиотека как Лукоморье... *Там лес и дол видений полны...*

Я как будто погружаюсь в прошлое, и становится немного грустно. Вторая библиотекарша из детства тоже ни капли не изменилась. Те же тихие шаги и прямая осанка. Копна волос на голове. Через панорамные окна видно, как она что-то настойчиво рассказывает старшекласснику, который, как я когда-то, подметает около библиотеки засушенные июльским зноем, хрустящие тополиные листочки... Прошло столько лет... А она осталась такой же...

В библиотеке очень тихо, и обычно громкие ребяташки, поддавшись настроению, говорят только шепотом, не нарушая хрупкую тишину. Они молча сопят, раскрашивая картинки... Слышно шуршание фломастера

по бумаге, как переставляют шахматные фигуры и детские пальцы разминают пластилин. Тишина как в церкви, когда, проходя мимо, случайно забегаешь поставить свечку и с суетливой улицы попадаешь в молчаливую божью обитель....

Тикают часы, те же, что и пятнадцать лет назад, с крупным циферблатом, желтыми под золото, фигурными стрелками и двумя коваными поросятами по бокам в фуражках и шароварах. Часы тоже вечные, не сломались и даже не постарели... *Там на неведомых дорожках Следы невиданных зверей...*

Я, такая взрослая и продвинутая, замолкаю, убираю подальше гаджеты и подчиняюсь этой тишине. Пока ребенок играет со старшими детьми, я открываю толстую книгу и читаю об истории Краснодара и освоении космоса. Листаю глянцевые страницы, вдыхаю запах дорогой полиграфной краски. Сердце замирает, и в воздухе висят произнесенные про себя мысли великих писателей и поэтов и быстро бегают глаза читающих. Их безмолвные слова витают вокруг, натываясь друг на друга и переплетаясь со словами и мыслями соседа. И сконцентрированный, наполненный идеями воздух дрожит как в зимний морозный вечер...

Я слушаю напряженную тишину литературы, которая оглушает. Она едва касается и тех, кто усердно что-то записывает в тетрадке, только иногда останавливаясь обдумать ненадолго заинтересовавшую мысль... И тех, кто сосредоточенно или мечтательно смотрит в окно...

Там чудеса... Время тоже преклоняется перед этой напряженной тишиной и останавливается у входа в библиотеку, сказочную сокровищницу детства, где работают нестареющие библиотекари, тикают вечные часы, секундной стрелкой отмеряя остановившееся время, и хранятся бессмертные богатства... *Там русский дух... там Русью пахнет!*

И я хожу в библиотеку уже со своим ребенком, чтобы поймать это благоговейное чувство грусти, услышать щемление сердца... почитать, порисовать, полепить из пластилина и послушать тишину литературы... послушать, как книги умеют молчать...

Август 2016

Ольга. Цикл рассказов

Зеленая трава

Каждое лето дешевая рабочая сила со слабым знанием языка наводняла Америку. Студенты со второго по четвертый курс приезжали подзаработать, практиковать язык или искать приключения.

Оля прилетела в Нью-Йорк из Краснодара. Единственное впечатление, которое осталось после транзитного посещения неназванной столицы Америки — узкие улочки и высотные здания, скопление народа. В Питере и Краснодаре широкие улицы, низенькие здания, чувствуешь, как город дышит. Нью-Йорк показался местом, где практически не видно неба.

Потом Ольга отправилась в Поинт Плезант Бич, городок на берегу Атлантического океана, где уже месяц батрачили ее хорошие знакомые по вузу, подружки Марина и Лера.

Поинт Плезант Бич — небольшой городишко, тихий, если не считать прибрежные кварталы, где на каникулах буйные американцы отрывались все ночи напролет.

Поражала еда — после плодородного Краснодара покупать кусочек синтетического арбуза за три доллара, а хлеб за четыре — казалось кошунственным. Но через два месяца Оля и к этому привыкла...

Маленькие домики с уютными газонами. Клумбы вдоль дорог. По тротуарам ходили размеренной походкой сине-желтые уточки с утятами, по деревьям прыгали белочки...

Жители привыкли к череде молодых иностранцев. Работодатели были рады дармовым трудягам. Американцы средних лет избалованы вниманием смазливых юных иностранок, но большинство из них недовольны авантюрными шумными студентами.

В Краснодаре добротный двухэтажный кирпичный дом строили лет пять. А здесь возводили за две недели. «В Америке другие технологии. Видишь, как фанера блестит. Дома строят как карточные домики. Это у нас делают на века, а тут собрали — разобрали...», — объяснял Данила, один из Олиных друзей-работяг. В России Он учился на строительном факультете.

Оля пошла горничной в небольшой отель «Аметист», где уже устроились Марина и Лера.

«Аметистом» управляла Лоурен, подруга Стивена, хозяйка отеля.

Скупая Лоурен платила шесть долларов в час, зато предоставляла небольшую комнату, переоборудованную для сотрудников из бывшего чулана. Студенты-иностранцы были вынуждены соглашаться — найти место было сложно.

В этой комнате уже жили Марина, Лера и Данила. Сюда приехала и Оля. Девочки с мальчиками жили в одних комнатах без стеснения. Выбирать не приходилось...

Комнатой это можно было назвать условно... На площади три на два метра стояли две двухэтажные кровати, не было окон... Дневной свет проникал только через входную дверь... Пословица: «Без окон, без дверей, полна горница людей» как нельзя лучше подходила. Особенно тоскливо было просыпаться утром в крошечной темноте. День или ночь можно определить только по часам. Постояльцы засыпали в темноте и в темноте просыпались... Комната-чулан навевала тоску.

Ребята вечерами вчетвером сидели на веранде, пили русский чай с сушками и болтали. Два сдвинутых вместе пластиковых стола, четыре разноцветных стула из холла отеля. Легкий ветерок, вид на ухоженный газон напротив. Соседи поневоле, первое время в разговорах слышались грусть и одиночество. Редко, кто из студентов,

не скучал по дому. Америка оказалась не страной мечты, а костедробилкой.

Марина — миловидная крепкая натуральная блондинка, баптистка. Она всем нравилась. Марина точно знала, чего хочет, и уверенно шла к своей цели. Она бегло говорила по-английски. Хотя знание языка было весьма условным. Сама Марина как-то сказала: «Это в России мы все хорошо говорим по-английски, а в Америке в живом общении языка всегда не хватает...».

Марина поделилась:

— Я в том же ресторане работаю. Хорошо платят и оставляют приличные чаевые. Конечно, с американцами работать тяжело. Но их тоже можно понять: каждое лето новые люди, только за три месяца к одним привыкнешь, они уезжают, приезжают другие, к новым нужно привыкать! И так каждый год! Поэтому они относятся к нам, не привязываясь, как к пустому месту.

— Круто здесь мозги промывают, да? — заметила Оля.

Марина между тем продолжала:

— Я весь прошлый год писала своим официантам, немного сдружилась с ними. Обещала Мэту, что в этом году приеду. Только поэтому он меня в прошлом и взял... У Лоурен я только ради спального места.

— Какая ты предусмотрительная.

— А как по-другому?

Лера тоже натуральная блондинка, тоже баптистка и тоже бегло говорила по-английски. Лера заглядывала подружке в рот и во всем ее слушалась. Она находилась под полным влиянием Марины. Но не из природного желания найти сильнее или подчинения, а скорее по расчету. Ведь если быть поближе к Марине, то никогда не пропадешь.

Марина устроила Леру баззером, вытирать со стола, в свой крутой ресторан. Однажды официантка «совершенно случайно» пролила черничный мусс Лере на но-

вую кофту... Лера пришла в слезах. Все дружно ее успокаивали:

— Лер, не плачь, пожалуйста! Прошу тебя! Еще два месяца осталось...

— Я не могу с ними больше, просто не могу! — Лера заливалась слезами.

— Нужно! Думаешь, мне легко? Ты что, сюда зря через океан прилетела? — толстокоже успокаивала Марина...

— Лера, а что та девчонка? Вика, по-моему? — Оля отвлекала внимание...

— Она не выдержала, позвонила родителям и уехала домой.

— А твоя официантка Ксюша?

— Я смотрю, как ее ломает. Звонила родителям, после рыдала часа два. Я советую ей: «Зачем ты мучаешься? Возвращайся». Они богатые, собираются перевести ей деньги и отправить путешествовать. Большой каньон, Великие озера, через месяц обратно в Россию. Но она даже путешествовать не хочет...

— У меня знакомая горничная из Казани считает дни до возвращения, зачеркивает в календарике-пинарике, знаете такой? Она зарабатывает на свадьбу, дата в ноябре...

— А жених?

— Он вкалывает грузчиком на стройке. Повезло. Хоть в России.

— Вообще неплохо в чужой стране иметь парня, который всегда защитит... — проронила Марина.

— Я в отеле «Стар» работаю с девочкой из Латвии. Она хочет стать певицей. Всем говорит, что мы обязательно о ней еще услышим, что будет знаменитой, не смотря ни на что... Поедет в Нью-Йорк к известному продюсеру на собеседование... Записалась на прослушивание в модный мюзикл.

К слову, Ольга о ней больше никогда не услышала...

Через пару недель посиделки на веранде стали веселее: бедолаги привыкали к новой жизни, делились впечатлениями от американцев и забавными историями. Лера рассказывала:

— Один мой знакомый всем американцам говорил, что его зовут Хозяин. Они так и общались с ним четыре месяца: «Здравствуй, Хозяин». «Пока, Хозяин. До завтра, Хозяин...».

— Вообще все американцы тупые. Один парень каждые две недели покупает новую камеру в магазине. Пользуется, а потом возвращает. Говорит, что не понравилась... Они принимают за чистую монету и нормально... И так уже полтора месяца. А че? Seriously! Кайф! Я тоже так хочу! — смеялся Данила.

Данила — здоровый красивый сибирский парень. Он плохо говорил по-английски, поэтому смог найти работу с только русскими на парковке около «Аметиста». Через неделю Марина уже мучила с Данилой.

Марина завела серьезную тему, а Оля поддержала:

— Американцы всегда улыбаются, только за этой улыбкой стоит полное безразличие. Их культура предполагает look nice. Но они первые настучат на тебя боссу, сдадут при любой возможности. У них это поощряется... И они помешаны на деньгах...

— В чужой стране жить тяжело. Наше образование не котируется. А всю жизнь быть официанткой или горничной не хочется... В России можно занимать нормальную должность, делать карьеру. А тут всю жизнь только мыть унитазы, — рассуждала Оля.

— Да. В России, работая экономистом с девяти до шести, можно жить так же, как и в Америке, работая баззером по четыре часа в день плюс чаевые. Иметь дом с бассейном, несколько машин.

— И жить в кредит.

— Многие поэтому в Америке и остаются. Уровень жизни выше, — Марине нравилось в Америке.

***

Через две недели Марина с Данилой уже расстались, и в воздухе повисло напряжение и агрессия. Марина за глаза отпускала злобные шуточки в сторону Данилы:

— Он тупой. Что на уме, то и на языке... Он говорит то, что думает и делает то, что говорит. Его мнения стандартны, а мысли избиты... Кажется, он немного задержался в развитии...

Данила не оставался в долгу:

— Марина — истеричка! С ней просто невыносимо!

Оля с Лерой предпочитали уходить как можно раньше и приходить как можно позже... Посиделки на веранде вчетвером прекратились...

Каждое утро в шесть Оля выходила в холл отеля, готовила кофе и булочки постояльцам. Потом к девяти ехала на велосипеде в другой отель убирать. А к двенадцати возвращалась в «Аметист».

Хозяин отеля, Стивен, худой, поджарый, вдовец, воспитывающий двух дочерей. Он был достаточно умен, чтобы открыть свой бизнес, но не достаточно, чтобы расширять его. Стивен уже больше десяти лет жил в гражданском браке с Лоурен, но при случае был не против закрутить мимолетный роман с доступной симпатичной иностранной студенткой.

Лорен, сорокалетняя крашенная блондинка модельной внешности, с высохшей на солнце загорелой кожей. Она занималась отелем, вела для Стивена бухгалтерию. Работала на ресепшене, оформляла клиентов. Она всегда белоснежно дежурно улыбалась. А он не собирался на ней жениться.

— Она — фальшивка, — говорила старшая дочь Стивена Аманда, толстая разевшаяся двадцатилетняя американка...

Чтобы передвигаться по городу, Оля, по примеру Леры и Марины, купила желтый велосипед. Чаще всего велик она оставлялась перед комнатой, привязывая на железную цепь с кодовым замком...

Но однажды по совету младшей дочери Стивена Джен она оставила велосипед за отелем, на зеленой травке, прикрепила к столбу...

Вернувшись через час, Оля велосипеда не обнаружила. Цепь была разрезана.

— Спроси папу, у него есть камера, направленная на задний двор. Наверное, он сможет помочь, — предложила Джен...

— Будет ли его помощь бескорыстной? — Марина, как обычно, озвучила то, о чем другие только подумали...

Идти к Стивену одной Оле не хотелось. Марину просить бесполезно, она не пойдет. Как обычно, мило откажет...

— Лер, сходишь со мной к Стивену?

— Конечно.

Стивен молча выслушал Олю. Внешне посочувствовал.

— Я посмотрю камеры. Я скажу тебе...

Через пару часов он позвал Олю, Лера ее верно сопровождала. Стивен показал цветной снимок. На фото какой-то старикан увозил ее велик.

— Это мой сосед. Джо. Он странный... Ты знаешь это слово? Немного сумасшедший. Я иногда играю с ним в шахматы. Я дам тебе фото. Если хочешь, я могу помочь. Я могу поговорить с ним. Нет? Или ты можешь пойти в полицию. Немного подожди. Цветное фото не для полиции. Я сделаю черно-белое.

Пока Стивен и Оля беседовали, Лоурен напряженно ждала в коридоре. Когда Оля вышла со снимком, Лоурен посмотрела на нее сначала с испугом и злобой, потом

проницательно и... вздохнула с облегчением, типично по-американски улыбнувшись:

— Завтра в шесть делаешь кофе, как обычно?

Лера мимоходом бросила:

— Интересно, она всегда его так караулит?

— Думаю, да... Хорошо, что они нас не понимают.

Мы понимаем их, а они не понимают нас.

Вечером на веранде все раздоры были забыты. Главная тема беседы — пропажа Олиного велика.

— Долбанные янки! — возмущался Данила.

Марина была категорична:

— Об Америке можно рассуждать много и долго, но это страна, где есть закон... Они не могут относиться к нам, как к людям второго сорта. Нужно отстаивать свои права... Этот Джо не может просто испортить замок за двадцать баксов и забрать твой велик...

Утром велосипед был обнаружен. Радостный Данила притащил его:

— Оля! Я нашел твой велик! Он был на стоянке. Я отвез его к комнате!

— Как? Был на стоянке?

— Да, просто стоял среди машин...

Оля все равно пошла в полицию, цепь была порезана и требовала отмщения.

В Поинт Плезант Бич все близко. Полицейский участок находился буквально через квартал. Удобные комнаты, везде порядок и чистота. Как все это отличалось от разрухи и запустения в России.

Полицейский был внимателен и вежлив, все выслушал, сразу нашел телефон соседа Стивена по справочнику и созвонился с ним.

— Я пойду к мистеру Петерсону с вами. Он отдаст вам деньги за цепь.

Из милого домика за отелем с цветочками на веранде вышел приветливый на вид дядечка. Аккуратно одетый,

с ухоженными усами, в роговых очках. Даже не скажешь, что мистер Питерсон железные цепи обрезает и велики на стоянку уносит.

— Вам не следует так поступать. Вы не можете просто порезать цепь. Вы должны заплатить и извиниться.

Мистер Питерсон спешно вынул из кошелька смятую купюру. Что-то пробубнил и торопливо скрылся за дверью.

Инцидент был исчерпан.

Вечером на веранде Оля радовалась найденному велосипеду, а двадцать баксов грели ей карман. Лера еще не вернулась с работы, Марина была в комнате, читала. Данила тоже сидел на веранде, он избегал встреч с Мариной как мог.

— Че-то я так и не понял, а почему он цепь порезал, а велосипед отнес на стоянку? Не забрал себе? — этот вопрос мучил Данилу, наверное, целый день.

— Мне объяснил Стивен, когда отдавал фото для полиции. Вообще-то формально сосед бы прав.

— Seriously?

— Трава вокруг столба принадлежит ему. Это его собственность. Я оставила велосипед на его траве...

Кузнец своего счастья

Оля познакомилась с Дашей, когда перешла на новую работу в табачную компанию. Останавливались производства, банкротились предприятия, а табачный бизнес процветал: стресс заставлял курить все больше. Табачка испускала запах табака на целый район. Многоэтажное современное здание выделялось на фоне запущенных пятиэтажных хрущевок. Высокий забор вокруг фабрики тянулся на два квартала. Табачка была одним из лучших мест работы в городе: считалось, если ты устроился туда работать, жизнь удалась...

Оля сразу заметила Дашу. Высокая, худенькая шатенка двадцати шести лет, густые волосы по пояс, карие глаза — настоящая красавица. Она могла бы преуспеть в модельном бизнесе.

Веселая, жизнерадостная, с постоянной улыбкой на лице — она как будто светилась изнутри. Рядом с ней хотелось говорить только приятные слова, видеть во всех только хорошее. Рядом с ней Оле было как-то неудобно жаловаться на завистливых коллег, сложную работу и требовательного босса.

Даша была замужем — первый признак женского благополучия. Но не просто замужем, а замужем за состоятельным молодым человеком: ездила на новенькой машине, одевалась дорого и со вкусом, недавно вернулась из поездки по Европе.

Оля смотрела на Дашу и думала: «Где же выращивают таких красавиц и умниц и каким молоком их вскармливают?». Казалось, Даша с обложки модного журнала, само воплощение доброты, счастья и процветания.

Почему же Даша вызывала в Оле такое восхищение? Не только потому, что Даша была красива и умна. Она

всего в жизни добились сама: выросла в небогатой семье. Ее отец трагически погиб, когда девочке было всего десять, ее мама сама воспитывала двух дочерей. Даша поступила на бюджет в университет и была по образованию социальным работником. Она как-то сказала Оле: «Ходить по бабулькам — это не мое. Денег мало, а мороки много. Меня душат амбиции». Потом пошла работать на ресепшн в крупную иностранную компанию и сделала неплохую карьеру.

Сейчас Даша работала в отделе персонала. Неудивительно, Оля с трудом представила ее специалистом по контролю качества, склонившуюся над химикатами, или инженером с линейкой. Работа секретарши тоже казалась не для Даши. Такая серьезная и умная девушка должна занимать солидную должность. Ей все легко удавалось. Даша бегло говорила по-английски, при Оле сделала сложный расчет в экселе — Оля была просто очарована!

Однажды Даша подвозила Олю домой после работы и щебетала:

— Мы с Сашей решили, наконец, обвенчаться в церкви! Я снова надена свадебное платье! Закажем фотографа и пригласим гостей. Только перед фотосессией нужно лазером удалить все родинки, чтобы на фото быть красоткой! А потом второй медовый месяц в Барселоне... Я так счастлива!

— Тебе повезло с мужем...

— Да, у меня любимый муж и счастливый брак... Человек создан для счастья... Только после санатория я чуть-чуть набрала, в столовой так кормили! Появились щечки, нужно соблюдать пост, чтобы немного сбросить.

Даша умела радоваться жизни, в ней была удивительная легкость. Она очень отличалась от привычных понурых людей со скучными лицами.

Однажды подружки болтали в столовой. Обе приехали на табачку к восьми и каждое утро завтракали на работе. Через панорамные окна было видно, что происходит на улице.

Прямо к зданию фабрики подъехала потертая иномарка. Из нее вышла молодая женщина, из багажника достала инвалидное кресло, а потом стала помогать мужчине с переднего сидения влезть в него. Он — молодой парень, немного сутулый, очень высокий и худой, в толстых очках. Юрий — начальник отдела аналитики... Она — Вера, его жена, худенькая, тоненькая, совсем юная, с короткими каштановыми волосами. Оля удивилась, с какой легкостью Вера управлялась с громоздким инвалидным креслом...

Вера подкатила кресло к переднему сидению машины. Беспомощно опираясь на жену, Юрий боком сполз с переднего сидения машины в кресло. Сначала он перетасил тяжелое туловище, а потом, запыхавшись, руками поставил две безжизненно болтающиеся ноги...

Юрий был почти ровесником Оли, ему было всего двадцать четыре, как и его жене. Но обращалась Оля к нему исключительно на «вы». Он вгрызался в работу, как в последнюю возможность компенсировать свое угасающее здоровье. Юрий был самым молодым начальником отдела на фабрике. У него в подчинении было четыре человека — все такие же юные и амбициозные. Говорили, он может стать начальником цеха, а, возможно, и директором табачной фабрики, если, конечно, позволит здоровье.

У Юрия было какое-то генетическое заболевание, связанное с атрофией мышц. Оно проявилось после подросткового возраста. Когда Оля начала работать на табачке, Юрий еще ходил с палочкой, но неожиданно для всех болезнь стала прогрессировать, и через полгода он был прикован к инвалидному креслу. Говорили, он уже не встанет.

Юрий рано женился, они с Верой были знакомы еще с института, учились в одной группе, как говорили на фабрике, это была первая студенческая любовь. Они быстро поженились и поторопились с рождением сыночка, ведь потом, может быть, уже и не родить. До декрета Вера тоже работала на табачке многообещающим экономистом, но из-за болезни мужа продолжать работать не торопилась.

Когда Вера выходила замуж, она знала о болезни Юрия, знала, что это заболевание передается по наследству. Думала ли она, что окажется с инвалидом на руках так скоро?..

Под любопытные сочувствующие взгляды сотрудников фабрики Вера усадила мужа в инвалидное кресло и подкатила к входу. Здесь по пропуску он преодолел пост охраны и тихо проехал мимо дверей столовой к грузовому лифту...

Оля и Даша, не отрываясь, смотрели на Веру и Юрия. В воздухе повисло смущенное молчание. Оле стало как-то неловко, стыдно за себя. Все ее проблемы показались надуманными и незначительными. И почему-то захотелось плакать...

Даша проводила взглядом отъезжающую машину Веры.

— Зачем он ей такой нужен? Не понимаю... — Дашин голос звучал, как обычно, легко, как будто она говорила о погоде или новой заколке. — Возись с ним... Хотя у них общий ребенок, он хорошо зарабатывает, начальник отдела все-таки!

— А ты бы смогла бросить инвалида? — спросила Оля.

Подружки были откровенны друг с другом. Оля могла задать такой вопрос. Даша могла ответить честно.

Она сказала тихо, но твердо:

— Человек создан для счастья...

Верблюд

Юбилейный микрорайон сравнительно молодой и самый густонаселенный. На небольшом клочке суши, на берегу Кубани располагаются исключительно многоэтажки, поэтому по утрам до девяти и после восемнадцати у подъезда и выезда к полуострову стоят многокилометровые пробки. Зато все дома новенькие, как с картинки, а жители, в основном, молодые семейные пары, не так давно купившие квартиру. Раньше на полуострове были песчаные бури, а сейчас проводится активное озеленение: сажают невысокие деревья. А центральную аллею так вообще пересаживают каждые две недели: сначала посадят разноцветные петунии, потом слегка завядшие уберут, а высадят лилейники или анютины глазки... А к Новому году как раз к закрытию финансового года на непотраченные бюджетные деньги цветы на аллее пересаживают каждые четыре дня, несмотря на то, что неморозоустойчивые бархатцы замерзают на следующий день....

Как на Юбилейном кладут асфальт... В сухую погоду его не кладут ни в коем случае... Выбирают время в дождь или сразу после. Ведь срок службы такого асфальта значительно сокращается, обеспечивая дорожников ежегодным потоком работы. И ездят краснодарские автомобилисты по «плывущему» дырявому асфальту и поминают добрым словом администрацию микрорайона!

В этот день с утра на радость дорожникам прошел дождь. Не просто дождь, а гроза с оглушающим громом и градом. Небо грохотало полчаса и высыпало на город крупные градины, заставляя жителей микрорайона гадать, чем же они прогневили его и молить о прощении.

Наконец небо успокоилось. Еще совсем недавно бушевала стихия, а сейчас пекло солнце, и было душно, как в пустыне...

Ольга медленно прогуливалась с ребенком после обеда. Полугодовалый Миша безмятежно спал после дождя. Сон ребенка — отдых для мамы. Одно счастье, когда дети просыпаются и совсем другое, когда они засыпают. В распоряжении Ольги было около полутора часов свободного времени, если, конечно, можно назвать прогулку со спящим в коляске ребенком свободным временем.

Оля, не спеша, обходя все ямочки и огибая бордюры, шла вдоль домов. То ли присесть на скамейку — книжку почитать, то ли прогуляться... Ребенку полезен сон на свежем воздухе. Решив все-таки почитать книжку, она уже выбирала свободную лавочку... Как вдруг увидела верблюда... Да-да, именно В Е Р Б Л Ю Д А... Сначала молодая мамаша усиленно заморгала, не поверив глазам, списав галлюцинацию на бессонные ночи с ребенком... Потом потрясла головой для полной уверенности... Сомнений не было, это был именно двугорбый верблюд. Он безмятежно жевал какую-то местную колючку, пил воду из послегрозовой лужи и, не стесняясь, делал свои дела прямо на тротуар... До этого Ольга видела верблюдов по телевизору, несколько раз в Сафари-парке и в цирке. На шее верблюда еще висела порванная веревка. Скорее всего, корабль пустынь, а сейчас вероятный пленник зоопарка испугался грозы, молнии и убежал от проворотившего его владельца.

Прохожие останавливались, фоткали верблюда. Многоэтажки, берег Кубани, через дорогу бегут на скорости сорок машины, пешеходы суетятся по делам, а посреди тротуара верблюд медленно жует куст акации...

Ольга тоже сделала пару снимков.

Как равнодушный человек, который выполняет

свой гражданский долг, Ольга решила действовать. Обзванивать зоопарки и цирки не было желания, и она решила позвонить в полицию... Набрал с сотового один-один-два, выслушав долгую череду гудков, соединение с ближайшим отделением, она услышала встревоженный мужской бас:

— Здравствуйте! Говорите! Что с вами произошло? — сотрудник рассчитывал, наверное, услышать про драку, побои или ограбление...

— У нас тут верблюд на тротуаре...

— Простите?.. — голос успокоился и оживился...

— Нет-нет, именно настоящий верблюд. Ест куст, пьет из лужи и гадит...

— Вы, наверное, шутите или уже празднуете утро вторника? Случайно спиртное не употребляли?

— Вообще-то я кормящая мать и не пью... Гуляла с ребенком, когда его увидела...

— Так... У нас верблюд на районе пасется... А вы, простите, кто? Представьтесь и оставьте контактный номер телефона, — замычал дежурный.

Работник полиции, наверное, надеялся, что Оля испугается и бросит трубку. Инцидент будет исчерпан. Ольга продиктовала данные. Хорошо, что еще паспортные не спросил...

— Ладно, скажите адрес. Я направлю к вам кого-нибудь или сам подойду в течение пятнадцати минут, — неторопливо произнес он.

Прошло полчаса. Никто не пришел.

Миша безмятежно спал, верблюд продолжал обедать, а Оля прилежно проверяла часы каждые пять минут. Потом она решила позвонить еще раз... На этот раз дежурный сразу узнал Олю и издевался по полной... Никуда идти он, конечно же, не собирался...

— Девушка, а что там делает наш верблюжонок? Все еще жует? А вы все еще ждете, да? Нет-нет. Вы ждите-

ждите... Скоро отряд подъедет... Верблюда поймает и запихнет в служебную машину...

Потом уже теряя терпение:

— Девушка, как вы себе это представляете? Как мы ловить его будем? С помощью лассо? И куда пихать? В полицейский уазик? У нас тут служба по отлову верблюдов, что ли? — как недовольный полицейский брызгал слюной было слышно на другом конце трубки. — Пасется животное на травке, никого не трогает... Вы идите по своим делам, дамочка! Вам делать, что ли, нечего?

— Вообще-то нечего...

— По вам и видно!

— А если он выбежит на дорогу? Произойдет ДТП?

Это в голову дежурному не приходило... Повисло озадаченное молчание... Зверь не дай Бог выскочит на дорогу, создаст аварийную ситуацию, а потом объясняй начальству, что в твоём районе, в твою смену верблюд на дороге делает... Потом доказывай, что ты сам не верблюд...

— Ладно, примем меры...

За это время верблюд закончил обгладывать куст и неторопливо, но уверенно зашагал к следующей сочной акации, волоча за собой огрызок веревки... Отпустить его дальше шататься по району было невозможно... Оля с коляской отправилась вслед. Она подошла поближе к безмятежному зверю.

Ольга никогда не была сильна в биологии. Мысли проносились вихрем в голове: «То, что лягаются лошади, я знаю, — стараясь мыслить здраво, рассуждала она. — Но вот лягаются ли верблюды — это вопрос... Точно плюются... Рот зверя занят едой. Хоть поест, бедненький, в зоопарке, наверное, голодом морят... Вон какой тошненький...»

Ольга отчаянно схватила веревку и привязала верблюда к ближайшему электрическому столбу. Теперь радиус его движения составлял не более двух метров.

Оставалось ждать полицию... Миша будет спать, как минимум, еще полчаса... Они должны успеть до его пробуждения...

Дальше события развивались стремительно... Буквально через двадцать минут на коне галопом прискакал хозяин верблюда. На первый взгляд изможденного коня три дня не кормили, а всадник три дня не просыхал...

Оказалось, что верблюд катал ребятишек на центральной аллее. В грозу его не успели увести, и он убежал. Слава Богу, что недалеко.

Цвет лица хозяина говорил, что алкоголик он хронический... Объяснялся он сбивчиво, видно, потерю верблюда заливал уже с утра... Как ни странно, он тоже не был с Ольгой любезен:

— А вы верблюда не видели? Ах, это вы в милицию звонили? Про верблюда рассказывали... Эх, вы...

Наверное, от стресса он забыл, что милицию в угоду Европе давно переименовали...

— Девушка. И чего вам неймется? Или вам, простым людям, хочется проблемы устраивать? Знаете, чего мне в милиции уже наговорили... А я тут два часа езжу, ищу его...

Он почти всплакнул...

— Ага, конечно... Как минимум полтора часа, я торчу рядом с ним. Вас верхом не видела... Я его к столбу привязала...

— И что? Я должен «спасибо» сказать?

— Было бы неплохо...

За эти полтора часа житель песчаных пустынь стал Ольге практически родным... Она уже совсем осмелела, погладила верблюда по шее и нежно почесала за ушком. Потом сделала еще пару снимков на память. И поторопилась уйти. А то владелец верблюда начал смотреть на нее уже не жалобно, а агрессивно... Мало ли что...

В это время всадник отвязал веревку от столба и повел сопротивляющегося верблюда в сторону аллеи.

Также ярко светило солнце, а воздухе стояла та же изнуряющая духота...

Зеваки, обходя обглоданные кусты акации и после-грозовые лужи, делали финальные снимки медленно удаляющегося всадника и неторопливого верблюда...

Встреча

Они давно не собирались вместе. Встреча назначена на пять. Ольга уже подходит. Замедляет шаг. Ее сердце бешено бьется. Встретит ли она ее там? Сколько лет они не виделись? Больше десяти?

Ольга заходит в модное кафе «Якотория», она никогда до этого не была здесь.

— Эй! Мы тут! — почти из конца зала машет ей Юля Шомовская, высокая длинноволосая брюнетка в дорогой норковой накидке.

Она уже развелась с двоечником Улинским, который подсадил ее на травку. Внешне Юля совсем не изменилась, только, может, похудела. Ее отец работал в налоговой инспекции, жили они хорошо даже в нелегкие девяностые. Почти по всем предметам она занималась дополнительно с учителями, поэтому ей завывшали оценки как могли. Теперь родители устроили ее работать в краевую администрацию.

Оля быстро подходит к их столу.

— Мы тут, как за партой, все равны! — басит Миша Лесавецкий, намекая на свою удачную карьеру.

Высокий, светловолосый, узкоглазый проныра со слашавой улыбкой. Он женился на деревенской простушке, его сыну лет пять. Миша — король класса:

— Поляшова, ты все молодеешь! Небось, и замуж вышла? И ребенка родила?

Оля достает сотовый телефон последней модели. Миша мгновенно оценивает его стоимость. Теперь он будет заискивать перед ней, впрочем, как всегда.

Миша говорит всем девочкам класса свой ежегодный тост — его слова звучат, как проклятие. Каждую встречу выпускников он заявляет какой-нибудь однокласснице:

«Желаю счастья! Но у тебя же в личной жизни и так все в порядке?». Обычно после этого одноклассница разводится. Так уже развелись Вика Дрыга и Маша Конеева. Брак Лили Самойлиной пока держится. В этом году он сказал это Оле...

— Катюша, тебе успеха в бизнесе! Процветания и материального благополучия!

Отличница Катя Корнилова, кареглазая блондинка модельной внешности, судорожно пьет шампанское. У нее своя турфирма. Лесавецкий пожелал успеха — готовься к банкротству.

Миша продолжает:

— Мариночка, а ты, чтобы, наконец, вышла замуж!

Марина Львова закатывает глаза. Лесавецкий желает ей это вот уже пять лет. Значит, в этом году опять не выйдет.

Миша не забывает упомянуть Лилию Самойлину, дочку богатых родителей:

— Вот Лиля ждет третьего ребенка. Вот настоящая женщина, всем бы так! Здоровья ей!

А еще год назад он говорил:

— Девочки, имейте совесть, зачем много рожать! Вы же не свиноматки?

Еще до Олиного замужества после встречи выпускников где-то в одиннадцать вечера Миша прислал ей эсэмэс: «Только ты и Алина Синюк сегодня не курили за столом. Всегда уважал некурящих женщин. Но Алине я такое эсэмэс послать не могу, у нее муж может неправильно понять...».

Воспоминания нахлынули рекой. Одиннадцатый класс. Миша нагло дергает Олю сзади за рукав:

— Ольгочка, ну, реши эту задачу. Если решишь, мне Татьяна Борисовна пять в аттестат поставит.

Миша Лесавецкий специально сел сзади Ольги в восьмом классе и четыре года бесцеремонно списывал.

Поэтому он закончил с серебряной медалью. Оля — с золотой.

В классе отличникам приходилось нелегко. Их было трое: Оля Поляшова, Саша Писаренко и Катя Корнилова. Они сидели равномерно: в каждом углу по отличнику. И все, кто сидел рядом, дружно списывали. А попробуй, не дай скатать? Саша пытался, так его подкараулили и избили у школы трое парней. Били в живот так, что уголовное дело не завести, но запоминается надолго. Родителям он ничего не сказал...

Саша Писаренко тоже здесь. Его Ольга на самом деле рада видеть. Он ее, похоже, тоже.

— Ты также в декрете? — удивляется он.

Оля подсаживается к Саше.

— Я всегда думал, что ты будешь карьеристкой. До сих пор не могу поверить, что ты осела дома.

Оля смотрела на него и вместо заматеревшего начальника инженерного отдела в дорогом костюме видит скромного, тихого пухленького мальчишку, в двойных очках и вязаном мамой свитере.

Она вспоминает восьмой класс, унылые стены школы, решетки на окнах, забор по периметру, Сашино заплаканное лицо. Как физичка искала его обидчиков, а Лесавецкий злорадствовал:

— Видишь, Писюк... Попробуй, не дай еще раз содрать, еще и не такое будет...

Оля вспоминает, как потом Саша сказал ей:

— И как теперь не давать списывать?

— Но они же тупые? Они же будут получать твои пятерки? Это же нечестно!

— А если не дать... Вот, что получается... Мне мое здоровье дороже. Все равно преподады видят, кто на какую оценку знает...

— Может, стоит решать специально неправильно?

— Поймут — отомстят...

Оля тогда решила: «Рисковать не стоит, пишите, мне не жалко. Только меня оставьте в покое!».

Четыре года Лесавецкий дышал ей в спину. Они с Сашей шли на каждую контрольную решить один вариант себе и половину варианта соседу. Потом шпоры разлетались по классу. Главное, все успеть за сорок минут. Обидно было решить себе на четыре, а Лесавецкому на пять. Тогда можно услышать Мишин ехидный голос: «Ну что, Поляшова, сдаешь позиции?».

Катю Корнилову прижали по-другому. Алина, ее соседка по парте, в шутку сказала, что, если Катя не будет ей помогать, она расскажет всему классу все Катини секреты. И Катя, тихо сопя, за урок решала два варианта...

Прошло уже больше двенадцати лет, как они закончили школу...

Ольга отгоняет воспоминания. Кафе «Якотория», тусклый свет, смех за огромным столом. Тут вся «мафиозная элита»: Миша Лесавецкий, близняшки Таня и Ангелина Шахмановы, Вика Дрыга, Рома Борисов, Оксана Назарко, Марк Хунагов, Маша Конеева... Почти весь их нерадивый и недружный класс. На встречу выпускников не пришли те, кто не приходит обычно. Не пришла Лена Старицына, долговязая крашеная блондинка. Она всегда стеснялась, что из бедной семьи, что жила с мамой и братом. Лена не была ни на одной встрече выпускников за двенадцать лет. Нет и Ани Цветко, невысокой девчонки с короткими мелированными волосами и носом-картошкой, «Параська», как ее обидно дразнили модные мальчики и девочки. Она сидела одна на последней парте и училась из рук вон плохо. Теперь она — успешный дизайнер. Аня и на выпускной не пришла: «Ни за что больше не хочу видеть эти поганые морды».

Она тоже не пришла. Их встреча так и не состоялась. Она не звонила Оле с выпускного. Она — это Олина луч-

шая подруга в школе. Мирослава. Они сидели за одной партой семь лет и были неразлучны.

Мирослава перешла в школу в пятом классе. Мирин отец был военный, и они переехали из Украины. У Ольги не было подруг. Она была изгоем, как и многие десятилетние отличники. Оля ухватилась за Мирославу, как за последнюю возможность завести подружку в классе и не ходить везде одной.

Ольга быстро договорилась с классной подсадить Мирославу к ней на первую парту. Мира была ростом ниже Оли, худенькая, русая, с огромными голубыми глазами, пугающим орлиным носом и белыми бантами. Она тоже носила очки, как и Оля, и тоже их стеснялась — это их и сблизило.

Ольга была счастлива: наконец-то у нее, как и у всех, будет подружка! Только бабушка почему-то предупредила: «Люди с западной Украины хитрые. Ты будь с ней поосторожнее».

Теперь они везде ходили вместе, вместе бегали на физре, вместе сидели в столовой, по очереди носили учебники, обсуждали учителей и одноклассников. Правда, Мирослава немного отвлекала Олю на уроках, просила помочь на контрольных и самостоятельных. Оля была суфлером многих ее устных ответов с места. Мире не давались точные науки, но пара решенных Олей номеров всегда вытягивали ее на твердую четверку.

В десятом классе у Миры начались проблемы с физикой. Вернее, проблемы были всегда, но сейчас о них узнала учительница... Просто наступило время олимпиад. Олю и Сашу Писаренко часто снимали с уроков и посылали отстаивать честь школы, потому что больше послать было некого. Катя Корнилова ходить на олимпиады отказывалась...

Они были на всех олимпиадах подряд: по физике, химии, математике, информатике, истории, обществозна-

нию, биологии, русскому и литературе. И неважно, что историю и общество Оля вообще не любила, что биологию толком никто не преподавал с седьмого класса. От школы нужен был представитель в любом случае.

В классе стала падать успеваемость. Мирослава с Олей писала на пять, а без нее на два. На Мириной тетрадке так и стояли красной ручкой отметки: пять, два, пять, два... Учительница физики Нина Васильевна сразу все поняла. Она стала вызывать Миру к доске, отсаживать на контрольных на заднюю парту. У Миры в полугодии замелькала тройка.

Меры были предприняты быстро. Родители Мирославы завалили Нину Васильевну дорогими подарками и были убедительны:

— Зачем девочке портить аттестат? На физтех она все равно поступать не будет.

Физичка сдалась:

— Я поставлю ей четыре, если она и дальше будешь сидеть с Поляшовой.

Этот вариант устроил всех.

Оля и Мирослава были не разлей вода. Мирина семьям брала Олю с собой отдыхать на природу. Это было чудесно! В теплые воскресные деньки они отправлялись за город на иномарке Мириного папы. Ее мама брала с собой разные вкусности: печенье, бутерброды, мороженое. Подружки сидели на траве, жевали и играли в карты или шашки.

Ольга часто бывала у Миры в гостях. Девчонки плели друг другу косички и рисовали цветочки на ногтях. Летом они ходили на стадион играть в настольный теннис.

Они вместе переживали Мирину влюбленность в хо-рошиста из параллельного класса и Олину тоску по студенту-сисадмину из кабинета информатики.

Мира всегда точно знала, что подарить Ольге на день рождения: то стильную маечку, то хороший канцеляр-

ский набор. Наверное, она готовила подарок целый год. Оле было неловко принимать от нее дорогие подарки, но Мира была убедительна: «Если ты не возьмешь, то меня обидишь! Я же от чистого сердца!».

В девятом и одиннадцатом классе подружки сдавали одинаковые экзамены, вместе готовились, вместе выбирали платья на выпускной и делали прически у одного мастера...

— Мы с тобой, как сестры. Даже внешне похожи, — часто говорила Мирослава. — Если у меня родится девочка, а у тебя мальчик, то они обязательно поженятся...

«Бывают же такие подруги, — думала Оля. — Как мне повезло!».

Воспоминания проносятся мимо, Ольга стряхивает с себя груз прошлого.

Тогда она не знала, что, окончив школу, они практически перестанут видеться, что на все звонки и предложения где-нибудь посидеть, поболтать Мира будет отвечать уклончивым отказом. А потом скажет Оле с прощальной грустной улыбкой:

— Ты глупа! Неужели ты так ничего и не поняла? Я дружила с тобой ради оценок...

На испанском (португальском)

*Просвещение внедрять с умеренностью,
по возможности избегая кровопролития.
М. Е. Салтыков-Щедрин*

Профессия преподавателя достойная и всеми уважаемая... Но что значит быть педагогом? Учить быть добрыми и справедливыми, вызывать неподдельный интерес к знаниям, воспитывать? Быть другом? Служить примером? Где заканчивается та грань, которую нельзя переступать, чтобы не потревожить, не спугнуть робкую детскую душу? Насколько преподаватель может вторгаться в наивные жизни? Прикасаться к маленьким сердцам?..

Ольге предложили небольшую подработку. В частную школу для двух бразильцев, брата и сестры десяти и двенадцати лет, требовался учитель математики со знанием английского. Бывшая преподавательница преклонных лет уволилась со скандалом. Дети перестали делать домашние задания, пожаловались отцу, знаменитому баскетболисту, и сказали, что больше на уроки ходить не будут.

Капризным иностранцам было трудно угодить. Педагоги менялись, как перчатки. Сейчас уже был третий преподаватель «царицы наук» за два года и пятый по английскому. Учителя шли на уроки, как на эшафот...

Ольга только вышла из декрета. В конце февраля новых учеников набрать сложно: все уже где-то занимались. И приработок на пару-тройку месяцев до лета казался посланным свыше. Ольга, не раздумывая долго, согласилась. Предложение ей сделали в пятницу вечером, в субботу проверили дипломы, отдали учебники

на подготовку. А в понедельник в девять утра она уже сидела за партой напротив вертлявой десятилетней уроженки Бразилии, с оливковой кожей и волосами спиральками, в очках, со сложно запоминаемым именем Галиен.

Ее старший брат Габриель, высокий для своего возраста, очень серьезный, с хорошим зрением. Он говорил немного жеманно, нараспев растягивая гласные. Его движения были мягкие, словно танцевальные па. Именно из-за него обычно меняли преподавателей...

С первого урока Габриель придирался к Ольгиному произношению и грамматике.

— Вы говорите на другом языке. Мы учим американский английский, а вы говорите на британском.

Конечно же, думала Ольга, как американский и британский — это два совершенно разных языка, Американский английский отличался от британского, как минимум, написанием слова «Color».

— Вы знаете, мы говорим на разных языках, но язык цифр везде одинаков.

Маленькие бразильцы так мило смягчали на итальянский манер «л». И скоро Ольга уже смягчала «л», как они, попускала межзубный звук, иными словами говорила по-английски, как настоящая бразильянка, которой никогда не была...

Другая культура, другие дети. Они уехали из Бразилии, когда Галиен было два, а Габриелю четыре. По-английски говорили лучше, чем на родном языке... Их мать осталась в Бразилии. Она работала парикмахером, уже снова вышла замуж и родила ребенка. Они видели мать пару месяцев в году на каникулах. Отец Жоазиньо работал по контракту в российском баскетбольном клубе и был постоянно на тренировках. Он женился на русской и успел получить гражданство. Лицо Жоазиньо белозубо сияло с многих рекламных щитов города: «Я работаю

и лечусь в России». Двадцатитрехлетняя мачеха, бывшая московская модель, возилась с двухмесячной сестричкой.

Как потерянные птенцы, оторванные от матери, от родины. Часто, когда вспоминали о Бразилии, они начинали плакать...

В частной школе работали только женщины. Мужчины не приживались. Преподавательница русского языка Дина Абрамовна, эмигрантка из Казахстана, не стеснялась в выражениях:

— Дети дикие, только с пальмы слезли... Лишь о танцах-шманцах и думают! Столько денег на одежду тратят! Кошмар! Ольга Валерьевна, вы хотите их в театр отвезти, на балет? Побойтесь Бога! Они этого не понимают... Вот в цирк, в зоопарк, куда ни шло... Галиен хоть не на пальцах считает, уже прогресс. Габриель посильнее, но вообще неуправляемый. На самом деле никому они не нужны... Детей отправляют в школу, чтобы ими не заниматься, чтобы дома под ногами не путались. Они иногда учатся на праздники, в выходные... Но вы знаете, жалко их. Мать от них отказалась. Отец с утра до вечера в спортзале. По-русски не говорят, друзей среди сверстников нет. Мы все, что у них есть!

Начались рабочие будни. Сначала занималась полтора часа Галиен, потом Габриель. Работа легче обычного. Не выпускные классы. Один на один. Много часов... Интересные дети... Оксфордские учебники. Проверка домашнего задания: иногда готового, иногда не очень... Бесконечное вдальбывание материала... Знания, утекающие сквозь пальцы, без постоянного повторения... Оценки в дневнике для родителей: иногда справедливые, иногда завышенные. Дрессировка настойчиво забываемой таблицей умножения. Ежедневная борьба с калькулятором под партой. Стандартное: «Пожалуйста, не ставьте два. Я все сделаю завтра». Кормление обещаниями: иногда выполненными, иногда нет... Забытые тетради

и дневники. Болезни именно в день тематической контрольной... В обучении бразильцы не особо отличались от русских школьников.

Габриель — старательный, упорный, немного трудный. Он периодически обезоруживал Ольгу пронизательными вопросами, которые за семь лет преподавания еще не задавал никто:

— Вы пишете рассказы? Вы же математик? А почему нельзя делить на ноль? Ну, почему?

И как Оле объяснить этому маленькому чужестранцу, плохо говорящему по-русски, что математика конечна, а литература бесконечна! Что математика искусственна. Если математический закон где-то не работает, это просто запрещают... Якобы так нельзя делать... Нельзя делить на ноль, нельзя извлекать корень из отрицательного числа... Ольгу называли «матерым математиком» в университете.

Чтобы найти общий язык с бразильцами, подобрать к ним ключик, Ольга решила тоже сесть за парту: «Если я их учу математике, пусть и они меня будут чему-то учить. Например, португальскому. Одно слово за урок, „A word in Spanish“, как в песне Элтона Джона, и к концу учебного года я буду немного говорить по-португальски. Одно слово за урок... Я думаю, что это я их учу, а на самом деле — это они меня».

Они весело начинали уроки с приветствий.

— Доброе утро. Как дела?

— Хорошо. Слово по-испански?

Габриель привычно поправлял:

— Это не испанский, а португальский. Бразильский португальский. Не португальский вариант, а бразильский.

— Конечно, конечно, бразильский португальский.

Галиен терпеливо нянчилась с Олиным португальским, спрашивала выученные слова. Когда преподава-

тельница отвечала правильно, Галиен расцветала, словно получала хорошую оценку, или примеряла новую кофточку: «Галиени, ты будешь хорошей учительницей».

У Галиен никакой концентрации, она переходила на веселые португальские перерывы несколько раз за урок. Габриеля португальский только отвлекал от математики.

Однажды он не к месту спросил:

— Кто вы для нас?

— Я ваш учитель математики.

— Но нам больше нужен друг.

Три месяца пролетели, как неделя. Учебный год близился к концу. Словарный запас португальского увеличен. Учебники практически закончены. У Галиен с опозданием, у Габриеля с опережением. Наступали на пятки итоговые контрольные и финальные тесты.

— Подготовься! — последние слова наставления перед годовой контрольной.

— Я рожден подготовленным, — Габриель за словом в карман не лез.

— Ты рожден подготовленным для тестов по математике?

Габриель усмехался:

— Сорок минут — пять задач? Легко!

— Просто подготовься!

Директор школы Владимир Александрович. Mr Vlad, как называли его бразильцы, иногда заходил на уроки. Особенно часто на занятия Габриеля. Задавал уместные вопросы:

— Как она сегодня?

— Она... Вы имели в виду он?

— Да, конечно... — Владимир Александрович закашлялся. — Он еще не знает себя, он слишком молод. Как ее... его домашнее задание? — он опять оговорился...

— Все в порядке. Всего лишь несколько ошибок...

Владимир Александрович, среднего роста, седой за пятьдесят, «сушенный интеллектual», как называли его коллеги. Был женат и воспитывал дочь, на него похожую. С женой жил плохо, об их скандалах ходили легенды...

Mr Vlad учил немецкий. По-английски говорил с ошибками. Его английский вызывал смех не только у преподавателей, но и у воспитанников. За спиной в учительской звучало злорадное шушукание:

— Так пыжится, Бедненький. Ничего же не понимает. Он — немец! А сидит с таким умным лицом, пыхтит. Смехота, да и только! За много лет мог бы английским и овладеть!

— Жмотяра — вот кто он такой! Преподавать русский на английском и получать меньше, чем за час в школе. Весь его бизнес только на этих бразильцах и держится. Знаете, сколько за них платят? Преподы не получают и половины! Он бывшую математичку держал, потому что она была ему материально выгодна! А она дуб дубом! — Дина Абрамовна нарочито громко стучала по столу кулаком. — Даже образования у нее нет. Она их так запугала! До слез Габриеля доводила! Шеф потакал всем их прихотям. Преподов менял по первому слову. Этот не нравится, тот. А эту училку долго держал, пока дети сами к отцу не пришли и не сказали, что в школу больше не придут!

— Вообще шеф им очень помогает. Квартиру нашел поблизости. Занимается их здоровьем. Досугом. По развлекательным центрам водит... Вхож в дом. Часто у них бывает, друг отца. По слухам их отец из такой нищеты вышел, что представить сложно... А сейчас миллионер. Он за месяц зарабатывает больше, чем я за год! Всего в жизни добился сам... Мачехе они не нужны, у нее грудной ребенок на руках. А шеф с ними, как нянька, возится...

Директор выразил желание сидеть на всех итоговых контрольных.

Габриель новость воспринял в штыки:

— Пожалуйста, мисс Ольга, не позволяйте мистеру Владу сидеть на моем тесте.

— Почему? Хорошо, но мисс Дина все равно будет здесь вместо него.

— Она без проблем.

Директор, как всегда, зашел в конце урока.

— Не могли бы вы позволить мисс Дине сидеть на экзамене Габриеля? Он так нервничал, когда вы входите в комнату... Я не уверена в результатах...

— Так он нервничает, когда я захожу в комнату? — Владимир Александрович от волнения даже перешел на русский.

Довольный он вернулся в учительскую. Раздался радостный смех:

— Так он нервничает!

Габриель посмотрел на Ольгу, как на предательницу:

— Что вы наделали? Почему вы это сказали?

— А в чем дело?

Но через секунду он опять был весел:

— Нет, все в порядке.

В начале июня контрольные были написаны, оценки поставлены, ученики и родители довольны. Вопрос с Ольгиным трудоустройством не решен. Муж был против благотворительности в пользу Бразилии... Платили позорно мало. Обсудив условия с Владимиром Александровичем, Ольга решила не продлевать контракт.

На последних уроках она в присутствии директора печально сообщила, что не сможет остаться.

Галиен слегка загрустила... А Габриель всполошился:

— Мисс Ольга, пожалуйста, не уходите. Я всегда буду делать домашнее задание, обещаю. Я буду присматривать за Галиен. Я буду стараться на тестах... Пожалуйста!..

Владимир Александрович стоял неподалеку, улыбался, а его синие глаза мерцали холодным блеском. Он протянул руку к двери.

— Пусть мисс Ольга сама решает... Пусть едет домой...

Что же ждало Ольгу дома? Непонимание мужа. Битва, которую она, как обычно, выиграет. Его аргументы, что нужно заниматься своим ребенком, а не сдавать его нянькам и ехать преподавать иностранцам, которые даже не платят нормально, она разобьет в пух и прах. Муж переедет на диван. В семейной жизни воцарится молчание на многие месяцы... Муж долго не простит, что она подпишет постоянный контракт с легионерами...

Муж не поймет, почему она будет ходить с ними по музеям, зоопаркам и выставкам. Всегда вчетвером: Mr Vlad, Габриель, Галиен и Ольга. Она станет их неизменным спутником, смягчая неловкие моменты, переводя все намеки в шутку...

Потом, годы спустя, она часто будет вспоминать этого одинокого двенадцатилетнего бразильского мальчика, смерть в его глазах: «Мисс Ольга. Пожалуйста, не уходите». И старого гомосексуалиста у него за спиной...

Мама

Лера — приятная женщина средних лет. Милая соседка, которая каждый вечер заходит поболтать, рассказать свои новости и услышать новости соседей. Она всегда готова одолжить что-то для хозяйства: немного масла или муки. Не то, чтобы она извлекает пользу из дружбы, но разве плохо помочь кому-то, кто потом может тебе пригодиться?..

Оля давно знала ее историю. Лера рано и неудачно вышла замуж. Ее брак был залетный. По настоятельным советам матери, она в двадцать три выгодно забеременела. Избранником ее мамы стал сорокалетний, на тот момент успешный бизнесмен Роман, закоренелый холостяк. Он имел пару внебрачных детей, которых никогда не видел и не переживал по этому поводу. Он женился на Лере, скрепя сердце. Но все-таки предварительно благоразумно сделал УЗИ и узнал пол будущего ребенка: мальчик. Сына назвали Игорем.

Женившись, Роман с семьей уехал на Украину по делам бизнеса. И Леру оторвали от семьи, друзей и той знакомой обстановки, которая обычно так помогает и поддерживает. Она оказалась одна в чужой стране, без родных, знакомых, с человеком, который ее не любил и не обеспечивал.

Брак принес одно разочарование. Успешный бизнесмен к сорока годам успел приобрести привычки эгоистичного ловеласа, и, женившись, не собирался от них отказываться. За первые годы семейной жизни Лера привыкла к его холодности. Он был женат, но вел себя, как холостяк: не отказывал себе в ночных пьянках с деловыми партнерами, а ни один успешный контракт не обходился без проституток.

Лера часто описывала одну сцену из той жизни на Украине, как ее муж сидел и пересчитывал крупную пачку долларов. Она попросила для маленького Игорька денег на новые вещички. «Кто бы мне помог, денег дал», — ответил Роман медленно, ехидно, с акцентом на «мне», пряча пачку купюр в карман. Его ответ ее глубоко ранил, обида застряла в сердце и отравила еще много лет совместной жизни. Роман понимал, что Лере некуда идти и не у кого просить. Она была одна в чужой стране в полной зависимости от мужа.

Еще одним разочарованием стало, что заработанные в смутные девяностые миллионы в период затишья Роман не сумел выгодно использовать. Времена менялись, что было легко в 1993 году, стало сложно в 2000-м. На рынок выходили зарубежные фирмы, составлять им конкуренцию становилось все труднее. Это требовало ума, работоспособности и деловой хватки. Одной «крыши» и взяток было теперь недостаточно. Роман был уже в годах — разгульная жизнь и легкие деньги отучили его работать. Подстроиться под быстро меняющиеся времена он не смог. Постепенно его бизнес разорился, а он устроился на работу к своему бывшему партнеру простым экономистом за стандартную зарплату.

Лера вернулась в родной город. Она вернулась, разочарованная в людях и уверенная в себе. За несколько лет унижительной жизни на Украине со скупым и распутным мужем, она поняла, что в жизни можно рассчитывать только на себя, в трудную минуту не поможет никто и доверять нельзя никому. На Украине в ней что-то сломалось, до этого доверчивая, скромная, она вернулась в Россию, чтобы выживать.

На Украине единственной радостью для нее стало воспитание сына Игорька. Он рос здоровым крепким мальчиком. Вся невысказанная любовь, которая есть в душе у любой женщины, обрушилась на единственного

родного мужчину рядом. Она видела в нем свое продолжение, свое счастье. Говорят, что дети до года не воспринимают себя отдельно от матерей, и только в год понимают, что они другие, отдельные люди. В случае Леры, это она ассоциировала себя с ребенком, росла вместе с ним, растворялась в нем. Желая обеспечить его самым лучшим, понимая, что на мужа надежды нет, она преодолела природную робость и застенчивость. Она нашла или воспитала в себе черты, которых от природы у нее не было.

Не найдя ни в чем опоры: ни в любви, ни в семейном счастье и доме, она нашла опору в материнстве. Тот инстинкт, который заставляет кошек идти в горящий дом за своими котятами, собак — замерзать на снегу, спасая детенышей, заглушил в ней любые другие инстинкты, все обиды и мечты отошли на второй план. Как и любая самка, она должна была выкормить не только себя, но и своего ребенка. В маленьком Игорьке она находила причину и смысл жизни. Он стал ей другом, опорой и надеждой. Ради него она стала хищницей.

Через год после возвращения в Россию Лера открыла свое рекламное агентство. До этого она мыкалась сначала учителем русского языка, потом мерчендайзером, продавцом. Но Лера считала, что достойно жить можно только работая на себя. И она открыла свое дело. Появились деньги, другие возможности, уверенность в себе и своих силах.

Когда Ольга с Лерой подружились, она уже была замужем около шестнадцати лет. Коротко стриженная, крашенная в модный иссиня черный цвет. Поправившаяся с возрастом. Она носила платья и кофты под грудью, чтобы маскировать свой слишком большой живот. Такая «вечно беременная»... К мужу она привыкла и терпеливо несла свой замужний крест. Редко можно встретить брак, который был так несчастлив. Одним из ее развлечений было терроризировать нелюбимого мужа. Ему уже было

под шестьдесят, потенциальный пенсионер. Роман практически не работал и брал деньги у жены даже на сигареты. Наконец, Лера могла отомстить мужу за лишения на Украине, а мстила она жестоко. Лера упивалась тем, как он корчился, прося у нее на хлеб и бензин. Она упивалась этим чувством мести. Раз за разом она ломала ему хребет очередным унижением.

Игорь уже ходил в восьмой класс, учился плохо. Лера наняла ему репетиторов по всем основным предметам. И одной из самых популярных тем разговора была тема поступления Игорька. На примете был строительный колледж после девятого класса, еще колледж при политехническом университете, как вариант, его также можно было оставить в школе на 10—11 класс, а потом устроить в ВУЗ.

Эти вопросы занимали все мысли Леры, для Игорька она видела только максимально успешное будущее. Она видела его менеджером в строительной фирме, прорабом. Хотя и не переоценивала его интеллектуальные способности, даже материнский инстинкт не мог так обманываться.

— Лучше всего было бы отправить его в строительный колледж, — рассуждала Лера. — Строители всегда хорошо зарабатывали. Инженера-архитектора из него не получится. Но прорабом он будет хорошим, и всегда будет при деньгах, там договорился, здесь свел нужных людей, получил комиссионные — никогда не пропадет!

Устройство в колледж требовало больших затрат. Лера взяла кредит на два года:

— Что кредит по сравнению с будущим любимого единственного сыночка! Придется поднатужиться, взять побольше работы. Мое дело — дать ему образование, а потом пусть учится сам зарабатывать себе на жизнь, — любила говорить она при Игорьке.

Но когда его не было рядом, добавляла:

— Кто, если не мама, побалуует ребенка? Кто, если не мама, поможет, поддержит? Кто, если не мама, заплатит учителям? Кто устроит на работу? Как же сложно детдомовским, некому помочь хотя бы советом. Они, как слепые кутята без матери...

Она не думала, что ребенок может добиваться чего-то сам. Но ведь если ее Игорек будет самостоятельным, то зачем тогда все ее старания? Все ее деньги и связи? Все это нужно, чтобы купить ему хорошее будущее.

Лера жила ради сына, представляла его совсем взрослым, женатым, мечтала, как он подарит ей внуков. Она то готовилась передать ему свой бизнес, то мечтала, как Игорек откроет что-то свое.

Лера устроила сына в один из самых роскошных спортивных клубов и делала из него успешного человека. У Игоря были самые дорогие телефоны, он носил самую лучшую одежду, занимался с самыми лучшими репетиторами. Она решала многое за него, Ольге казалось, Лера лишила сына права выбора.

— Он — хороший мальчик, очень добрый, вежливый. Жалко, что Рома на него так влияет...

Лера готовилась к поступлению Игоря, вела размеренную жизнь: семья — дом, и, казалось, уже вряд ли что-то изменится...

Но тут случилась любовь...

Любовь новая оказалась хорошо забытой старой. Любовь звали Владимир.

Владимир был первой страстью Леры, ее первым мужчиной. Ольге казалось, Лера была влюблена в него всю жизнь и вышла замуж за Романа назло Владимиру.

В свои сорок Владимир был импозантным мужчиной. Он всегда следил за собой: маникюрчик, педикюрчик. Красился под седину, одевался по последним веяниям моды. И не на распродажах, как Лера, а в дорогих бутиках и только из последних коллекций. Еще с детства он

учился производить впечатление. Казалось, что он — мужчина мечты, что рядом с ним любая женщина будет, как за каменной стеной, что в любой момент он сможет решить любую ее проблему. Казалось, что на него можно положиться во всем, что он — настоящий мужчина: умный, надежный, добрый, но... это только казалось.

На самом деле Владимир был обыкновенным альфонсом. Он крутил шашни сразу с несколькими женщинами и выбирал всегда побогаче. Ему нравились дорогие подарки, одна любовница на десять лет старше подарила Владимиру машину. Он также не обходил стороной и юных студенток-провинциалок, на которых мог легко произвести сногшибательное впечатление. Владимир смотрел на себя их восхищенными периферийными глазами и чувствовал себя настоящим мачо. Сам же в сорок лет жил с престарелой слабоумной мамашей в двухкомнатной хрущевке. Он никогда особо не зарабатывал сам, живя на подарки богатых любовниц. Работу Владимир предпочитал непыльную, часто отказывался от прибыльных заказов, зная, что на этой работе ему придется напругаться.

По жизни он дрейфовал от женщины к женщине, ни к кому особо не привязываясь, и, наконец, прибился к Лере. Теперь она уже была не неуверенная в себе девчонка с соседнего двора. Теперь она была обеспеченной женщиной, которая не прочь взвалить на себя заботы еще одного мужчины. А значит, была полностью в его вкусе. Состоятельная, независимая, готовая его содержать, с израненным сердцем и верой в любовь.

Их роман вспыхнул с новой силой. Уже через месяц она собрала вещи и ушла от мужа.

Владимир не ошибся, Лера сразу начала делать ремонт в его хрущевке, свозила его в Турцию и купила ему дубленку. Владимир не мог упустить такую женщину... Он окружил ее заботой... Взамен на деньги она получила

то, чего ей недоставало в браке: любовь, поддержку, счастье.

Лера, задыхаясь от восторга, рассказывала Ольге:

— Он такой замечательный! Он — самый лучший мужчина, которого я встречала. Такого можно было ждать всю жизнь!

Лера была счастлива! Она состряпала развод за две недели. Единственным препятствием теперь между нею и мужчиной мечты был сын Игорь.

Игорек не мог жить с ней и Владимиром. Ее сын Владимиру мешал, да и места было мало. Жить вместе с Владимиром, Лерой, слабоумной восьмидесятилетней матерью Владимира в маленькой двушке было невозможно. Нужно было что-то придумать...

Лера нашла выход быстро — сына она сдала в кадетский корпус.

Гаражная война

Почти в центре города стояла обычная четырехподъездная пятиэтажка, постройка времен Хрущева. Маленькие комнатухи. Во дворике тополя и клены выше дома еще со времен сооружения. Раньше росли вишни и абрикосы. Около тротуаров маленькие цветасто-зеленые клумбочки благоухали всю весну и первый месяц лета до душливой июльской жары. Недалеко от военного ателье песочница и детские качели. Дети играли в «Море волнуется раз», прятки и догонялки, мальчишки бегали с мячом, а девочки прыгали через скакалки. Бабушки сидели на лавочках под вишнями и шелкали семечки, обмусоливая последние сплетни. Дедушки рубились в домино на огромном столе посреди двора...

Те времена давно прошли. В мятежные девяностые начался дворовой беспредел. Бесконтрольный захват земли. За каждый клочок началась молчаливая подпольная борьба. Многие владельцы авто тихой сапой понатыкали металлических гаражей. Хрупкие сараи, ненадежное укрытие для векового барахла и домашнего «извозчика». Вишню и абрикос спилили, клумбы забетонировали и сделали фундаментом для жестяных коробов, стол сняли. На его месте втиснули гараж с удобным подъездом. Вот повезло соседу из пятой квартиры... Совсем не осталось жизненного пространства. Бабушки теперь сидели по домам, а старички играть в домино уходили в другой двор. Гаражи росли, как на дрожжах.

Недавно землю, относящуюся к зданию, приватизировали. Теперь нелегальные конструкции можно было узаконить... Рядом построили торговый комплекс и многоквартирный дом, а парковочных мест лишь сто. Все окрестные дворы заставлены дорогами иностранными

автомобилями. Жильцы задыхались в выхлопных газах. Кто-то партизанил и поджигал неугодные чужие авто. За лето сгорело четыре. Пожарная машина долго пробиралась через гаражный бурелом. Скелеты сгоревших авто пугали жильцов несколько дней. После неместных машин поубавилось...

Напротив Ольгиных окон на последнем пустом куске земли стояли две машины. В глубине каждой квартиры зрела мысль, как ухватить этот последний клочок.

Первый внедорожник не заводили второй год. Боялись убрать. Семья Тани из квартиры пятьдесят один все никак не могла накопить денег или опасалась мести соседей: писем в администрацию и депутатам, гвозди и стекло у въезда в гараж. Вообще бесстрашные. Хотели поставить второй металлический ящик во дворе.

Вторая машина, доисторический «вольво» — груда металлолома — торчала здесь, наверное, лет пять: заржавела, колеса прокололи, окна выбили, шины сняли — как и все, что можно снять и хоть за копейки продать. Авто гнило, но занимало свои три с половиной метра потенциального гаража. Прошлой зимой после сильного ветра на «вольво» упали ветки тополя и помяли крышу. Их никто не убирал полгода... Наконец хозяин решил сдать машину на металлолом.

Пока допотопный «вольво» буксировали, собралась толпа соседей-автомобилистов: кто первый успеет впихнуть свою машину на освободившееся место. Гаражная война объявлена. Самым шустрым оказался жилец с первого этажа. Он загнал свою «тайоту» прямо за буксиром... Но утром ему нужно на работу. Вот, наверное, обидно, освободить кусок земли, который так сложно занять. Ольга в декрете, момент не упустила, бдила у окна за занавеской... Сейчас или никогда! Спустя пять минут, как его серая «тайота» уехала, Оля втиснулась между внедорожником и двумя боковыми гаражами. И решила

не убирать авто ни при каких условиях. Ни землетрясение, ни наводнение, ни камни с неба не могли ее испугать... Отступить уже некуда. Место застолблено. И в бой! Пошла договариваться с Таней из пятидесяти первой квартиры убрать внедорожник и вместить сразу два гаража. Вдвоем не так страшно!

Таня — крашенная блондинка лет сорока пяти, стройная с тонкой сеточкой морщин вокруг глаз и на шее, к тому же, тренер по настольному теннису. У нее двое детей: сын восемнадцати лет и дочь семи.

Набираясь смелости, соседочки уговаривали друг друга:

— Моя семья в этом доме уже сорок лет живет, имеем полное право на гараж под окнами!

— Ни деревьев, ни кустиков срубить не нужно! Коммуникации не пролегают! А что о детской площадке мечтают — так пусть мечтают дальше! Все равно места не хватит! Это вообще к домкому! Вон около бельевых веревок можно песочницу организовать! И вообще какая им разница: две машины стоят или два гаражика? Вон сосед из второго подъезда только квартиру купил, так уже и гараж как амбар водрузил, забетонировал и электричество провел! Всю ночь музыка играет! А мы два крохотных! Узеньких, но, правда, наш под ВАЗ высокий!

— Вообще у меня ребенок маленький, я за детскую площадку, но игрушки тоже нужно где-то хранить! Я столько хлама в этот гараж уберу! — размечталась Оля. — Давайте поставим, а там уже отбиваться будем! Три недели можно и на трамвайчике поездить, пешком походить, в крайнем случае, на такси... Больше ни один гараж не впихнуть! Некуда!

Несколько недель Ольгин «ниссан» стоял на одном и том же месте. Поставить гараж мешали то дожди, то отсутствие материалов у монтажников. Стоило только сдвинуть Олины сто лошадиных сил, какой-нибудь

прыткий сосед поставил бы свою машину, и уже скоро на последнем пустом куске общего приватизированного двора взгромодили новенькую или не очень жестяную коробку...

Семья с третьего этажа уже вызвали мастеров и измерили территорию. Только ждали, когда уберут надоедливый «ниссан». Два года как переехали в дом и туда же! Пришлось ускоряться.

Монтаж проводили в понедельник днем, пока все на работе. И быстро управились — за полчаса! Ни в коем случае не в выходные и не вечером. Тогда собрался бы консилиум соседей с вызовом участкового. А самая старая бабушка из семидесятой квартиры села бы прямо на землю рядом и грозила бы рабочим своим костылем с криками: «Только через мой труп!».

Пока монтировали, Ольга сидела у окна на корточках, иногда подглядывая за рабочими. И ни за какие коврижки не призналась бы, что правый ее.

И Танин муж, фотограф, прятался на первом этаже за шторой и консультировал рабочих по телефону.

Оплачивали тоже тайком за два квартала, чтобы никто не пронюхал. Украдкой повесили сразу по два замка-черепашки, их не срезать и не загнать свою машину. Документов же нет. Незаконное строение. Самострой.

В понедельник вечером вид на два новеньких металлических гаража, ровненьких, аккуратненьких, в рядок, с коричневой окантовкой грел сердце и радовал глаз Ольги и Тани, вызывая завистливое сопение соседей. Но кто не успел — тот опоздал. Ольга, совсем обнаглев, гараж сразу и забетонировала. На века. Его теперь можно убрать разве что динамитом.

Таня с мужем свой засыпали гравием. Не так хорошо, как бетон, и низ подгнивает. Но если будет скандал, гараж всегда можно легко снять и продать, как металлокар-

кас. Забетонированный уже не снимешь! Они и первый засыпали гравием. Опытные!

Придя с работы и увидев новостройку, недовольные жильцы скучковались, начали громко возмущаться, стучали по жестянке, дергали замки в надежде, что появится хозяин. На верную смерть никто не вышел...

Оля к толпе недовольных решила лицемерно не присоединяться, следила из окна. Было забавно наблюдать, как у соседей медленно сползали вниз челюсти, вытягивались лица и округлялись глаза! Сначала слов не было, а потом они лились через край, обильно приправленные отменными матами. Такой прыти не ожидал никто.

Особенно возмущались вокруг Олиного.

— Это кто ж так охренел, чтобы бетонировать? — кричал жилец из пятидесят четвертой квартиры, не вовремя убранный серую «тайоту».

— Это я, — прошептала Оля за занавеской.

Таниного мужа отправили шпионить, он возмущался громче всех, отводя от себя подозрение. Расчет был правильный. После первого трудового дня недели всем хотелось побыстрее домой, на ужин. Толпа потихоньку сосалась.

Домоуправ сказал виновникам смуты самим признаться и прийти к нему. Иначе начнутся пытки...

— Ну что будем делать? — ошарашенному домкому, дяде Жене пришлось все рассказать. — Вы, конечно, имеете полное право ставить гараж на приватизированной земле. Кто первый поставил — тот и молодец! Все законно. Только люди недовольны. Сами, без спроса. Нужно было организовать собрание. Решить общим голосованием. А то нехорошо получилось...

— Все гаражи ставят — и ничего, а мы так поставили, так проблема! Что-то весь двор в гаражах, и никто ни разу собрание не организовывал!

Дядя Женья — лысый, псориазный, за пятьдесят, работал охранником в магазине неподалеку и жил в доме, сколько Оля себя помнила:

— Земля в собственности. Здесь гаражи жителей не только нашего дома, но и соседнего... Со следующего года будет введен налог на землю. Вот, что тут начнется, не знаю! Люди будут возмущаться, почему они должны платить за землю, на которой стоит чужой гараж. Как вы будете разбираться, не знаю!

— Мы разберемся!

— Давайте мы с Таней скинемся и поставим лавочку во дворе, okay? — предложила Оля.

— Лавочку поставим, но чьи гаражи — не скажем, — добавила Таня.

— Ну, ладно... Только чтоб лавочку обязательно...

— Без проблем!

А пока Олина «ласточка» постоит за домом. Конечно, ветер и дождь. Ничего страшного. Зато потом у любимого «ниссана», сердечного друга, будет свой домик!

На вопросы: «Ты не знаешь, кто это совсем охерел и поставил сразу два гаража?» — Ольга удивленно поднимала брови и пожимала плечами... Она признается позже, месяца через два, когда соседи привыкнут к новому виду двора, без единого просвета и окончательно смиряются...

Война за место под солнцем будет выиграна!

Спасатели

Сезон осенних проливных дождей в Краснодаре был открыт. В одном районе большого города ливень с грозой и градом, а в другом только небольшая морось. Словно дождливый сентябрь сверху поливал город, как огород: одни районы, как грядки, сильнее, а другие меньше... Теплые затяжные дожди не пугали прохожих. Кто-то гулял под дождем, кто-то терпеливо переждал непогоду на остановках или под козырьками магазинов.

Ольга возвращалась из супермаркета... На заднем сиденье машины в детском кресле вертел головой двухлетний Михаил. Вдруг она услышала кошачьи крики где-то неподалеку, совсем рядом... Проехала еще пару кварталов, крики следовали за ней... Поразмыслив немного, Ольга поняла, что крики шли из ее машины. Постояв на светофоре под настойчивый визг, она припарковалась на стоянке и обошла машину. Пищал точно капот. Откуда ни возьмись под крики капота один за другим появились три мужика, закрутились вокруг машины и накиннулись на Ольгу:

— Куда вы смотрите? У вас котенок под капотом. Как вы под такие крики ездили? Вам его не жалко? У вас сердце есть? А если бы котенок изжарился? Знаете, какая под капотом температура?

— Конечно, знаю. Наизусть помню... — Ольга недоверчиво процедила сквозь зубы. — Я уже полгорода с утра объездила. Котенок, наверное, спал. Только что проснулся. Мне два квартала до дома. Может, я доеду?

— Да вы что? Он же заживо поджарится. Под капотом двести градусов! Нужно капот открыть, котенка достать!

— Какие вы ужасы рассказываете... Ладно, ладно, доставайте. А это долго? Я вообще-то спешу... У сына развивашки в двенадцать...

— Успеем!

Первый — лет сорока пяти, лысый, худощавый, в босоножках, джинсах и синей клетчатой рубашке. Второй — с непропорционально большой головой, невысокий в красной рубашке и джинсах... Третий — в серой майке, шортах и шлепанцах, с палкой колбасы и булкой хлеба в руках, наверное, шел из продуктового магазина.

Они начали плясать вокруг «ниссана»: открыли капот, подозрительно долго смотрели и молчали... Распахнули багажник, достали набор отверток и фиолетовый плед. Тот, что в голубой клетчатой рубашке, постелил плед под машину. Затем двое залезли под «ниссан», третий караулил котенка у капота. Они долго крутились около: то открывали капот, то закрывали. В красной рубашке стоял на коленках у колеса, карауля кошачьего детеныша, а остальные искали его у капота. Мяуканье то приближалось, то опять стихало в глубине машины.

Позже подошел четвертый, брюнет с длинными волосами в красных кроссовках, джинсах и короткой майке.

— Вы вообще животных любите? — поинтересовался в клетчатой синей рубашке.

— Обожаю...

— Он вам кузов обоссывает!

— Обоссывает — не страшно, главное, чтобы не сдох там... Нет, вы не подумайте. Я вообще-то животных люблю... У меня питомник русских голубых... — при слове «голубых» он поморщился...

Сексуальные меньшинства лишили русский язык цвета неба...

Было забавно наблюдать, как сначала три, а потом четыре brutальных мужика кружились вокруг машины, спасая котенка... Ольга предусмотрительно ключи им

не отдала. Хоть бы ничего не украли... Сигналку не выпускала из рук, решила: главное, никуда не отходить, чтобы автомобиль по деталям не растащили!

Прошло около получаса... Вокруг машины велась напряженная работа: все кружились, валялись на пледе, стояли на коленках, а капот все также мяукал.

Миша с интересом наблюдал, как три дяди бегали вокруг маминой машины... Стоять рядом с мамой ребенку уже поднадоело, и он стал осваивать близлежащие лужи... Малыш в резиновых сапогах с детской непосредственностью наступал в лужи, стараясь сделать как можно больше брызг.

В это время принесли домкрат, подняли автомобиль, что-то там открутили... Мд-а...

В серой майке и шлепанцах ушел, наверное, решил, что и без него помощи хватает...

У Ольги энтузиазм явно поубавился... Она, подперев рукой щеку, скептически наблюдала за спасателями, доставая Мишу из очередной лужи. Хоть кто-то в этот момент был счастлив.

Зверь под капотом отчаянно мяукал, но не сдавался, и стало понятно, что убежище он просто так не покинет.

— Котенок куда-то залез... Мы его достать пока не можем. Вы же не торопитесь? Дальше лезть ему некуда... Хуже уже не будет...

— Да куда уж хуже... Я уже везде опоздала... Доставайте... Что тут скажешь... Зря я тут, что ли, столько времени торчу?

В красной рубашке ушел в местный продуктовый магазинчик и вернулся почему-то с обручальным кольцом...

— Котенка достать мы не сможем, давайте вызовем МЧС, — предложил он.

При слове «МЧС» Ольгино лицо вытянулось, повисла минутная пауза... Она внимательно посмотрела на спасателя, пытаясь понять, шутит ли он... Слегка на-

клонила голову, прищурилась... Его лицо осталось беспристрастным. Значит, не шутит...

— МЧС... Только МЧС мне тут не хватало... Понятно... а доехать домой никак нельзя? Ой, кошмар! Ладно, вызывайте! За мой счет, да? А может, все-таки без МЧС справитесь? — с робкой надеждой поинтересовалась она. — Не справитесь?

Оля грустно прокручивала в голове стоимость вызова МЧС... Подозрительно сморщилась, нахмурилась и поджала губы... Но огорчить спасателей не смогла и вслух произнесла...

— Ну, ладно, вызывайте... Что тут уже... У нас МЧС еще котят не спасали...

В это время Миша уже плескался в глубокой луже. Когда он успел?! Только отвернулась на машину посмотреть. Лишь бы ничего не украли. Хотя, что там брать? Страховка и детское креслице!

Тут произошло чудо: котенок оказался в руках у спасателя в серой майке и красных кроссовках... Ольга облегченно пробормотала:

— Я просто мегасчастлива...

— Ой, какой хорошенький! Ему так нужна мама. Может, вы его возьмете? Будете ему мамой? — он прижимал бело-рыже-черный комочек к груди, как ребенка, потупился в асфальт и ангельски улыбался...

— Нет! — довольно резко отпарировала она, шарахаясь. — Котенка вы мне не впихнете... Не возьму!.. И на руки я его брать не буду...

Ольга отмазывалась от котенка как могла и сразу же закрыла машину:

— Вы явно стараетесь пристроить животное в надежные руки! Достали и Слава Богу! Спасибо, конечно. Но котенка мне не надо. У меня своих дома три, кормить нечем. Только всякую заразу собирать. К этим бездомным болячки не прилипают. А я потом своих поро-

дистых полгода от лишая и глистов лечить буду. Руки хоть мой, хоть не мой, споры. А вы сами не возьмете? Кошечка трехцветная, к деньгам. Котов трехцветных не бывает... Я изучала генетику... Берите! Берите! Не отказывайтесь.

— Я своего на дачу уже отвез, спасибо...

— А вам не нужно домашнее животное?..

Все молча отводили глаза...

Когда достали котенка, он показался Ольге знаком. В ее дворе местная черно-белая кошка родила трех котят: трехцветная кошечка, черно-белый и рыженький. Одно-го сбила машина... Осталось два. Котят подкармливали всем двором...

Олин «ниссан» три недели стоял под окнами: Ольга караулила место для гаража. Наверное, кошка, недолго думая, перенесла под автомобиль котят. Самая глупенькая кошечка, как оказалось, прячась от дождей, залезла под капот.

Продавщицы из соседнего магазина принесли недавнему жителю капота сухой корм, жидкое питание, колбасу и молока.

Запуганная, дикая кошечка на руки не далась. Шипела и исцарапала продавщицу. Спряталась в ближайших кустах! И не успели присутствующие оглянуться, как она залезла под соседний красный хетчбэк, которому, похоже, симпатизировала...

Спасатели побежали к соседней машине доставать маленькое чудовище уже оттуда. Стучали по колесам, чтобы сработала сигналка, звали хозяина. Сигналка не сработала, зверек опять начал пищать.

На его крики прибежала на помощь местная рыжая кошечка, но неудачно попала на глаза маленького мучителя. Дома кошки боятся Мишу, а Миша боится кошек, но на улице страх испаряется вместе со стенами помещения....

— Все, кися, тебе хана... Ты еще и беременная, кися, тогда вообще беги быстро...

«Кися» не успела... Миша с криками молниеносно схватил кошку за хвост... дернул, что было сил... И пошел купать «кисю» в луже... В этот момент кошку жалко было всем...

— И вы уверены, что котенку будет хорошо у меня дома?

Когда оторвали ребенка от несчастной рыжей кошечки, вернулись к Олиному «ниссану», что-то там докрутили, опустили машину, убрали домкрат, сложили грязный плед и отвертки в багажник.

— Мы не можем второй болт вкрутить... Не получается. Вы бы съездили к мастерам, они сделают... — виновато пробухтел в клетчатой рубашке.

— Конечно, сейчас и поеду....

Спасатели исчезли так же незаметно, как и появились.

Оля в магазине писала записку и жаловалась продавщице:

— Вот идиоты! Ума разобрать машину хватило, а ума собрать уже не хватает... Кошечка маленькая, без мамы не выживет... Благими намерениями, как говорится...

Записка гласила: «Под ваш хэтчбэк залез котенок. Будьте осторожны! Мама ждет ребенка по адресу...». Оставила адрес и номер телефона. Когда Ольга прикрепляла записку к лобовому стеклу, записок было уже две: кто-то до нее побеспокоился о судьбе несчастного малыша... Но никто не позвонил...

И долго Ольга еще ездила без болта под запах кошачьей мочи... И еще неделю кошка-мама ходила по району, мяукала и звала котенка...

Обманчивость

Психологи говорят, что впечатление о человеке складывается в первые тридцать секунд общения. Но насколько это впечатление бывает правильным? Кто знает секреты человеческих душ?

Однажды Ольга с отцом возвращались на машине с дачи, мчались в сторону Краснодара по трассе. В салоне работал кондиционер и было прохладно, но к окнам машины подступала духота. Она неслась на скорости выше шестидесяти, догоняла, стучала в окна и просачивалась в щели... Справа мельтешили невысокие станичные домики Елизаветки, слева колосились бесконечные поля тугой спелой кукурузы... Впереди манили высотки Краснодара. На заднем сидении в детском кресле мирно спал двухлетний Миша.

В воздухе висела напряженная тишина, езда в молчании сковывала...

Ольга заговорила первая и рассказала недавний случай:

— Знаешь, на днях я ехала в трамвае, решила не выгонять машину из гаража. Людей практически не было. Я стояла у выхода и смотрела, как темноволосый школьник лет шестнадцати вытаскивал кошелек из сумочки молоденькой, зазевавшейся девушки. Он увидел мой взгляд и отдернул руку. Я посмотрела в глаза вору. В его взгляде был вызов и бесстыдство. На следующей остановке он вышел. Больше всего меня поразило, что по виду он никак не походил на вора и внешне был мне даже симпатичен... Если бы я встретила его на улице или в общей компании, то он бы мне, скорее всего, понравился. Такой приятный, миловидный, аккуратно одетый молодой человек обкрадывает девушек в трамвае!

— Ты имеешь в виду, что внешность обманчива?

Ольгин папа, бывший военный, майор в отставке, работал начальником отдела безопасности на заводе. Он — потомственный защитник Родины, выбрал службу, когда это было престижно, а после развала СССР бросать начатое не стал. Его здорово поносило по жизни: Казахстан, Дальний Восток, Поволжье... Они с Олиной мамой развелись еще в девяностые. Тогда разваливалось все: Родина, строй, браки... Их брак не выдержал трудностей времени, попав в ураган перестройки. Мама вернулась в Краснодар, а папа дослужился до пенсии в Казани... Ольгу он всегда поддерживал: с ребенком не разведешься.

Потом он второй раз женился, у него родился сын. Со сводным братом у Ольги разница двадцать лет.

У него была выправка и речь военного. Он говорил сухо и тихо, взвешивая сказанное, с акцентами на, как ему казалось, важных словах...

— Я как-то поймал вора за руку. Прямо за руку схватил... Было это так: сижу я в трамвае и что вижу? Заходит женщина, за ней два пацана тринадцати или четырнадцати лет. Трамвай пустой, потому я легко смог проанализировать ситуацию. Вижу, да, значит. Женщина садится, а парни идут мимо меня на выход. Идет один на выход с кошельком, а заходил без кошелька. Я его за руку — раз! А теперь слушай, что он делает. Кошелек сразу сбросил, руку освободил... Потом чисто профессионально выкручивается через большой палец, вышибает мне руку... И убегает... Женщина получила назад кошелек... За пацанами я, конечно же, не побежал. На фига оно мне надо.

Был еще один случай. Когда я служил на Дальнем Востоке, около Комсомольска-на-Амуре... Нас как раз перевели из Балхаша. Спроси у мамы, как мы жили. Она тебе расскажет... ЗАТО с тропическим названием Лиан. Ближайший город в шестидесяти километрах,

а ближайший поселок в тринадцати. Четыре пятиэтажки на сопке. Дороги из бетонных блоков. Колючая проволока по территории. Вокруг поселка метров на двести — выжженная земля. Ничейная полоса. Остовы испепеленных деревьев. Вечером идешь и шарахаешься от них, как от нечистой силы... Кругом глухая тайга. Летом гнус и клещи. Мы ходили в специальных накомарниках, как пчеловоды. Женщины в тайгу не выходили, только мужчины и то группами. Собирали бруснику, морошку, сладковатую жимолость, березовый сок. Зимой сугробы в два метра высотой, а мы — на охоту. Я тогда в первый раз зайца подстрелил...

От городка никто далеко не отходил... Можно заблудиться — ни одна душа не найдет. Это тебе не бульвар. Один продуктовый и один хозяйственный магазин. Клуб, библиотека... Ни школы, ни больницы... Знаешь, как тоскливо жить под грифом «секретно». Только недавно, говорят, там школу открыли...

Однажды мне позвонил командир части и приказал разобраться с ситуацией на КПП, оформить убийцу... В это время два работника милиции ЗАТО отсутствовали... Нужно было организовать его охрану и заключение под стражу. Я так и пошел без оружия. Меня сопровождали дежурные по КПП со штык-ножами. Как его зовут, не помню, столько лет прошло...

Какое впечатление произвел он на меня? Подойдя к воротам, я увидел щуплого, худощавого мужичка невысокого роста в светлой рубашке и темных штанах. Синие глаза, почти белая плешивая бородка... Смотреть не на что!

Я представлял убийцу каким угодно, но только не таким... Сначала подумал, что произошла какая-то ошибка. Что сослуживцы решили меня неумно разыгрывать. Потом увидел, что его рубашка вся забрызгана кро-

вью! Знаешь, какое зрелище? Жуть! Он пришел на контрольно-пропускной пункт и признался в убийстве:

— Позавчера я, начальник, вернулся с зоны. По условно-досрочному. Пришел вечером. А жена с любовничком в кровати. Ну, я их ножичком потыкал... Прямо там и порешил... Вымыл руки в ванне в раковине... А потом в бега в тайгу... Но не выдержу я... Пишите, во всем признаюсь...

— Он смотрел кротко и был смирен, — отец особо выделил слово «кротко». — Сутки шел по тайге, ночью увидел огни станции, дойдя до колючей проволоки, направился вдоль нее и вышел на КПП утром. На воле он пробыл два дня.

Я поместил его в специально оборудованное помещение с решетками на окнах и выставил вооруженного дежурного из личного состава КПП. В начале пятого из Комсомольска-на-Амуре за ним приехал «воронок».

— Убивец сидел с восьми до пяти», — Ольгин папа так и сказал: «убивец», прямо по Достоевскому, — и за это время попросил только стакан воды. Видимо, чего-то боялся... Я принес ему стакан, он взял его трясущими руками. Вот этими самыми руками он вчера убил двоих людей, как сам сказал, «порешил», искромсал... В нем не было раскаяния, только усталость...

Отец опять выделил слово «усталость»...

— Было ли мне страшно? Не было. Он производил впечатление раздавленного, обессиленного. Конечно, день и ночь шел без еды и воды по тайге. Может быть, если бы он поел, полезли бы понты... Сообразил, что его никто уже не ждет, идти ему некуда... Или его сломала тайга...

Над ним потом был суд... Меня вызывали как свидетеля... Я не поехал... Его осудили на двадцать лет строгого режима... Говорят, кто-то из его жертв выжил, но остался калекой на всю жизнь. Кто, не знаю...

Ольгин папа замолчал. Опять в воздухе повисла тишина. Но на этот раз она не напрягала. Просто говорить банальности не хотелось... Бытовые разговоры казались мелким и пустыми, а сводить все к шутке было бы лживо...

Марина и Влад

— Ну, кто у нас сегодня приедет?

— Будут почти все, десять лет прошло все-таки. Круглая дата...

Ольга — одна из первых приезжает на день встречи выпускников. И всего лишь несколько минут вспоминает годы универа: такие судьбоносные когда-то и такие незначительные сейчас.

Встреча выпускников, как дань уважения забытым однокашникам. Взрослая жизнь, семья, работа практически полностью затуманили время учебы. Только первая суббота февраля далеким отголоском напоминала о студенчестве.

Пока пришли Ольга и Настя, чей «самокрасный самодиплом» без четверок когда-то вызывал у Оли стойкую зависть. Темно-русые волосы по плечи, длинная, немного прикрывающая глаза челка, которую она знакомым Оле, привычным жестом смахивает то в одну, то в другую сторону, открывая лоб. Минимум косметики. За десять лет она вообще не изменилась, только похудела после родов и недавнего развода. Худоба ей идет.

Годы универа промчались быстро и сейчас казались только сентиментальным, тусклым воспоминанием. Совмещение учебы и работы, череда лекций, семинаров, пар, сессий мелькали в калейдоскопе памяти с новыми друзьями, влюбленностями и расставаниями.

На прошлой встрече староста Юля грустно сообщила, что другие группы даже создавали чаты в ватсапе и постоянно обменивались сообщениями, поздравляли друг друга с праздниками, днями рождения. Наша группа ответила солидарным молчанием: «Нам такой чат не нужен».

— Ну что там одноклассники? Какие новости? — задает Ольга стандартный вопрос.

— Да, все также. Сами расскажут. Не знаю, будет ли Марина... У нее что-то по работе не получается...

Учеба, как неясный отзвук прошлых лет, долетает из глубин памяти. Самые шустрые девушки разобрали самых перспективных парней еще на первом курсе прикладной математики, пока наивные вчерашние школьницы писали в альбомах-анкетах друг друга проникновенные фразы и рисовали цветочки... В Ольгиной группе сразу образовалось несколько стабильных пар. И одной из самых стабильных были Марина и Владик. Он из богатой краснодарской семьи с четырехкомнатной квартирой в старом центре, единственный сын матери-карьеристки, начальника отдела в администрации края. Она — кореянка, среднего роста с волосами по плечи, дочь двух преподавателей математики из политеха... Марина носила платья, расписанные в технике батик. У нее был еще старший брат тоже с прикладной математики.

Владик — невысокий, коренастый, светло-русый, плохо учился, но хорошо играл в настольный теннис, защищая честь универа. Он лениво грыз гранит науки на договоре и, во многом благодаря успехам в спорте, переползал с одного семестра на другой. Марина поступила на бюджет и хорошо училась. Она тянула Владика как могла: делала ему курсовые, помогала с домашним заданием, писала новые и отдавала свои шпаргалки для экзаменов.

Конспекты всех прогулянных Владом лекции, которые он показывал преподавателям перед зачетами, были переписаны Марининым мелким аккуратным почерком.

Марина покупала Владу сигареты. Ради него на первом же курсе рассталась с девственностью.

Она несколько раз в неделю ходила на фитнес, много читала, разбиралась в искусстве и практиковала саадажа-

йогу... Часто медитировала, говорила о духовном росте и могла часами рассуждать о самосовершенствовании, бескорыстности дружбы и самоотречении.

Она смотрела на Влада влюбленными глазами, болела за него на всех играх. Они вместе готовились к экзаменам, ездили на соревнования, общей компанией путешествовали за город, ходили в походы, отдыхали на море. Развлекались в модных ночных клубах, танцевали до упаду и встречали рассвет на набережной... Марина организовывала вечеринки для общих друзей. Со студенческой доверчивостью они пускали в квартиру Влада малознакомых однокурсников и веселились ночи напролет.

Пока мама Влада была в многочисленных командировках, они уже жили настоящей семейной жизнью с трехразовым питанием, вечерами перед телевизором и выходными с друзьями.

Когда после второго и третьего курса Марина уезжала на заработки в Америку, он ее терпеливо ждал... Марина писала ему письма, полные любви и новых впечатлений... Владик же пару раз черкнул несколько скупых строчек: не мужское это дело — письма писать.

Все вокруг влюблялись, сходились и расходились... С кем встречалась староста Юля, кого снова бросил Женья? По ком опять плачет Таня из параллельной группы? Только Марина и Владик — островок стабильности в штормовом море непостоянства универа, уже как имя нарицательное, всегда вместе, планировали свадьбу и мечтали о детях...

Неожиданно в середине пятого курса Владик заболел. Диагноз был беспощаден: рак мозга. Ему сделали несколько операций. Он практически не посещал учебу. Тогда Марина с Владом почему-то расстались. Никто не рассказывал подробностей, говорили, что Владик не хотел связывать Марину обязательствами...

На выпускном Ольга со старостой перекинулись парой фраз:

— Думаешь, мы будем видеться после универа?

— Вряд ли. Раз в пять лет на дне встречи выпускников, может быть...

На встречах Ольга узнает последние сплетни.

Владик борется с раком, после нескольких курсов химиотерапии и облучения ему стало лучше. Он женился на девушке, очень похожей на Марину. У них уже двое детей, ждут третьего... Он постоянно сдает необходимые анализы и надеется, что болезнь отступит.

Марина все еще не замужем, работает в нефтяной компании программистом. Увлекается роком, купила квартиру в ипотеку, делает там ремонт и живет с каким-то приезжим красавчиком... Всегда, когда говорит о работе, грустно, наклонив голову, смотрит через пустой бокал и жалуется на придирчивого начальника. Каждый раз она ненароком упоминает Влада: то он открыл свою фирму по программированию, то занялся торговлей...

Маринины высоконравственные посты иногда украшают Олину новостную ленту Вконтакте: «Чтобы ты ни делал за спиной у людей — ты делаешь это на глазах у Бога». «Стремись не к тому, чтобы добиться успеха, а к тому, чтобы твоя жизнь имела смысл». «Победа не всегда означает быть первым, победа — это когда ты стал лучше, чем был»...

— Так Марины не будет? — повторяет Ольга вопрос, чтобы поддержать практически сразу стихающий разговор.

Настя смотрит Ольге прямо в глаза. Заговорщически, чуть заметно улыбается и, показывая крупные, немного выступающие зубы, слегка наклоняется вперед и переходит на шепот:

— Ну, уже столько лет прошло, можно сказать. А ты не знаешь?.. Ну да, они же никому не рассказывают...

Это Марина бросила Влада, когда узнала, что он болен раком...

На почте

Ольга с четырехлетним Мишей зашли на почту разыскивать недоставленный номер литературного журнала.

Миша находит новую игрушку в каждом магазине. Обычно, если игрушка покупается, то сынок играет с ней пару дней, а потом она складывается в общую коробку и забывается. Затем покупается следующая... Игрушки быстро надоедают. Машинки, яркие журналы и наклейки продаются не только в специальных магазинах, но и в киосках, супермаркетах у дома, даже на почте... И каждый раз нужны серьезные аргументы, чтобы ребенку эту игрушку не купить. И если аргументы не действуют), иногда идет в ход «тяжелая артиллерия», безотказные средства: слезы, крики: «Мама, ты же знаешь, как я тебя люблю», поцелуйчики, надутые щеки и «Я отсюда без этой машинки никуда не уйду». Обычно покупкой новой игрушки может закончиться практически любой выход из дома.

Почту напротив церкви Святого Георгия Ольга знала с детства. Изможденные неблагодарным трудом служащие почты — лицо за прозрачной стойкой менялось раз в полгода. Огромные очереди и долгое ожидание. Если нет в запасе пары часов свободного времени, то на почту можно даже не заходить.

Когда в очереди попался курьер с целым пакетом конвертов, каждое письмо обрабатывалось несколько минут... Значит, ждать часами. И всегда работала только одна сотрудница, чтобы очередь была подлиннее.

Больше всего Ольга не любила пенсионерок, оплачивающих коммуналку. Они часами стояли в очереди, ругались, зная, что коммунальные услуги можно оплатить в любом банке и практически в любом терминале.

Родителей с детьми никогда не пропускали вперед, обычно всегда находилась сварливая и грузная бабушка с палочкой впереди со словами: «Я торчу здесь уже битый час», которая начинала задавать ребенку заковыристые вопросы.

Недавно почту отремонтировали, сделали большой стол в центре зала со стульями и лавочку, стенд с бланками для оформления подписки, несколько шкафов с канцелярией, конвертами, небольшими детскими игрушками. За долгое стояние в очередях дети всегда успевали выпросить у родителей недорогую игрушку. Добавили, непонятно зачем, небольшую, метр на метр, будку «Банк Почты».

Ольга отдала распечатанный отчет об отслеживании отправления. Небольшая очередь. За стойкой только одно, как всегда, новое лицо. На этот раз молодого человека, загорелого, темноволосого, наверное, студента-заочника. Ольга решила очередь не занимать:

— Извините, не подскажите, мне тут журнал должны были доставить двадцать шестого апреля. Вот в отчете написано, что он получен адресатом уже пятнадцатое мая, а его нет...

Молодой человек внимательно осмотрел листочек с гербом Почты России, где в колонку было расписано путешествие небольшой бандероли из Москвы в Краснодар. Похоже, такой он видел впервые. Проверил по базе. Потом еще раз.

— Написано, что ваш журнал доставлен. А что, его не было?

— Нет, точно не было...

Ему на помощь подошла давно работающая сотрудница изможденного вида и неопределенного возраста, со светлыми волосами и прозрачными глазами. Создавалось впечатление, что у нее дома семеро по лавкам голодные сидят. Ольга повторила:

— Здравствуйте, я написала в редакцию. Они прислали мне идентификатор для отслеживания. Вот посмотрите, написано, что он был доставлен, а его не было. Пришла литературная газета, а журнал — нет. Они всегда вместе приходят. Мне его обычно в конверте бросают в почтовый ящик.

— У вас же без извещения, не наложный платеж? — голос у сотрудницы тоже был бесцветный, без интонации и знаков препинания.

— Да, все оплачено, мне его сразу в ящик кидали. Ящик на ключ закрывается, с замком, украсть бы не смогли... Обычный ежемесячный журнал...

Измощенная сотрудница лениво повертела в руках распечатанный отчет. Небольшая очередь зашевелилась и заинтересованно напряглась.

— Давайте мы его поищем. Придет почтальон, я у нее спрошу, — сотрудница аккуратно сложила пополам листок с отслеживанием и убрала его в ящик стола... — Сегодня вторник? Вы приходите в среду... Нет... Лучше в четверг, — оглянув очередь, добавила: — А лучше позвоните.

Ольга записала номер.

— Спасибо.

В четверг Ольга с сыном решила все-таки на почту зайти, чтобы, если журнал нашли, его сразу забрать...

На этот раз, на удивление, посетителей не было... За прозрачной стойкой сидела очередная новенькая сотрудница, тоже загорелая, тоже молоденькая, тоже, наверное, студентка. Другая под сорок, с усталым видом работала совсем недавно. Вторничный молодой человек в четверг, наверное, уже уволился. Сотрудницы что-то усердно делали и выглядели очень занятыми. Как всегда, работало только одно окно. Новенькая что-то сосредоточенно печатала.

Сначала, не поверив своей удаче, Ольга протянула еще один отчет отслеживания, заранее распечатанный

в Интернете, и объяснила ситуацию.

— Вы знаете, я не получила журнал двадцать шестого апреля.

— Если что-то не получили, то пишите заявление о потере.

— А есть такие заявления? Я не знала. Давайте напишем! А можно еще написать заявление, чтобы журналы приносили домой? Обычные, толстые журналы... Они в ящик могут не помещаться.

— Заявление, чтобы приносили домой? — новенькая подавила смехок. — Это надо с почтальоном договариваться.

Новенькая взяла распечатку с отслеживанием и быстро ушла за стойку. Очереди не было, поэтому она вернулась нескоро с уже знакомой изможденной сотрудницей и, не глядя на Ольгу, негромко сказала:

— Вы подождите.

Оля уселась на скамейке у витрины. Миша стал изучать стеллажи с игрушками. Очередь стремительно росла. Изможденная сотрудница, держа в руках новую распечатку, что-то кропотливо искала среди конвертов, свертков, посылок и бандеролей.

Миша увидел желтый пластмассовый экскаватор с синими колесами-звездочками и начал клянчить:

— Мама, ну, купи. Ну, пожалуйста. Я тебя люблю. Мы же с тобой друзья, купи, пожалуйста...

— Вот видишь, тетя нашу с тобой бандероль ищет...

Миша начал подпрыгивать к стойке. Ольга подняла его и показала, что происходит за стойкой.

— Тетя, достань экскаватор, — он тут же попросил новенькую.

Не получив ответа, ребенок вернулся к стеллажу и прилип к витрине с экскаватором.

Изможденная сотрудница ненароком повернулась к залу с посетителями и столкнулась глазами с Ольгой.

Быстро подпрыгнув, Ольга схватила за руку Мишу и побежала к стойке:

— Здравствуйте, — торопливо и участливо сказала она, сопровождая слова радостным кивком головы.

Ольга подняла опять Мишу:

— Тетя, достань экскаватор, — не заставил себя ждать целеустремленный ребенок.

— Да, я помню вас. Вы за журналом-то пришли? А мы его не нашли... нет... А вы в редакцию писали, звонили? Может, они вам еще один экземпляр вышлют? — изможденная сотрудница продолжала старательно разбирать корреспонденцию. Потом достала из ящика стола вторичный отчет, недоверчиво сравнила две одинаковые распечатки и забрала обе.

— Вы отчеты берите, берите, — участливо проговорила Ольга. — Я им писала, они мне трек-номер для отслеживания выслали. Да, может, найдется еще. Но нет, нет. Если не найдется, вы не переживайте. В Интернете можно электронную версию за сто двадцать рублей купить. Просто бумажная уже оплачена... Мне сказали, что можно заявление о потере написать. И заявление, чтобы журналы домой приносили...

Изможденная сотрудница удивленно и недоумевающе посмотрела на Ольгу, а потом украдкой замахнулась на новенькую.

Голос из очереди не заставил себя ждать:

— О потере? А такое можно написать? Вы говорите, говорите, мы слушаем!

— А журнал большой? — быстро спросила сотрудница.

— Нет, совсем небольшой... Что-то среднее между форматом А-4 и А-5. И листов немного, двести сорок, но бумага тонкая. Журнал голубенький такой, обычный, литературный. С синенькими буквами.

— Ну, если небольшой, то, может, найдется... У меня уже есть ваша распечатка, — изможденная сотрудница

подошла к Ольге, сочувственно положила руки на стойку и отдала новую распечатку, написав на ней какие-то цифры. — Давайте подождем! Подождем! — вкрадчиво глядя в глаза, она тихо, как будто советуя, продолжила: — Заявление пока писать не будем.

— Давайте... Подождем, — кивая, повторила ее слова Ольга. — Как раз двадцать шестого должен прийти пятый майский номер. Я тогда, если что, двадцать седьмого приду. Напишу заявление.

В том, что Ольга придет двадцать седьмого, сотрудница не сомневалась.

— Да, конечно, давайте я запишу ваш номер телефона, если журнал найдется, то позвоню, — сотрудница прямо на распечатке записала Ольгин номер и неопределенно махнула рукой в сторону двери.

И Оля с Мишей направились к выходу.

— Мама, ну, купи мне экскаватор!

— В следующий раз. Вот двадцать седьмого придем и куплю.

Но, замотавшись по работе, Ольга про журнал вспомнила только в начале июня. Как раз в понедельник днем раздался звонок, и недовольный женский голос громко задребезжал в трубке:

— Девушка, это вам с почты звонят. Вы почему трубку-то не берете? Я вам уже несколько раз сегодня звонила... и вчера.

— У меня не было пропущенных, — извинялась Ольга.

— Это вы по поводу журнала приходили? Нашли мы вашу бандероль! И следующая как раз пришла. Можете прийти сегодня, забрать сразу две...

— Спасибо большое! Я прямо сейчас и подойду! Мне еще литературная газета должна прийти, ее в этот раз не было...

Молчание в трубке предполагало, что про газету со-

трудница почты ничего не знает... Значит, апрельский номер журнала даже не приносили.

Направляясь к почте, Ольга купила недорогую шоколадку с арахисом и карамелью.

Очереди опять не было. Работали неуволившийся сотрудник-студент и новенькая студентка. Похоже, теперь на почте трудились посменно. Ольга опять объяснила ситуацию и достала шоколадку. Новенькая сходила за изможденной сотрудницей. На этот раз сотрудница расторопно прибежала с двумя конвертами. Ее лицо сияло участием и заинтересованностью, она кряхтела и квохтала, как наседка, и радостно всплескивала руками. Говорила теперь быстро и услужливо, а в речи появилась выразительность и знаки препинания:

— Ох, мы тут ваши бандероли нашли. Вам нужно заполнить вот эти два извещения. Я вам сегодня и вчера звонила. Что ж вы трубку-то не берете? — она отдала два конверта с марками, и Ольга заметила грязь под ее ногтями.

«Когда это бандероли, которые кидают в почтовый ящик, с извещением забирали?», — подумала Ольга. Но вслух произнесла:

— Это вам за беспокойство, что искали, звонили... — и аккуратно протянула шоколадку.

Про недоставленную литературную газету Ольга ничего не сказала.

Вид довольной сотрудницы говорил, что шоколадки ей дарят нечасто. Апрельский номер Ольга получила в начале июня. Майскую литературную газету так и не принесли...

Июньский номер и литературную газету доставили в почтовый ящик. А Мише купили новую машинку в продуктовом супермаркете у дома.

Оглавление

Рассказы	5
Автомобилистка	7
Платановая аллея	17
Высший свет	22
Апрельский четверг	32
Домушник	36
Отомсти другому	44
Бабушка	52
Мученик	57
Староверы предпочитают блондинок	62
Вот как бывает, вот как выходит... ..	69
«Брюкс» 36	72
РасСвет	76
Дискриминация по видовому признаку	78
Мусорка	81
В библиотеке	90
Ольга. Цикл рассказов	97
Зеленая трава	99
Кузнец своего счастья	108
Верблюд	112
Встреча	118
На испанском (португальском)	125
Мама	133
Гаражная война	140
Спасатели	146
Обманчивость	152
Марина и Влад	157
На почте	162

Инга Полякова

Платановая аллея